След в Истории

РАИСА ГОРБАЧЕВА

Е.Водолазская

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга о женщине, чья судьба оказалась столь же непростой, сколь и счастливой. Раиса Горбачева была первой и незаменимой помощницей мужа во всех его начинаниях, великих и малых. О ней ходили самые невероятные слухи, и лишь теперь мы можем отделить правду от вымысла… А еще — познакомиться с историей Любви, непоказной, истинной, большой. Для широкого круга читателей.

- Водолазская Евгения
  -
  - К читателям
  - Без нее
    -
    - В поисках исторических аналогий
  - Рубцовск — Стерлитамак
    - Перед войной
    - Вопреки молчанию
    - Тайна имени
    - «Вечно новенькая…»
    - Университет
  - Москва
    - Лирическая география столицы
    - Встреча
    - Счастливая особенность
    - О семейном счастье
    - Отъезд
  - Ставрополь
    - В провинции
    - Друзья
    - О кандидатской диссертации
    - О докторской
    - Приметы счастья
  - Москва — СССР — и весь мир…
    -
    - В Москву!
    - У подножия политического Олимпа
    - На вершине власти
    - Первый визит в Англию
    - Париж, Париж…
    - Чисто женское тщеславие
    - Две первые леди

- «Вы — идеалистка, госпожа Горбачева!..»
- В деревне… у Миттерана

○ Крым, Форос
- Дворец на сильном ветру
- Из хроники путча
- Предсказание
- Неподведенные итоги

○ Без страны
- «Я говорю вам — до свиданья!»

○ Германия, Мюнстер
-
- Случай из медицинской практики
- О причинах болезни
- Сны

○ Раиса Горбачева
-
- Быть «первой леди» —
- Благотворительная деятельность
- Клуб Раисы Максимовны
- Воспоминания
- Образ женщины
- Ненаписанная книга
- Что завещала нам Раиса Горбачева

○ Михаил Горбачев:
- Опыт параллельного чтения
- Становление политика
- «Встреча четырех генсеков»,
- Народ и Генсек
- О перестройке
- «Что оно с нами-то будет?»
- О Ленине и социализме
- «Мы хотели лучшего…»
- Август
- Экономика и политические игры
- Прощай, СССР!.
- Президент Лир
- Горбачееы на концерте Малера
- Горбачев и Ельцин
- Об обвинениях в коррупции
- Горбачев о будущем страны
- О Фонде Горбачева
- О Нобелевской премии

○ Об уважении к истории (Вместо послесловия)
○ Краткая хронология жизни

- Основные использованные источники
- Мемуары
- О новейшей истории и судьбах России
- Из публикаций о Р. М. Горбачевой в периодике

Водолазская Евгения

РАИСА ГОРБАЧЕВА

Ростов-на-Дону
«Феникс»

*

Серия «СЛЕД В ИСТОРИИ»

© Водолазская Е., 2000
© Оформление: Изд-во «Феникс», 2000

К читателям

Мне, профессиональному журналисту, очевидно, повезло с выбором темы. Чувствуешь себя разоблачителем мифов… Поле деятельности — в данном случае — самое обширное. К имени Раисы Максимовны, как к днищу какого-нибудь океанского лайнера, налипло великое множество ракушек. Их скопилось столько, что они уже мешали ему идти вперед. Так или иначе — время пришло очистить корпус этого корабля от мусора, чтобы он мог двигаться дальше… Мое содействие здесь, собственно, минимальное — свое слово сказала сама жизнь…

Признаться, затрудняюсь подсчитать, сколько на самом деле у этой книги авторов. Десять? Или же гораздо больше?

Дело в том, что это в известном смысле, я бы сказала, «народное творчество». Во время подготовки рукописи обнаружилось большое число активных и добровольных помощников, самых разных возрастов и профессий — перечень имен занял бы несколько страниц… Ежедневно мне звонили, ко мне приходили: «Смотри, не забудь упомянуть…». Или: «А ты читала вот это?» Приносили книги. Помогали «добывать» материал, помогали советом и просто дружеским участием.

Особенно «горячими» темами оказались две. Во-первых, лейкемия. Материалов скопилось в большом количестве, хоть отдельной книжкой выпускай… И другая — женщина в политике — споров вызывает немало.

Склонна думать, что уважение к личности Раисы Максимовны сыграло далеко не последнюю роль. В семьях Италии, США, Болгарии, Бразилии назвали своих дочерей ее именем… Польская фирма «Витрофлора» присвоила имя «Раиса» выведенным в начале 90-х годов сортам гербер и роз. Трагическое завершение ее непростой судьбы заставило всех переосмыслить свое отношение к Раисе Максимовне.

Не берусь судить об иных причинах такого внимания, просто скажу: пусть это врожденное неизбывное качество русского человека — абсолютно бескорыстно дарить свое душевное тепло другим — всегда остается с нами. На меня хлынула волна доброты и участия — вот я и сочла своим долгом поэтому выразить благодарность всему «авторскому коллективу». Тем людям, чей труд, чьи мысли и чувства здесь тоже присутствуют.

В том числе — низкий поклон моим родителям, моей семье.

Без нее

Он шел по свежеумытым улицам далекого немецкого города, и с ним здоровались прохожие, словно в какой-нибудь русской деревне. И вспоминал он при этом свою бабушку Василису — вот так же и она когда-то шла по Ставрополю и здоровалась со всеми… Ее любила жена, они с ней были очень дружны.

…Осень 1999-го выдалась невероятно теплой. В надраенном до блеска, всегда чистом и ухоженном немецком городке Мюнстере, в стерильной университетской клинике, так похожей на круглую башню, боролась за жизнь Раиса Горбачева. Жена первого и последнего президента СССР. Маленькая, хрупкая женщина. Подавленная пережитыми невзгодами и тяжелой болезнью. Она была слишком слаба, чтобы противостоять недугу.

Ее муж, бывший всесильный вождь могущественной сверхдержавы и некогда один из самых влиятельных людей в мире, проводил у ее постели дни и ночи. Никогда еще он не чувствовал себя таким беспомощным.

Он являлся в клинику каждый день. Проходил несколько постов инфекционного контроля, облачался в специальный защитный костюм. И пытался отвлечь жену от тяжелых мыслей, просто сидел рядом с ней. Ничего для него в целом мире не представляло интереса — только она одна. Только бы бесконечно дорогой человек оставался рядом, как и раньше…

Благодаря кратким сообщениям Горбачева, прямо на ступенях клиники, весь мир следил за состоянием ее здоровья, небольшие бюллетени регулярно публиковались в центральных газетах России и за рубежом. Миллионы глаз — после безразличия во время предвыборной президентской кампании 1996 года — напряженно наблюдали за выражением его лица, за его взглядом, за его настроением. Старались увидеть улыбку, убедиться, что есть надежда. Мы все желали Раисе Максимовне скорейшего выздоровления…

Если среди ее подопечных, кому она когда-то помогла, были люди верующие, то, скорее всего, они молились за нее, как это было в Аргентине начала 50-х годов нашего века. Во время болезни Эвиты Перон, обожаемой простыми людьми, повсюду служили молебны. А она, умирая от рака, приказала заковать себя в специальный станок, чтобы можно было выходить к толпам народа и продолжать участвовать в избирательной кампании Хуана Перона, агитировать за него и за его дело…

Горбачев многое вынес в борьбе за ее жизнь. Раиса Максимовна испытывала страшные боли в спине и суставах,

перенесла химиотерапию, довольно болезненную процедуру. Состояние ее тогда резко ухудшилось.

«Я стою рядом, — говорил Михаил Сергеевич. — Вижу все эти ее муки и впервые ничего не могу сделать».

— Я многое пережил, — размышлял вслух Михаил Сергеевич. — Но мы все преодолевали всегда вместе.

И экс-президент отвернулся от телекамер: ему сейчас требовалось побыть одному. Всегда бодрый, жизнерадостный, теперь он выглядел постаревшим и усталым. Он ронял слова осторожно и тихо, будто боялся что-то сломать.

И в этом вполголоса сказанном мягком «мы» многое шло от опытной, старой и бесконечно терпеливой сиделки. Так любящие матери, не веря, что ребенок повзрослел, все продолжают говорить: «Мы сегодня сдали трудный экзамен…», или: «Мы наконец-то выздоровели и отправились в школу…» Надо полагать, именно Горбачева приучила мужа к этому «мы».

Они были женаты 46 лет. Вместе познали власть и славу, вместе испили чашу унижения. Трагедия семьи вызвала во всем мире симпатию к ним и сострадание.

…Горбачеву историей и судьбой суждено было стать разрушителем Советской империи. То, что личной вины его в этом нет, что такова была логика развития событий — всеми давно забыто. Весной 1996 г. Горбачев участвовал в президентских выборах. Владимир Жириновский получил тогда значительно больше голосов сторонников, чем «первый демократ» и «первый либерал» страны… Горбачев набрал только 0,51 процента голосов избирателей и не сумел пройти во второй тур.

Раиса Максимовна — миловидная и хорошо одетая женщина — рядом с главой государства… Такого советские люди принять не могли: за долгие годы изоляции от остального мира слишком прочно укоренились стереотипы поведения кремлевских жен. Виктория Брежнева отлично готовила, занималась, по сути, исключительно этим и ненавидела официальные приемы. «Щи, Люся», — звала она своего Леонида к ужину. С самых первых дней семейной жизни она прощала ему любовниц, молчала и никогда ни во что не вмешивалась… Брежнева не была публичным человеком. Хотя доводилось ей бывать вместе с мужем во Франции, и даже в Индии, где она встречалась с Джавахарлалом Неру, каталась на слонах. Но, по большому счету, и страна, и весь мир впервые увидели эту немолодую грузную женщину лишь на похоронах мужа…

И жена Андропова, Татьяна Филипповна, также появилась на публике, только когда генерального секретаря провожали в последний путь. О ней вообще ничего неизвестно. Как была, так и

осталась загадкой. Мелькнула и исчезла с экранов телевизоров. Нигде ни одного интервью, ни одного фото…

Анна Черненко, как это полагалось по протоколу, устраивала прием для женщин в честь 8 марта. И сама была на нем, хотя тяжелобольной Константин Черненко уже находился в коме и было совершенно ясно, что ему не подняться. Ее-то, человека, в общем, неплохого — кто заставил поступать именно так? Какими идеалами и какой моралью она при этом руководствовалась? О смерти генсека страна узнала с опозданием на несколько дней…

Для Горбачевой подобное было совершенно исключено. Она лично присутствовала на заседаниях съезда народных депутатов СССР в 1991 году. Психологически очень тяжелом для ее мужа…

— Раиса Максимовна, зачем? — удивлялись присутствующие в Кремлевском Дворце съездов депутаты, гости, журналисты… — Зачем это Вам? Вы себя не жалеете… Зачем рвете свои нервы, душу, зачем?.

А она не могла иначе. И ничего не хотела менять.

Она была умна, весьма миловидна и уверена в себе. Примерная ученица, прилежная студентка, состоявшийся научный работник и преподаватель… К слову, самая образованная из всех кремлевских жен — школу окончила с золотой медалью, имела высшее образование и ученую степень кандидата наук… Ни Каменева, ни Молотова-Жемчужина, ни Ворошилова, ни Калинина с Аллилуевой не окончили даже гимназии. Крупская после окончания гимназии — с золотой медалью — проучилась лишь год на Бестужевских курсах…

Кремлевские мужья любили не женщину как таковую. Они любили лишь все, связанное с удобствами, которые жена им приносит. Горбачев «выпадает» из общего ряда.

Когда Горбачев в 1985 году стал генеральным секретарем ЦК КПСС, они с Раисой Максимовной были женаты уже 32 года. Она рядом с ним, когда он начинает свою партийную карьеру. Она с ним, когда Горбачев становится руководителем Советского государства.

Горбачева и дома, и в Кремле выполняла главное свое предназначение — организовывала вокруг мужа нормальное рабочее пространство. Строго следила за порядком в домашней библиотеке. Переставляла мебель в его кремлевском кабинете — потому что знала: так ему будет лучше работать. Будучи советской женщиной западного типа, она решила помочь своему мужу социалистической ориентации.

В конце 80-х одно слишком откровенное высказывание президента больно ударило бумерангом по его жене. На вопрос американского журналиста Тома Брокау из Эн-би-си: «Приходя

домой, вы обсуждаете с женой проблемы вашей страны?» Горбачев ответил: «Мы обсуждаем все! Абсолютно». В версии интервью на советском телевидении главу государства «поправили», и этот ответ был вырезан. Но наша публика и так все видела и замечала: «Ну ладно бы таскал за собой любовницу — ему бы простили, а он возит за собой жену. Во всем Раиса виновата».

Тогда их взаимное глубокое чувство мало кого трогало… Женщины ревновали ее к Горбачеву. И такое тоже было.

По отношению к Раисе Максимовне общество плохо скрывало зависть и раздражение. Распространяли самые невероятные слухи. Женщины ненавидели ее за дорогую и «заграничную» одежду. (Хотя она почти всю жизнь шила у советских портних, и только в последние годы покупала готовые вещи.) Мужчины — за излишнюю «самостоятельность». За то, что «задается». «По России мчится тройка — Мишка, Райка, перестройка», — злословили в конце 80-х.

Или другой анекдот: «В нашей стране есть три самые известные женщины: Алла Пугачева, Катя Лычева, Раиса Горбачева. И трое самых популярных мужчин: Райкин-отец, Райкин-сын, Райкин муж».

Но как только стало известно, что у Раисы Максимовны лейкемия, вся неприязнь забылась. Увидев по телевизору, как, держась за руки, Михаил и Раиса Горбачевы входят в Мюнстерскую клинику, многие не могли удержать слез. Ее духовная близость с мужем, недавно всех почему-то так раздражавшая, стала восхищать. Вдруг вспомнили: супружеской чете оставалось до 50-летия совместной жизни совсем немного. А ведь эти люди по-прежнему нежно и трогательно были привязаны друг к другу…

Еще вспомнили, что она входила в правление общественной благотворительной организации «Гематологи мира — детям», и вот теперь у нее самой лейкемия, причем в наиболее тяжелой форме. Горбачев приносил в больничную палату целые ворохи писем с пожеланиями скорейшего выздоровления. Она плакала, читая их. Раиса Максимовна спросила мужа: «Неужели я должна умереть, чтобы меня полюбили?» Что он мог на это ответить? По обыкновению молча взять ее за руку?

Прав был известный русский философ Петр Чаадаев, когда писал около 170 лет назад: «В России любят только мертвых». Жестоко, несправедливо, но такова реальность…

Она была непохожей на всех, и это обескураживало. Сегодня такое ее поведение, ее элегантность, раскованность, активность в политике никого бы не удивили. Правда, и не гарантировали бы

любви народа.

В поисках исторических аналогий

В своей статье «Демоны агрессии» писатель Эдуард Лимонов, потрясенный расстрелом Елены и Николае Чаушеску, скажет: «Их любовь друг к ДРУГУ — она присутствовала во всем, во всю длину кассеты… Объясняющихся в любви прикосновениями и взглядами всего за несколько часов до смерти. Она захотела умереть вместе с ним, как поступали когда-то супруги великих граждан Рима или гордые жены германских вождей…

В моменты, когда она вдруг взрывалась гневом (на судебном процессе. — Е. В.), он ласково клал свою руку на ее и прижимал слегка или поглаживал несколько раз бессловесно, убеждая таким образом успокоиться». День рождения Елены Чаушеску народ заставляли отмечать как общенациональное торжество…

Впрочем, если уж и сравнивать Горбачевых с кем-то, то, на мой взгляд, куда больше общего у них с Уинстоном и Клементиной Черчилль. Биографии этих двух людей вобрали в себя чуть ли не всю новейшую историю Англии. Так и судьбы Горбачевых вместили в себя очень многое. Годы, проведенные Горбачевым у власти, были так насыщены событиями, драмами, потрясениями, что один год вполне можно было бы приравнять к трем…

И еще кадры кинохроники. Показалось мне только или это было на самом деле? Джон Кеннеди среди толпы приветствующих его людей как-то очень грубо и довольно неловко попытался подхватить жену под руку. Жаклин вся передернулась, лицо на несколько секунд исказила гримаса нескрываемой душевной боли. Ей явно была неприятна эта показушная «ласка», скорее, похожая на оскорбление. Но улыбка при этом не сходила с ее лица. Сверкнула где-то в глубине глаз слезинка — и тут же исчезла. Ее никто из тех, кто радостно встречал высоких гостей, не заметил…

Американская Образцовая Семья — слащавые открытки с фотографией супругов Кеннеди, где пухленький младенец, сидя на коленях матери, играет ниткой жемчуга Жаклин — очень напоминает «Святую троицу».

Как известно, это был миф. Джекки презирала мужа за его разгульную жизнь и знала пусть далеко не о всех его похождениях, но все же больше, чем полагали некоторые в Белом доме… И было в облике первой леди Америки нечто от трепетной лани, убитой на охоте львом, но в итоге доставшейся своре шакалов. Впрочем, сама Жаклин определяла свое мироощущение на «посту» жены президента иначе. «У меня такое впечатление, —

признавалась она, — что я нахожусь в аквариуме, а все рыбы плавают снаружи…»

…Еще кадры — фотограф делает для истории «парадный» портрет семьи Горбачевых. И сам президент, и его домочадцы здорово смущаются. И тогда Михаил Сергеевич шутит: «Это семейная наша композиция», — и все смеются, обстановка сразу делается иной. Процесс пошел… В эти минуты общения с семьей Горбачев бесконечно счастлив. Раиса Максимовна по воле фотохудожника расположилась в кресле. Михаил Сергеевич — за ним, стоит на втором плане. Улыбаясь, сияющий от радости президент опускает руку вниз, как бы стремясь приобнять жену. И вот здесь — внимание! — и происходит Обыкновенное Чудо. Его рука и рука жены — сами собой — находят друг друга и сплетаются постепенно в едином порыве все теснее и теснее. Назвать это музыкой чувств? Настоящей поэмой чувств? Зачем? О таком действительно лучше помолчать. Слова здесь бессильны.

— Сначала я недоумевал: ну почему они все время держатся за руки? — рассказывает итальянский журналист, корреспондент газеты «Стампа» в Москве Джульетто Кьеза. — Мне казалось сперва это наигранным, неискренним… А потом я понял: они не могут иначе!..

…На прогулке по заснеженному саду около дачи Раиса Максимовна с нежностью поправляет мужу шарф. Совсем как ребенку. Жест, простой и знакомый миллионам людей, здесь полон глубокого чувства и такой теплоты, что становится признанием в любви. Хотя о любви эти двое и не говорят.

Они просто молчат. Какой разительный контраст известному танцу Клинтонов на песчаном пустынном берегу! Сцена «из частной жизни» сделана от начала и до конца. Якобы президент с женой отдыхали, резвились, потом от избытка эмоций начали танцевать, и тут их застигли врасплох «нехорошие» папарацци. Зубоскалы отреагировали на сие «откровение» немедленно: «Господа, хватит уже танцевать — журналисты ушли!..» Такая подпись появилась под карикатурой в одной из самых солидных газет США.

У Горбачевых никогда не было никаких оплачиваемых штатных «имиджмейкеров» или разных «стилистов», «помощников по имиджу». И наверное, это все-таки принесло в результате больше пользы, чем вреда. Свой образ любви, свое понимание этого светлого чувства они создавали сами.

Когда Михаила Сергеевича «разговорили» недавно о его личной жизни, он был откровенен и прост: «У нас (то есть у экс-президента с женой. — Е. В.) счастливая судьба — по большому счету. Мы никогда с ней о любви не говорили. Она БЫЛА просто,

и все… Вначале, когда молодые — страсть, а потом — вся жизнь… Нам повезло. И мне, и ей».

Этих слов Раиса Максимовна уже не могла слышать — они были произнесены накануне дня ее памяти, незадолго до сороковин. Если бы ее спросили о том же самом, ответ был примерно таким же, можно не сомневаться… Хотя она, пожалуй, по сравнению с мужем подобных признаний оставила гораздо меньше, и человеком «закрытым» оставалась до конца своих дней…

(Обратила внимание: случалось, на вопросы они отвечали совершенно одинаково. Почти слово в слово. Вначале этому удивлялась. Потом поняла: похоже, они читали мысли друг друга. Но вот как это происходит? Тайна…

У семьи Горбачевых прадеды были с Черниговщины. Так что, если следовать учению Н. Рериха, Агни-йоге, в частности, легенде о реинкарнации (переселении) душ, то Михаил Сергеевич и Раиса Масимовна вполне могли встречаться или даже быть родственниками — в своих прежних воплощениях на Земле.

С определенным опасением в душе ждала — вот-вот «желтая» пресса напишет о Горбачевых нечто такое, от чего перехватит дыхание от праведного возмущения. И уже заранее приходила на ум гневная строчка Вознесенского: «Не троньте музыку руками!» Но нет, кажется, обошлось на этот раз. Не заметило бульварное изданьице с названием «Любовь» — Любви, и слава Богу. Откровенные нахрапистость и разнузданность десятков газет и журналов — наподобие «Еще» и других, для мужчин в первую очередь (а их выдают подчас чуть ли не за «семейные издания») и развязанный ими настоящий сексуальный террор в отношении обывателя, включая подростков, давно уже перешли все границы допустимого, границы разумного…

И все-таки продаются эти фактически порнографические «изделия» почти всегда на отличной бумаге и в отличном полиграфическом исполнении — абсолютно беспрепятственно. (Самое настоящее растление не может не вызывать глубокой тревоги. Но — почему-то миримся, терпим… — Е.В.)

Раиса Максимовна всю жизнь обожала своего мужа. Переводчик из клиники рассказывал семье, что на вопрос врача: «Есть ли в Вашей жизни что-то настолько светлое, что способно помочь в борьбе с болезнью?», — Горбачева ответила: «Конечно, есть. Я каждое утро жду прихода моего мужа».

…Когда ее не станет, Горбачев скажет: «Я потерял самое главное — смысл жизни. Когда уже все произошло… а я должен был держать себя, есть такая от природы способность, хотя я был потрясен… семь часов я сидел возле нее, когда она умирала… и

врачи говорили: здоровый молодой организм!.. Она боли уже не чувствовала. А вот что с ней делали, что с ней происходило, я не мог смотреть. Видеть это было невыносимо! Я заходил в палату — и не выдерживал… Так жалко было…»

…Она снится ему каждую ночь. Он часто приходит на ее могилу на Новодевичьем кладбище. Дочка с двумя внучками жили в Москве, а теперь переехали на дачу. Забываясь, он часто роняет домашним по привычке: «Да вы спросите у бабули», или: «Ты спроси у мамы».

…Он все еще не может принять, что ее нет. Теперь ему нужно учиться жить без нее.

Кто-то из журналистов назвал их Ромео и Джульеттой… Это уж, наверное, слишком, там судьбы все-таки иные. Но вот бессмертный Данте, думается, будет как раз к месту.

Остается только еще раз вслушаться в слова его «Божественной комедии» (песнь 33), которые звучат как музыка:

О, если б слово мысль мою вмещало, —
Хоть перед тем, что взор увидел мой,
Мысль такова, что мало молвить: «Мало».
Как геометр, напрягший все старанья,
Чтобы измерить круг, схватить умом
Искомого не может основанья,
Таков был я при новом диве том:
Хотел постичь, как сочетаны были
Лицо и круг в слиянии своем.
Но собственных мне мало было крылий,
И тут в мой разум грянул блеск с высот,
Неся свершенье всех его усилий.
Здесь изнемог высокий духа взлет,
Но страсть и волю мне уже стремила,
как если колесу дан ровный ход,
Любовь, что движет солнца и светила.

На Западе все крупные газеты помянули бывшую советскую «первую леди». Одни лирически вспоминали ее первую встречу с Горбачевым и всю последующую жизнь супругов. Другие, называя Раису Максимовну «музой перестройки», ехидничали по поводу того, что президент находился под чрезмерным влиянием жены и во всем был обязан ей своим восхождением во власть… Это и верно, и это — в то же время совершенно не так… Все гораздо сложнее.

Марсель Пруст писал в лучшем своем произведении «В поисках утраченного времени: «Когда мы влюблены в женщину,

мы просто проецируем на нее состояние своей души; и важна здесь не ценность женщины, но глубина состояния; даже чувства к самой посредственной молодой девушке могут позволить нам поднять из глубин души на поверхность сознания самые интимные для нас и более глубокие, более личные, более нежные ее части, чем те, которые появляются во время беседы с выдающимся человеком или даже при восхищенном созерцании его произведений.»

Любовь открывает в каждом из нас такие глубины, о существовании которых мы до поры до времени и не подозреваем…

Рубцовск — Стерлитамак
5 января 1932 г. — лето 1949 г

Перед войной

Ах, вот ты где спрятался!.. Ну-ка, иди скорей сюда!..

И Рая бережно опустила рыжик, найденный под сосной, в свой туесок. Он полон только наполовину. Грибов девочка собрала немного — ведь ей куда интересней просто бродить по лесу!.. До чего же он громаден, красив, и ввек не налюбоваться на все его сокровища. Лес полон жизни, и потому каждую минуту — он совершенно иной. Пахнет можжевельником, хвоей. Под ногами пружинят кочки, покрытые изумрудным мхом. А на них брусники, костяники видимо-невидимо. «Пока была в коже, не была гожа, вылезла из кожи — стала всем гожа» — сказано о ягодах… По-иному совсем дышится в этом сумраке, чем под открытым небом. Здесь, под пологом вековых деревьев, звуки гулкие, будто под куполом храма. А птичьи голоса — все равно, что псалмы, исполняемые слаженным хором певчих…

Об этом рассказывали ей родители — как некогда красиво было в церквях. Потом довольно быстро, в угаре атеистической истерии, все это стало исчезать. Сгинул и дед Раи. Только-только землю получил, как Ленин и обещал крестьянам, и лишь начал было обзаводиться своим хозяйством, как вдруг бесследно пропал. Так и не поняла семья, за что его раскулачили и почему. Жена умерла от голода и холода. Оставшиеся четверо детей оказались предоставлены судьбе.

А ведь каждое из деревьев тебе обязательно кого-то напоминает, думает девочка… Вот дедушка, окруженный внуками. Вот на полянке три подружки-хохотушки собрались и умирают просто от смеха… А вот и влюбленная парочка, уединившаяся от своих шумных друзей, плотно сплелась ветвями.

Вот из-под листвы на Раю глядит громадный подосиновик. Она охнула от удивления, присела на корточки, долго-долго разглядывая находку со всех сторон… «Стоит старичок, красненький колпачок», — вспомнила она загадку мамы. Всего несколько дней назад она проходила этой тропинкой, но грибов здесь и в помине не было. Когда же этот красавец успел вырасти? Как возникло это чудо? Гриб упрямо не хотел помещаться в корзину, так и пришлось нести его в руках. Друзья Раи, скорее всего, были уже дома. Пора было возвращаться. И девочка вприпрыжку отправилась знакомой дорогой — в маленький поселок, что у железнодорожного полустанка.

— Мама, посмотрите, какие большие грибы я нашла! — закричала она еще издалека. Мать посветлела лицом и улыбнулась, увидев находку старшей дочери. Туесок поставили

рядом с печкой-буржуйкой.

— А я уже и заждалась. Что ты ягод-то не принесла? — спросила мать.

Девочка потупилась в смущении:

— Мне жалко стало их рвать… Они такие красивые!..

— Мы из грибов твоих кулебяку испечем.

— Что, неужели на примусе печь будете? — удивилась дочь. Рая была уверена, что уж тут без русской печки точно не обойтись.

— Да, на примусе. Голь на выдумки хитра. Попробуете — ахнете!

Уроки учить не надо, поскольку были каникулы. И девятилетняя Раечка после ужина убежала к друзьям — играть.

Девушки постарше гордились, если им присваивали звание «ворошиловский стрелок», и мечтали стать летчицами. Школьники читали «Разгром» и другие книги о минувшей гражданской. Во дворах с патефонных пластинок звучали песни, доставшиеся от нее в наследство. Дети никак не желали расставаться ни с Чапаевым, ни с Щорсом, Лазо и другими героями.

(О героике гражданской войны написано немало хороших песен, прекрасных книг, сняты впечатляющие кинофильмы. Мальчишки воспитывались на примерах легендарных героев этой войны. Чем дальше уходит время, тем более отсвечивает ее романтический ореол. Великая Отечественная его не пошатнула. Победа в ней тоже стала национальным символом. Вообще мы — нация войны. Мы постоянно живем ее героикой, она продолжается в нас. Мы словно не готовимся к спокойной созидательной жизни, а ожидаем очередной войны. Подспудно эта вероятность тлеет в нас.

«Не думай, что все пропели, что бури все отгремели, готовься к великой цели, а слава тебя найдет», — пели мы. Но позвольте спросить: к какой такой великой цели? Подобное восприятие жизни через призму ожидаемой войны накладывало заметный отпечаток на поведение человека. Угроза новой войны служила беспроигрышным «топливом» для пропагандистской машины. Советские люди терпели многие бытовые трудности: нехватку продовольствия и жилья, и так далее — с одной успокаивающей мыслью: «Лишь бы не было войны!»)

…На невысоком холме, в стороне от полустанка, стояла непритязательная сельская церквушка. Лет 20 назад, в самый разгар атеистической кампании, ее попытались было взорвать, да не вышло. Стены вековой давности не поддались. И тогда в ней, полуразрушенной, устроили клуб. В импровизированный кинозал

сквозь огромные щели дети проникали без риска и без особого труда. «Чапаева» смотрели до бесконечности.

Мальчишки безропотно становились «Анкой», если «Чапаев» и «Петька» уже были назначены… Лишь «белыми офицерами», как правило, не хотел быть никто. Тогда, случалось, возникала драка. «Назначение» «беляком» проходило в добровольно-принудительном порядке…

Кто бы мог поверить тогда, летом 1941-го, что не пройдет и года, как враз повзрослевшие подранки на своем жизненном опыте познают войну.

Только уже другую — Отечественную. Пройдя через немыслимые испытания — голод и холод, потерю близких. Лишившись зачастую семьи. Без одежды, обуви, учебников. Свою жизненную закалку они уже прошли раньше времени, и теперь будут догонять свое детство…

…Отец собирался на фронт. Все в их доме теперь молчало. С любовью связанные матерью салфетки на взбитых подушках. Буфет — старенький, но его неизменно возили с собой с места на место. Простенький стол и самодельные лавка, табуретки, книги. Свежевыбеленные стены и чистые окна. Посуда — надраенная песком, она «горела» на солнце так, что становилось больно глазам. Такой воистину ослепительной чистоты, как в родительском доме, сестрам, Рае и Людмиле, наверное, никогда и нигде встретить больше не приведется… Часы с кукушкой. Крупная подушечка-игольница, в виде перевернутого квадрата, с большой петелькой — единственное, кроме часов, украшение на стене. И даже огонь в буржуйке, казалось, примолк — хотел, но боялся нарушить тяжелое молчание. И не мог он спросить: а как же душевные украинские песни, столь любимые Максимом Титаренко? Кому их заводить? Как же эти семейные чтения по вечерам?

Отец стоял у окна и пристально вглядывался в него, словно старался разглядеть сквозь тысячи километров дальние разрывы бомб и снарядов, дым первых яростных сражений… Мать в 25 лет — оставалась в тылу поднимать троих детей. Она ходила по дому, собирая отца в дорогу. За окном была глубокая ночь. До поезда оставалось совсем немного времени. На столе так и остался брошенный ужин — к нему едва притронулись. Где-то в стороне замерла отложенная отцом газета, которую он не успел прочитать. Закончив сборы, мать крепко прижала Раю к себе. В кроватке сладко посапывал, раскинувшись во сне, маленький Женя…

Идти им до вокзала было от силы несколько минут.

Словом, все происходило точь-в-точь как на картине Петрова-

Водкина «Тревога», написанной в 1919 году… Почти век прошел с тех пор, как были созданы художником эти мужчина и женщина с их бедой, которая и стала главным действующим лицом… А впечатление такое — будто Россия 90-х на полотне… Он замер у окна, напряженно вглядываясь во тьму. Она мечется по хате, между столом и детской кроваткой, в конце концов — устало положив руки на плечи своей старшенькой… И на нас все глядят и глядят совсем взрослые глаза этой девочки-подростка…

Проводы на вокзале были недолгими и страшными. Детский плач. Женские слезы. Женщины теряли сознание. Что там египетские плакальщицы, изображенные на древних фресках!.. С их заученным и мелодичным пением!.. Только русские бабы научены горькой судьбой не плакать даже, а именно голосить так, что их вой потом долго стоит над городами и полями. Над всей Русью. Так что этот бабий вой спустя полвека оставался в памяти тех, кто его слышал… От него звенело в голове, словно натужно бил колокол..

* * *

Мать из песни барда Вероники Долиной с тревогой следит за ручонкой маленького сынишки, который без пощады «убивает» свое оловянное «войско». Но с каждым днем всевозможных танков и трансформеров на прилавках магазинов становится все больше… Зачем выпускаем? И зачем покупаем? И неужели фантазия человека не в состоянии изобрести что-то иное, кроме убийства, пусть даже и невсерьез? Хотя слово «невсерьез» будет, пожалуй, не вполне уместным. Ведь для ребенка игра и есть жизнь.

И сегодня, на исходе второго тысячелетия, все никак не кончаются эти детские игры «в войнушку». Но только с иным наполнением, иным историческим подтекстом. Вместо того, чтобы вообще исчезнуть из истории человечества, войны в виртуальном мире становятся — по твоему желанию — хоть локальными, хоть звездными, какими угодно, переносят тебя в глубины Вселенной… А кое-кто из детей и вовсе не нуждается в компьютерных играх и пластмассовых ружьях. К примеру, в Чечне. Они еще не умеют толком ни читать, ни писать, зато неплохо в свои 6-10 лет научились убивать…

Вопреки молчанию

В традициях любой власти, а отечественной в первую очередь, окружать тайной свое прошлое и настоящее. «Вешать лапшу на уши», как говорят в народе. Свысока ронять полуправду или же хранить, когда сочтется нужным, пренебрежительное молчание о важных событиях внутренней и мировой политики. Не зря же одно время Советский Союз называли Страной Торжествующей Лжи.

Тем более власть не любит правды о своей личной жизни. Совсем недавно — если газета в сообщении о новом кадровом назначении вдруг упомянет, что у секретаря обкома или крайкома, к примеру два сына, — это воспринималось чуть ли не как настоящая крамола. Да СМИ тогда и не решались, впрочем, на такую «смелость».

К сожалению, давно уже узаконенной практикой стала такая примета общественной отечественной жизни — узнавать правду о событиях в стране, о ее руководителях (в том числе об их личной жизни) из зарубежных источников. Данный случай подтверждает это правило.

Не со всеми интервью Горбачевой и публикациями о ней в газетах и журналах Европы удалось, конечно, познакомиться. Но что сразу обращает на себя внимание — ее образ «там» существенно отличается от «нашего». В первом случае в ней куда больше интеллектуалки, и куда больше — *именно женщины.* Образ Горбачевой со страниц зарубежной печати выглядит и выпуклее, и ярче. Она в беседе живее и естественнее. Заразительно смеется, кокетничает слегка. Она словно торопится излить душу — говорит о прочитанном, сыпет названиями книг, именами авторов… То есть буквально обрушивает на головы зарубежных читателей те свои «домашние заготовки», предназначенные скорее для соотечественников. В родной своей стране она вынуждена сдерживать себя, она это понимает. Все-таки опасается еще большего неприятия, не хочет, чтобы к ярлыку, который ей навесили — «задается!», добавили еще один — «слишком умная». И потому дома, в России, давая интервью, старается говорить «проще».

И еще. Журналисты различных печатных изданий Европы работают очень профессионально — к собеседнице все-таки сумели подобрать «ключик». Причем среди них встречаются и те, кто не только работают в газетах, журналах, но и заодно пишут книги…

Из российских средств массовой информации резко

выделяются лишь два издания, которых Раиса Максимовна действительно интересовала как незаурядная личность. Это «Комсомольская правда» (вплотную с ней сотрудничавшая, когда в центре внимания была «форосская» тема) и «Общая газета». Редактор ее Егор Яковлев в последние годы пребывания Горбачева у власти помогал составлять президенту обращения, послания. В частности, декабрьское, 1991-го года, «Обращение к народу» — слово главы государства, покидающего свой пост…

Но ведь и эти ведущие газеты так и не поместили на своих страницах полноценного, «крупноформатного» интервью с Горбачевой. Наше представление о ней формируется как бы рывками (и оттого — урывками), штрихами, блеклыми, не очень выразительными красками.

О некотором из прочитанного — имею в виду «советские» и отчасти «российские» интервью с Р. М. Горбачевой — и вспоминать-то неудобно. Слышишь, видишь не собеседников, а лишь самодовольного журналиста, любующегося собой, как будто он какая-нибудь звезда эстрады.

Из всех отечественных литераторов один только Евгений Евтушенко обратился к личности Михаила Горбачева, именно как к герою художественного полотна, в своем романе «Не умирай прежде смерти». Правда, Евтушенко там ему посвятил только одну главу, она была опубликована в «Литературной газете». Создается впечатление — авторы просто боятся этой темы. Не хотят рисковать, зная, что не осилят ее. Но жестокое, неумолимое время между тем по-прежнему утекает, и нашим внукам останется только ломать головы: какими же мы были на самом деле?.. Уже понятно — в наследство им достанутся почти одни слухи, но не истина…

Куда как просто «сделать» «героиней» путану в «Интердевочке», и — умыть руки. Тем самым раз и навсегда *отказаться* решать вечные вопросы бытия. Какое оно, наше время? Кто мы в нем? Или — разбираться в детальках, механизмах и пружинах большой политики…

На мой лично взгляд, если, что называется, копнуть всерьез — жизненный и политический опыт Горбачева, да и судьбу Раисы Максимовны тоже, Шекспира можно отправить на заслуженный отдых!.. (Или кто там писал под его именем комедии и драмы?) Чего стоят только эти гуси и этот теленок, с которыми в детстве крестьянский мальчишка ночевал в сарае под одной крышей. Или же — келья заброшенного, полуразрушенного монастыря, где семья рабочего-железнодорожника Титаренко приткнулась, нашла себе приют на какое-то короткое время. Это уже не просто детали, это символы, как Котлован у Андрея Платонова. Хотели

дворец построить, а вместо него — ЯМА получилась. (Не о сталинском ли проекте грандиозного Дворца Советов Платонов ведет речь?)

В 1991 году в издательстве «Харпер Перенниал» (США) вышла книга «Человек, который изменил мир: разные жизни Михаила Горбачева». Это издание сразу стало бестселлером. Его автор, писательница Гейл Шихи, проделала большую работу, разыскав и разговорив сотни людей, знавших Горбачева и его жену. К этой биографии не раз обращались отечественные периодические издания, ссылки на нее обошли весь мир. Тем не менее спешу заметить следующее. Само собой вышло так, что несколько цитат из этого труда Г. Шихи, приведенные ниже, имеют одну особенность. Дело в том, что Михаил Сергеевич, как известно, в последние годы написал и издал несколько книг воспоминаний. Поэтому собранные Г. Шихи — в отдельных моментах — сведения как бы наложились на сказанное Михаилом Сергеевичем в его интервью. Подтверждая тем самым ее правоту.

Вот что пишет Г. Шихи: «Советские люди мало знают о прошлом Раисы. Оно скрывается даже больше, чем прошлое Горбачева. Ее девичья фамилия Титаренко — украинская, но выросла она в основном в горных местах Южной Сибири, где когда-то занимались медитацией буддисты и где быстро выросли промышленные города…»

(«Скрывается прошлое» — под этим, надо полагать, писательница имеет в виду официальное сообщение ЦК КПСС об избрании М. С. Горбачева Генеральным секретарем. Помню, из-за его чрезмерной краткости по стране прошла волна недовольства. Тот, кто интересовался политикой, в ожидании перемен, в раздумьях о будущем страны вчитывался в эти скупые строки с таким вниманием, что невольно запоминал их наизусть. Впрочем, недовольны были и за рубежом. Светлана Аллилуева напишет с сожалением в «Книге для внучек»: «Печать сообщала очень мало о новом лидере». — Е.В.). И далее:

«Из-за широких скул некоторые считают, что у нее были предки монголоидной расы — не самая привлекательная особенность в обществе, которое не пытается замаскировать свою неприязнь к татаро-монголам, корнями уходящую в период их господства на Руси.

Ходят слухи, что Раиса — родственница влиятельного работника партийного аппарата и что благодаря этому Горбачев получил протекцию. В закрытом обществе факт заменяется слухом, который приобретает вес абсолютной истины. Но устойчивая молва о родстве Раисы с Андреем Громыко за все время своего существования не получила ни единого

подтверждения. Рассказывали также, что родственником Раисы был некий член Политбюро хрущевских времен. Другие подозревали, что у нее есть родственная связь с Михаилом Сусловым».

(Все это, разумеется, «злые языки, что пострашнее пистолета». Однако то, что с 1939 года Суслов занимал некоторое время должность секретаря Ставропольского крайкома КПСС и таким образом был одним из предшественников Горбачева на этой его номенклатурной должности — соответствует действительности. — Е.В.).

Но вот один из сокурсников, бывавший у Горбачевых дома и хорошо знающий семью, уверенно заявляет: «Ее отец был простым рабочим на железной дороге».

Тайна имени

«Имена, имена, имена —
В этой жизни звучат не случайно.
Как загадочна наша страна,
Так и имя — загадка и тайна…»,

— сказал поэт.

В семье рабочего-железнодорожника Максима Титаренко росло трое детей. Имя для старшей, любимой дочери выбрал отец. Раиса — значит «рай», «райские яблочки». Не по святцам назвали, как это принято в православных семьях. (День святой Раисы — 18 сентября.) Полагалось, по церковным канонам, малышку окрестить, сразу как только окрепнет. И непременно повесить в доме икону с изображением ее святой, в честь которой назвали новорожденную… Этого по бедности семья не могла себе позволить — «писаные», т. е. выполненные художником-профессионалом иконы всегда ценились высоко и стоили дорого.

Были или нет родители верующими людьми? Во всяком случае, девочку крестили, но на дому у священника. Христианские убеждения в те годы преследовались и «разоблачались» советской пропагандой. Однако не только соображения безопасности, страх за себя и других сыграли здесь свою роль. Обряд, совершенный вне церковных стен, был все-таки попроще, менее торжественным, а потому и обходился дешевле.

Отец маленькой Раи строил нитку железной дороги, и семья вслед за ним часто переезжала с места на место. Так что имена «крестных» со временем затерялись.

После крещения обязательными становились внимание и забота о ребенке со стороны нареченных родителей. И сегодня в сельской местности эта традиция живет. Причем названные родители поддерживают своих крестников долгие годы и материально, и морально. Следят за духовным развитием детей, их становлением. Да и в городах подобное наблюдаем все чаще — поскольку православные обряды все шире входят в нашу повседневность.

Пушкин писал: «Есть люди, не имеющие никакого понятия о житии того святого угодника, чье имя носят от купели до могилы, не дозволяя себе никакой укоризны…» Сколько такта в этой фразе, но сколько и сожаления. Заметьте: речь ведь идет о стране, в которой около 98 процентов населения были к середине прошлого столетия людьми верующими. И все равно тогда уже

незнание канонов, основ христианской веры беспокоило поэта!

Сегодня даже трудно судить, возрождается православие в нашей стране или нет. У части населения интерес к посещениям церквей и храмов, к обрядам идет от моды на религию. И невдомек тем, кто выставляет напоказ золотые увесистые кресты и цепи толщиной с палец, кичится ими — что в привычках истинно верующего как раз обратное — прятать скромный крестик на суровой нитке от посторонних глаз. Как нечто интимное, сокровенное.

Наверное, именно от недостатка веры так слабо противостоит общество «авторитетам», рвущимся во власть. К безраздельному господству над умами молодежи стремятся секты, за последние 5 лет их количество в России возросло в 100 раз! Как правило, подобные разрушительные организации представляют собой крупные и широко разветвленные *коммерческие* предприятия. Им нет препятствий со стороны государства. Напротив, с руководителями сект встречаются первые лица страны, крепко пожимают им руки…

Сестер Титаренко растили в строгости. О сигарете в зубах ни они, ни подруги сестер даже и не помышляли. Сегодня подобное встречаем на каждом шагу — резко возросло число курящих женщин, девушек.

И в этой требовательности матери к детям и сказывалась самая высокая любовь. А сейчас, если разрешают подобное, значит, детей не любят? Выходит, что так. Если не беспокоятся о физическом здоровье чада — значит, надо полагать, не внушают ему и здоровых нравственных начал…

Как знать, может быть, Раисе Максимовне во время посещений больниц и детских домов приходилось говорить со своими маленькими собеседниками и об этом тоже? На скольких же фотографиях она — в окружении детей!.. Вот в детской республиканской больнице с малышами, в Москве. В окружении детей из Венгрии (1986 год). На концерте в дошкольном детском доме в Латвии (1987 год). Встречается в Кремле с детской организацией «Проект Голод» (1990 год). Вот на Украине, в Донецке, в Доме ребенка (1989 год). И еще один снимок, его так и хочется назвать «Материнство». Горбачева подняла смеющегося малыша высоко над собой — примерно так фотохудожники ловят мгновение, изображая собирательный образ матери. Впрочем, не исключено, что это Раиса Максимовна с одной из своих внучек. Выглядит она настолько молодо, что назвать ее «бабушкой» просто немыслимо.

Конечно же, ей приходилось отвечать во время многочисленных поездок и на вопросы о своем детстве. Об учителях и школьных друзьях.

В своей книге-биографии она скажет так: «Из-за частых переездов семьи мне пришлось менять много школ. Это, конечно, создавало определенные трудности. Каждый раз новые учителя, разный уровень преподавания, разные требования, другой школьный коллектив. И — в общем-то — неизбежный в подобных случаях повышенный интерес к новичку».

Пытаясь «раскрасить» воображением картины, нарисованные ею, как гравюра, в черно-белом цвете, получался у меня — Платонов, и опять Платонов. В итоге не выдержала, решила перечитать. Да так и читала эти книги параллельно — «Я надеюсь…», и — подобранное, составленное из нескольких разрозненных изданий — личное мое «собрание сочинений» писателя. Он говорил то, что хотела выразить она, вспоминая детство.

К огромному сожалению, Великая Отечественная война оказалась для нынешнего поколения поистине Неизвестной войной. Вот и о плане «Гром», в деталях разработанном, мы теперь знаем — что Сталин стремился к мировому господству, замышляя завоевать и поработить другие государства, а Гитлер его опередил, развязав вторую мировую… Распространения диктатуры дальше не получилось в результате ни у того, ни у другого, как задумывали эти «близнецы» по духу.

На подходе — историческое осмысление афганской и чеченской войн — в глобальном масштабе…

В разоблачении культа личности Сталина составители последних программ по литературе явно перегнули палку. Зато вот произведения «советских авторов» о военном и послевоенном детстве не переиздаются, и для детей 80-90-х годов остаются книгами почти не «открытыми». Им восполнить этот пробел знаний практически неоткуда. Не все же школьники живут в городах и занимаются в исторических кружках! Если речь идет о сельской школе, там положение вообще безнадежное. Клубы упразднили, их здания ветшают на глазах, а библиотеки закрываются. У детей нет возможности почерпнуть сведения ни о Советском Союзе, ни о России, знания по истории скудны и отрывочны. Между тем, по большому счету, им познавать и постигать приходится не одну, а сразу две страны. Вот и получается в итоге, что не знают они ни той, ни другой.

Если дети 60-70-х понаслышке, но хоть какое-то представление еще имели о перьевых ручках, резиновой чернильнице-неразливайке, партах старого образца, громоздких и неудобных, других приметах школьного быта своих родителей, то уже последующие поколения вряд ли представляют, о чем идет речь. И если завести с ними разговор об этом, то придется слишком многое объяснять, чтобы быть понятым.

Автор этих строк хорошо помнит, какой однажды поднялся невероятный переполох в престижном учебном заведении. Виной всему была… заурядная шариковая ручка. Кто-то привез ее из-за границы сыну в подарок. Подобного никто не видел, и толпы взрослых и детей сбегались посмотреть на эту диковинку.

Все вокруг изменилось. Только самоотверженность учителей осталась той же, что и в трудные военные годы. Женщины тогда не просто учительствовали. Они помимо этого работали, и как работали! Пахали вместе с другими, растили хлеб, строили, кашеварили, лечили, если это требовалось… В том числе и те женщины, наверное, которых мы видим на старой фотографии, — первые учительницы Раи Титаренко.

И потому умели эти люди, как учительница из известного рассказа В. Распутина «Уроки французского», ненавязчиво поддержать «своих» детей в столь непростые годы. Дать им первые уроки доброты.

Откроем книгу Раисы Максимовны «Я надеюсь»: «Что дали мне родители? Что дала семья? Спрашивая себя об этом, знаете, о чем невольно думаю? Что мои родители и вообще люди, кто перенес весь трагизм тех лет нашей истории, кто удерживал на своих плечах всю ее многотрудную ношу, эти люди не имели возможности реализовать себя так, как им того хотелось. Вероятно, поэтому они избрали своей целью — хотя бы через детей дотянуться до тех ценностей, которые для них самих так и оказались за семью печатями».

Сами недоедая и недосыпая, родители детям с малолетства внушали: «Учись! Это для тебя самое главное». И они старались «выйти в люди». Несмотря на все проблемы — не хватало учебников, тетрадей, учебных пособий, их зачастую изготавливали сами учителя, а то и ученики вместе с родителями, невзирая на то, что каждый раз заново приходилось преодолевать скованность и даже замкнутость в новом школьном коллективе, — Рая Титаренко закончила школу с золотой медалью.

…Полная надежд, девушка с серыми глазами и венцом из толстых кос, красиво уложенных вокруг головы, отправилась в Москву.

Сегодня Республика Алтай также бедна. К примеру, фабрики, что работали в Горно-Алтайске, все стоят. Многие здешние жители, да и кое-кто из чиновников, считают, что край сможет подняться на туризме. Благо места на Алтае сказочно красивые. Но местные жители не питают иллюзий на этот счет. Нет дорог, нет огромных первоначальных вложений, нет базы, аэропорта…

Но отчаиваться рано. Есть лекарственные травы, дорогие породы древесины, ценный минерал волластанит, есть несколько проектов, разработанных с помощью гайдаровского Института экономических проблем переходного периода. Как выяснилось, трансферты перед президентскими выборами на 1998 год были занижены. Кому вот только предъявить это обоснование? Подачки перед президентскими выборами, которыми будут наверняка задабривать регионы, тут не помогут.

Университет

Можно только догадываться, о сколько же тогда она успела поразмышлять в долгой дороге, пока поезд тянулся до столицы. Вот только тебя провожали близкие и друзья, и — через несколько дней они уже где-то далеко, а ты — вполне самостоятельный человек, и сама принимаешь решения… И от тебя тоже что-то зависит. В своей книге Горбачева напишет:

«Вагоны переполненные. Полки все — и «плацкарта», и «сидячие», и багажные — «висячие» (третий этаж) — заняты. Это сейчас там, наверху, чемоданы. А тогда и наверху были люди. Какие полки! Люди едут и стоя — в проходах, тамбурах. Поезда ползут медленно, с долгими и частыми остановками. Не только наш — все поезда в стране были такими. Постельного белья нет, но его никто и не спрашивает. Вместо вагона-ресторана станционный бак с кипятком и привокзальный базар, куда все толпой выбегают во время остановок…

На поезда той поры невозможно было опоздать: если и опоздаешь, так все равно догонишь. К поезду выносили продавать вареную картошку, молоко, яйца, буханки хлеба, самогон, водку, яблоки, колодезную воду — пять копеек за кружку. Соленые огурцы, ягоды. Правда, все было очень дорого. Рассчитывать в дороге приходилось в основном на материнский узелок.

В душе у меня, впервые самостоятельно отправившейся в столь дальнее путешествие, грусть. Грусть расставания с родными. Расставания со школьными друзьями. Те, кто провожал меня на платформе, так и стояли перед глазами… А временами тревога и печаль — просто толчками — вытесняются вдруг ощущением счастья, радости и гордости, сознанием того, что буду учиться в Москве! Москва, ее Красная площадь, памятники, музеи, театры, библиотеки — все это становится моим».

Она легко поступила в университет. И — рассталась с косами. Отныне она всегда будет носить только короткие стрижки. Длинная коса — девичья краса, — есть такая поговорка. Отчего все-таки оно исчезло из нашей жизни, это подлинное украшение женской головки? Как бы там ни было, а жаль, что девушки больше не любят косы!.. Длинные волосы предпочитают оставлять распущенными. (В начале века, да и сейчас почти повсеместно в деревнях — головной платок для женщины обязателен. Надо полагать, такая традиция возникла не случайно… И в церковь женщинам, девушкам запрещается, как известно, входить с непокрытой головой.)

Москва
Лето 1949 г. — лето 1955 г

Лирическая география столицы

Год 1949-й в стране выдался голодным. Горбачева об этом умалчивает, переводит все в шутку — мол, зайцами на общественном транспорте ездили. В действительности дело наверняка обстояло не столь весело — пришлось поначалу вести полуголодное существование. Преодолевать все трудности быта помогали дружба и ожидание завтрашнего счастья, которое просто обязано было наступить… Вера в лучшее будущее поистине оказывалась несокрушимой.

«Мы были вторым послевоенным набором студенчества. Мое поколение, поколение семнадцатилетних, пришло в университет со школьной скамьи. Но среди первокурсников было и много взрослых, тридцати и даже тридцатипятилетних. «Стариков», как мы их тогда называли. Те, кто в годы войны по разным причинам прерывал учебу: находился на оккупированной территории, работал где-то, партизанил, был эвакуирован или просто не мог раньше учиться. Но большинство «стариков» — это были демобилизованные фронтовики, так и не снявшие шинель, военную форму за все годы студенчества. Так и не переодевшиеся. И не потому, что не во что особенно было переодеваться, а потому, что не торопились расставаться с фронтовой юностью и фронтовым братством. Это, по-моему, хорошо схвачено в «Тишине» Юрия Бондарева, в «Студентах» Юрия Трифонова, в других романах и повестях о той поре. Кое-кто из моих сверстников, вспоминая их, «стариков», сейчас первым делом отмечает, что они водку пили — фронтовики. Пили, конечно. Но эти люди несли с собой в нашу среду и нечто более значимое. Несли особое — прилежание, трудолюбие, ответственность и реализм жизни, человеческих отношений. Своего рода университет в университете».

Некоторые историки полагают — в эти годы, в последние годы жизни Сталина, по стране должна была прокатиться еще одна волна жестоких репрессий. Тем не менее подобной участи советские люди тогда счастливо избежали. И называть это время станут не иначе как преддверием «оттепели» после безграничного господства тоталитарной диктатуры.

МГУ всегда высоко держал марку, даже после войны. Горбачева писала:

«Университет собрал нас из самых разных уголков страны. Русские, узбеки, украинцы, белорусы, казахи, азербайджанцы, евреи, армяне, латыши, киргизы, грузины, туркмены и все-все… сколок самой страны.

Учились с нами и иностранцы. Албанцы, болгары, югославы, чехи… Они и жили в одних комнатах с нами. Немцы, испанцы, корейцы, китайцы, вьетнамцы…

Все мы были рядом. Занимались вместе в одних и тех же библиотеках, в одних и тех же аудиториях…»

И в этом своем многонациональном единстве МГУ намного опережал свое время. Как раз в эти годы началась «холодная война». Впереди — было печально известное «дело врачей» — с него, как некоторые историки считают теперь, в стране должна была начаться новая серия судебных процессов и впоследствии — расстрелов.

«И еще — всех нас в те годы объединял оптимизм. Бог знает, откуда мы его брали, но это было так. Оптимизм объединял нас…»

Встреча
Мелодия на два голоса

Епископ Василий Родзянко размышлял: «Что такое встреча вообще? Может ли человек не памятно анализируя прошедшее, а во время жизни оценить ее? Сказать: «Вот значимый момент!.. Ощущай!» Да, это реально. Но нужна настроенность на то, чтобы не быть очень в себе, не быть слишком отделенным от окружающей обстановки, от окружающих людей.

И Встреча (сам факт ее и лицо, с которым вы встретились) окажет влияние на вашу жизнь, если вы открыты и готовы».

Выходит, студенты — и Раиса, и Михаил — оказались способны воспринять (и принять) ниспосланное судьбой. Примерно в те годы была популярна эта песня: «Мы так близки, что слов не нужно, Чтоб повторять друг другу вновь, Что наша нежность и наша дружба сильнее страсти, больше, чем любовь». Разве не про них это? Слабая попытка выразить то высокое чувство, способное творить чудеса. «Слава безумцам, которые осмеливаются любить, зная, что всему придет конец» — так рассуждает волшебник в сказке «Обыкновенное чудо» Евгения Шварца.

Гейл Шихи на основании рассказов сокурсников будущей четы Горбачевых воссоздает картинку быта тогдашней молодежи: «…В студенческом общежитии коридорного типа девушки жили на том же этаже, что и мужчины. Но поскольку каждую комнату занимали от восьми до пятнадцати человек, соседям Горбачева, чтобы иметь хоть какую-то частную жизнь, пришлось выдумать целую систему.

В холле они вывешивали табличку «Санитарный час», и в это время студент в своей комнате мог побыть с девушкой наедине. Горбачев в этом уговоре не участвовал. Друзей поражал его аскетизм: «Когда все остальные гуляли с девушками, Миша сидел в комнате для занятий и работал по десять-пятнадцать часов в сутки — поразительно».

Михаил Сергеевич:

Тогда, после войны, было поветрие — учить бальные танцы. В фойе клуба раз или два в неделю разучивали краковяк, падеспань, фигурный вальс и прочее. Я твердо решил посвятить себя учебе, никаких амуров!.. И что же?

Сижу, занимаюсь, приходит Володя Либерман, сосед по комнате в общежитии, и говорит: «Мишка, ты чего сидишь, там такая девчонка!.. Я в ответ: «Да ладно, мало их, что ли, в

университете…» А он настаивает. Я — чтобы отвязался: «Ладно, вот закончу свои дела — посмотрю…» Закончил и пошел… Вот тогда я и увидел Ее…

Это было что-то необъяснимое. Меня к ней сразу потянуло, и это решило все…»

* * *

Рая Титаренко в школьные годы занималась спортивной гимнастикой — когда строили физкультурные пирамиды, ее как самую легкую всегда поднимали вверх… И потом, долгие годы, ее фигура оставалась все такой же молодой и прекрасной.

Г. Шихи так описывает восемнадцатилетнюю студентку Титаренко: «Стройная и изящная, как ивовая ветвь, величественная и воздушно легкая, где бы Раиса не появлялась, она оставляла за собой толпы изумленных мужчин». В описании Колчанова, соседа Горбачева по общежитию, это выглядит так: «У нее исключительная, прекрасная фигура…» Эти неуклюжие парни испробовали все уловки, пытаясь завоевать ее расположение, но Раиса отделывалась от них одним холодным взглядом. Школу она закончила с золотой медалью и была студенткой философского факультета, который располагался в одном здании с юридическим. Студенток философского факультета друзья Горбачева считали немного странными, как говорит Колчанов, «они витали в облаках, далеко от реальной жизни. Но в Раисе было что-то особенное».

Зденек Млынарж, сокурсник Горбачева, в будущем один из лидеров «Пражской весны», автор книги «Мороз приходит из Кремля», замечает: «Она была престижным объектом. Такая же, как сейчас».

…Итак, в клубе, находясь на безопасном расстоянии от выхода, он передразнивал своих не очень ловких друзей, и в этот момент Раиса начала танцевать с одним из них. Это был Топилин, нескладный и длинный, во время танца он, как жираф, наклонялся вперед. Горбачев откровенно смеялся над нелепым зрелищем: огромный, высокий Топилин и крошечная Раиса.

По рассказу Колчанова, он влюбился в Раису сразу и несколько недель ходил в оцепенении, пока она не проявила ответного интереса. «Я думаю, что он всегда ее любил очень сильно, с самого начала. В шестидесятые годы я навещал их в Ставрополе и видел, что их любовь стала только еще сильнее».

Зовущая и недоступная. Веселая и мягкая…

Как утверждает Млынарж, она почувствовала в Михаиле

надежного парня. В Советском Союзе «надежность» — это важная черта характера. Еще он ей понравился тем, что в нем не было ни капли вульгарности.

Марсель Пруст писал: «Когда мы влюблены в женщину, мы проецируем на нее состояние своей души, и важна здесь не ценность женщины, но глубина состояния, даже чувства к самой посредственной молодой девушке могут позволить нам поднять из глубин души на поверхность сознания самые интимные для вас и более глубокие, более личные, более важные ее части, чем те, которые появляются во время беседы с выдающимся человеком или даже при восхищенном созерцании его произведений».

Аспиранты вокруг волнующей, юной студентки Титаренко роем крутились!.. Между тем она была поглощена своим увлечением — она дружила с физиком Толей Зарецким. Он был из Литвы, его отец работал начальником Прибалтийской дороги. Дело шло к свадьбе. Узнав об этом, родители решительно воспротивились их роману. Не простую девушку, провинциалку Раю Титаренко они видели своей невесткой. Вмешалась мать и настояла на разрыве. Потом не раз муж в шутку называл Раису Максимовну «пани Зарецкой».

Схожие обстоятельства были и у Горбачева. Его дружба с Надеждой Михайловой, дочерью главного экономиста в торгпредстве, ставшей его первой наставницей в области культуры, была обречена. Семья «высокого», «аристократического» происхождения и слышать не хотела, чтобы у дочери были какие-то отношения с деревенским парнем.

Михаил Сергеевич:

Она ничего специально не делала, чтобы нравиться. В 30 лет где-то впервые губы накрасила. Ей не надо было. На Моховой, где столовая студенческая под аркой, мы там часто встречи назначали, и вот она берет томатный сок, а один профессор говорит: «А-а, теперь ясно, почему у вас щечки такие румяные!» У нас даже говорили: слушай, у тебя щеки, как у Раи Титаренко! Кожа такая белая, нежная…

Она была в размолвке, переживала и была разочарована. Мои домогательства были встречены холодно.

Начались мучительные и счастливые дни. Мне показалось тогда, что первое наше знакомство не вызвало у Раи никаких эмоций. Она отнеслась к нему спокойно и равнодушно. Это было видно по ее глазам. Я искал новой встречи… Очень хотел «произвести» впечатление и, по-моему, выглядел ужасно глупо… Все остальное в моей жизни как бы отошло на второй план. Откровенно говоря, я и учебу-то в эти недели забросил, хотя

зачеты и экзамены сдал успешно. Все чаще я стал посещать комнату, где жила Рая.

Потом она как-то зашла в нашу комнату, я сдуру начал что-то говорить, даже паспорт показывать, объяснять, — какого я года рождения, я ведь выглядел взрослым, потому что не учился, а работал во время войны и в университет пришел человеком, за плечами которого уже была взрослая жизнь и своя история, какие-то достижения.

Ну, а потом произошло нечто… Однажды прихожу на Стромынку — наша великая Стромынка, где жили четыре тысячи студентов, — в клуб, через который прошли все студенческие поколения и самые выдающиеся люди искусства, потому что встретиться со студентами МГУ всегда было престижно… Клуб забит. Я иду по проходу, дохожу почти до сцены, и вдруг наши глаза встретились: она сидела около прохода. Я говорю: ищу место. Она говорит: а я ухожу, мне неинтересно. Садитесь на мое. Я вижу, настроение неважное. Говорю: а можно я провожу? Пошли. А что такое настроение? В ответ: не будем об этом говорить. Я то-се… Она пошла на разговор…

Мы разговорились и дошли от Моховой до Сокольников. Причину своего плохого настроения она мне тогда не объяснила. Ушла в свою комнату. Хотя и на разных факультетах с ней учились, но, к счастью, жили рядом.

Раиса Максимовна:

… Мое чувство пришло значительно позже. Мы, как было принято говорить в дни нашей молодости, «дружили до свадьбы» два года.

Михаил Сергеевич:

Самое большее, что я позволял себе, это руку ее взять. Всю жизнь так и ходили потом. Все спрашивали — что он ее за руку держит? А я, раз уж взял, что ж, теперь бросать? Так и держал.

С Мерабом Мамардашвили мы ходили в одну комнату на свидания к нашим будущим женам. Там жила Нина Мордасова, на которой Мераб женился и с которой потом разошелся. Третьим был Юрий Левада (будущий известный социолог, директор ВЦИОМ). Его будущая жена была из Ярославля, поразительная русская красота, как с иконы сошла. Они тоже расстались, позднее она умерла.

(Тогда уже Мераб был очень оригинальной личностью. Немножко позировал, но не это главное. Главное — колоссальное внутреннее содержание. Мы глубоко переживали его потерю. Мы знали его трудную судьбу.)

…Она была сдержанной. Но когда сближается с кем-то — предела нет доверию. Трудно сходилась, но уж если это произошло, очень верный человек.

Это был человек очень цельный, с развитым чувством собственного достоинства.

Что мы танцевали? Я с ней не танцевал тогда. И вообще мы встречались редко. Так, кивок, не более того.

Раиса Максимовна:

Конечно, есть какая-то тайна. Тайна чувств и законов, соединяющих двух людей. Именно тех людей, которые становятся друг другу необходимы. И это не подвластно людскому суду… Все в жизни меняется. Но в моем сердце живет постоянная надежда: пусть он, мой муж, останется таким, каким вошел тогда в мою юность. Мужественным и твердым, сильным и добрым. Чтобы мог наконец петь свои любимые песни. Чтобы мог читать свои любимые стихи и смеяться — открыто, искренне, как это было всегда…

Михаил Сергеевич:

Никого не ставили в известность, кроме родителей. Я написал письмо директору МТС, на Ставрополье, где проработал уже пять лет и был, так сказать, человеком известным. Я снова поехал к себе домой и заработал тыщу рублей, по тем временам не так уж плохо. Потом несколько центнеров зерна, полученных за уборочную, продали. Я в Москву вернулся и заказал первый в моей жизни классный костюм. Был такой материал «ударник», темно-синий, красивый. Рае пошили бальное платье, тоже в ателье на Кировской. А вот на туфли не хватило. Но Нина Якшиева, одна из лучших подруг на всю жизнь, одолжила. Тогда ведь всем, что было, делились. Гардероб у студента личным никогда не был».

Сокольнический ЗАГС находился на другом берегу Яузы — как раз напротив общежития…

С фотографий 1953 года испытующе смотрит на нас девушка с правильными чертами лица и соболиными бровями вразлет. Юноша с артистической внешностью — тонким чувственным ртом и глубоким проникновенным взглядом. На удивление красивая пара!..

И не случайно, когда встречала молодежь новый, 1954 год в Колонном зале Дома Союзов, на совсем юных молодоженов — Горбачевых все обращали внимание…

Потом, спустя лет 30–40, фотографию их свидетельства о браке распространят многомиллионными тиражами книги, газеты

и журналы. Хотя, казалось бы, ну что такого выдающегося в этом документе? И чем он мог вызвать подобный ажиотаж? Не ведомость же для зарплаты, в которой расписался президент… Как знать, может, чувствуют интуитивно люди, что идет от него некий положительный заряд? Потому и привлек он наше всеобщее внимание?

А тогда, накануне их свадьбы однокурсники ликовали: все знали, что Михаил влюбился сразу, с первого взгляда, и несколько недель ходил в оцепенении, пока она не проявила ответного интереса.

Была ли сдержанная на эмоции Раиса влюблена? Чувство пришло к ней значительно позже, признавалась она. На Стромынке в столовой собрались ее и его группы. Все было на свадьбе, как положено: винегрет и прочие детали таких мероприятий. Танцы, неплохой свадебный стол, неограниченное количество спиртного.

По одной из версий, перед брачной ночью Горбачев заранее упросил семерых своих соседей освободить комнату. Другая же гласит — о том, где молодые проведут ночь, спохватились лишь в самом конце веселого свадебного застолья. После дипломатических маневров, предпринятых Горбачевым, друзей удалось «эвакуировать», и вопрос жилья был — до утра — улажен…

Как только наступил рассвет, им пришлось разойтись по разным комнатам и прождать год, пока они не получили отдельную комнатку на Ленинских горах.

Раиса Максимовна вспоминает в своей книге об одной карикатуре в студенческой стенгазете, где ректор на карикатуре попирал сапогом брачное свидетельство студентов… Так что их семья, зная «жилищный вопрос» изнутри, надо полагать, помогала решать его остальным студентам. Ведь и он, и она активно занимались общественной работой.

Раиса Максимовна оказалась по-женски дальновидна и прозорлива. Умная и красивая, она вполне могла себе устроить более выгодную партию. И выйти замуж за «столичную прописку». Но она предпочла своего брата-студента, казалось бы, самый непрестижный вариант для такой честолюбивой девушки.

Поэт и публицист Лариса Васильева, знавшая Раису Максимовну лично, в своем художественно-публицистическом исследовании «Кремлевские жены» приходит к такому выводу о Горбачевых: «Они нашли друг друга: старательные, внимательные, ищущие, умные провинциалы. Оба знали, что начинают с нуля. Оба мечтали добиться всего вместе. Женись он на девушке из обеспеченной московской семьи, выйди она за

московского сынка, они не состоялись бы так сильно. Вместе».

«Как и Горбачев, я приехал из деревни, которая находится недалеко от Ставрополя, — рассказывает один из провинциальных чиновников. — Тогда он был… деревенщиной… Мне кажется, именно Раиса резко подняла его уровень. В Михаиле Сергеевиче она увидела хороший материал для лепки. Он был умным, открытым, смелым, работоспособным — но деревенщина. Она его облагородила».

«Раиса Максимовна — это alter ego Горбачева, — подтверждал Либерман, старый друг Михаила Сергеевича. — Книг по политологии она прочитала гораздо больше, чем он. Когда он стал секретарем комитета комсомола всего факультета, на него свалилось много административной работы. Он уже не мог так много заниматься, и у него появились «четверки», иногда он пропускал занятия. Так что даже в учебе она ему помогала. Она всегда помогает Горбачеву».

Она водила Мишу по книжным магазинам и музеям, они ходили в театр на чеховские, горьковские и другие классические пьесы. Вместе они побывали на всех иностранных выставках — в 1953 и 1954 годах страна впервые приоткрылась Западу — и страстно обсуждали экспрессионизм.

Михаил Сергеевич:

Мы полгода ходили рядом, держась за руку. Потом полтора года — когда уже не только за руку держались. Все дни мы проводили вместе, и нам вокруг говорили: слушайте, когда вы наконец поженитесь, давайте женитесь. Но все же мужем и женой стали после свадьбы…

Счастливая особенность

Он обладает, как известно, отменным чувством юмора. Он часто ее разыгрывал. В разных ситуациях. И многие его шутки были связаны именно с ней. Вспоминает Раиса Максимовна:

«Помните, приезжал в Москву изумительный тенор — Лучано Паваротти? Мы с Михаилом Сергеевичем слушали его в Большом театре. Одна ария, другая. Буря восторгов. Я наклоняюсь к Михаилу Сергеевичу: «Неужели «Аве Мария» не споет?» «Подожди, — говорит. — Наберись терпения: наверняка исполнит». А он поет все новые и новые вещи, но — не «Аве…» Опять наклоняюсь: «Неужели?..» «Слушай, — улыбается Михаил Сергеевич, — даже если вдруг и не исполнит, то так уж и быть — я тебе спою здесь «Аве Мария». И добавляет: «Правда, боюсь, что это будет последнее мое публичное выступление…» Представляете? «Аве Мария» из правительственной ложи…

И далее Раиса Максимовна вспоминает: «Счастливая его особенность. Часто мгновенно, неожиданно, искрометно снимающая внутреннее напряжение, усталость или неловкость. Два примера, пришедших сейчас мне вдруг на память. Во время официального визита в ФРГ в ноябре 1990 года. Летим ночью — на вертолете в аэропорт Франкфурта-на-Майне. Все сидим молча, словно придавленные напряжением прошедшего дня. Вертолет идет на посадку. Люди, встречающие нас на поле, пытаются защититься от порывов ветра, который всегда сопровождает взлет и посадку вертолета. Михаил Сергеевич говорит: «Вот мы и причесали встречающих. Можно пожимать руки». И от этой шутки сразу стало как-то легче, она сняла усталость и тяжесть целого дня.

А Барселона, знаменитый музей — «Дом Пикассо»? Здесь собраны ранние, ученические работы великого художника, его керамика, поразившая нас с Михаилом Сергеевичем серия вариаций на тему знаменитых «Менин» Веласкеса и целая анфилада залов под названием «Пабло и Жаклин». В залах — только портреты, картины и рисунки с его жены-красавицы Жаклин. Сотни Жаклин смотрят со стен. Есть и такие, возле которых Фелипе, молодой наследник испанского трона, сопровождавший нас, мне казалось, стесняется останавливать нашу многочисленную процессию. В один из этих моментов Михаил Сергеевич сказал: «Если б так нарисовали Раису Максимовну, она перестала бы спать». Все засмеялись».

А вот приветственное слово Горбачева во время официального визита в Японию, и вновь он упоминает в нем

жену: «У меня до сих пор не сгладилось впечатление от незабываемой поездки в вашу страну. Тот, кто предложил мне посетить Японию во время цветения сакуры, — гениальный человек. Мы с Раисой Максимовной часто просматриваем альбомы с фотографиями, сделанными в Японии. Особенно мне нравится та, на которой она осваивает чайную церемонию. Я говорю ей — у тебя такой же разрез глаз, как у японки».

Андрей Грачев вспоминает об удачной попытке Горбачева примирить югославских лидеров. Он весьма к месту вспомнил за столом эпизод из своей студенческой жизни: когда один югослав, то ли серб, то ли хорват, всерьез взялся ухаживать за Раисой Максимовной и даже рассчитывал на успех. Его рассказ создал тогда во время переговоров почти семейную атмосферу.

О семейном счастье

Известного польского кинорежиссера Кшиштофа Занусси попросили высказаться по поводу его долгого и счастливого семейного союза. И он сказал так: «Недавно ко мне обратились как к человеку, которому в жизни повезло: я добился чего-то в своей профессии, я довольно богат, в хорошем состоянии здоровья. Но женат я один раз. Меня спросили: Что это — ваше достижение или вам не повезло?» «Сегодня многие считают, что семье нет места в следующем тысячелетии. Я думаю, это неверно. В мир мы рождаемся варварами, эгоистами, и потом в течение жизни либо идем вперед, либо останавливаемся. В браке мы непрерывно учимся, совершенствуемся вместе. Прекращение брака означает сбрасывание всех духовных очков, которые заработаны. Если каждый раз все начинать заново, мы рискуем не дойти до цели, до настоящего взаимопонимания, глубокого проникновения».

Чувства есть у всех людей. Но не у всех они бывают великими. А если бывают, то не все скажут об этом вслух. Видимо, настоящее великое чувство — это то, о котором знают только Он и Она.

Один из журналистов напишет: «Видимо, другой Россия стала благодаря Горбачевым. Страна постигла что-то в любви, верности и красоте».

Да, чувства есть у всех людей. Но создается впечатление, что у большинства политиков они отсутствуют напрочь. Пусть они будут у тех, кого мы допустили к власти.

Михаил Сергеевич:

— Она была девушка строгая. Я сам был такой же. Радикалист. Даже странно. Потом должен был избавляться, когда делался все большим начальником.

Ее душа стремилась к поэзии, музыке, искусству. Ее серые глаза заворожили юношу, и он пронес свое восхищение любимой, своей ясноглазой Захаркой, через всю их жизнь. (Домашнее прозвище Раисы Максимовны было — Захарик, Захарка. Так повелось еще с юности. Михаил Сергеевич был однажды поражен, увидев портрет русской девушки кисти Венецианова. Он считал, что эта красавица как две капли воды похожа на его избранницу.)

Постепенно затягивались раны войны. Восстановление народного хозяйства страны после Великой Отечественной завершалось… В семьях людей начал появляться достаток. Изменилась и жизнь Горбачевых. Наверное, только советскому (и

впоследствии — российскому) человеку дано понять радость семьи при получении квартиры. Пусть довольно-таки тесной и не очень комфортной. Но зато после долгого ожидания и однокомнатная покажется просто чудом… По одной только взволнованной интонации Раисы Максимовны — а ведь она вспоминает об этом через годы, спустя почти 40 лет — видно, какое значение имело тогда для всех студентов и аспирантов новое общежитие, и не только оно:

«В 1953 году мы переехали в студенческое общежитие на Ленинских горах. Новый университетский ансамбль, строительство которого шло в 50-е и последующие годы, включал и учебные, административно-общественные помещения и библиотеки, клубы, столовые, поликлинику, и современное, удивительно комфортабельное, как нам тогда казалось, общежитие студентов и аспирантов. Все было необычно и здорово. Каждый имел теперь отдельную, пусть и крохотную, меблированную комнату. Душ и туалет в блоке на двух человек.

Переезд в новое здание университета совпал с годами завершения учебы в МГУ. Здесь пошел уже другой этап нашей студенческой жизни. Теперь мы с Михаилом Сергеевичем всегда были вместе. Писали дипломные работы, готовились к сдаче государственных экзаменов. Много читали. Работали над своим немецким языком. Даже первоисточники с Михаилом Сергеевичем сами переводили. У меня была возможность вплотную наблюдать, как азартно, стремясь добраться до сути, до сердцевины, учился студент юридического факультета МГУ Горбачев».

Отъезд

И далее Раиса Максимовна продолжает: «…Серьезно думали о будущем. Последние годы учебы я много болела. Перенесенная на ногах ангина осложнилась ревматизмом. Врачи настоятельно советовали сменить климат. После окончания университета я была рекомендована в аспирантуру. Выдержала конкурс и поступила. Михаилу Сергеевичу предложили на выбор работу в Москве или аспирантуру — но мы решили оставить все и ехать к нему на родину, на Ставрополье.

Да, оставила аспирантуру, хотя уже выдержала конкурс в нее и поступила…»

* * *

…После болезни у нее отнимались ноги. Она практически не могла самостоятельно передвигаться. Врачи не рекомендовали ей иметь детей.

Когда жизнь в Москве только-только стала налаживаться, и когда за спиной у нее был уже почти год учебы в аспирантуре — решение об отъезде Горбачевой далось нелегко. Но вновь и вновь, по прошествии десятилетий, спрашивая себя, правильно ли в тот момент поступила, она произносила решительное «да». И добавляла: «Я никогда не жалела о своем выборе».

* * *

Кто-то из великих римлян, кажется, император Октавиан, говорил: «Жене и слуге никогда не быть героями». Имея ввиду, что героика будней — нечто совсем иное, чем величие исторических судьбоносных свершений. Но согласитесь, при этом благородство, высота человеческих качеств не становятся меньше. Они просто иные, только и всего.

М. С. Горбачев говорил о жене: «С ней не стыдно было выйти к людям… Она всегда за собой очень следила… Главное, у Раисы Максимовны был вкус, и мне нравилось, что она занимается собой. Я все поощрял». Она признавалась подруге: «Он — моя первая любовь». Их чувство навсегда сохранило свежесть первых встреч. Горбачеву не понимали, ей завидовали, обвиняли во многих грехах. Возводили напраслину. А она подчеркивала: «У меня есть библиотека в две тысячи томов и две пальмы». Семья —

вот была ее высшая ценность, ее галактика…

Ставрополь
Лето 1955 г. — 1976 г

В провинции

Они оказались отброшенными на несколько веков назад. Как упоминает в своем исследовании Гейл Шихи, Ставрополье иногда называли «теплой Сибирью». Ставрополь — сонный, малокультурный, грязный городок — был чем-то вроде места ссылки для мелкокалиберной номенклатуры. Туда, на юг, Михаил, а затем и Раиса отправились на медленно ползущем поезде.

Супружеская пара сняла отдельную крошечную комнату. Первая квартира была с углем и дровами. Одиннадцать квадратных метров, без отопления. Пищу готовили на керогазе. Чтобы вскипятить воду даже на чашку чая, Раисе требовалось двадцать минут. Когда на свет появилась их дочка Иринка, хозяйка сжалилась над ними и предложила свою, более теплую комнату.

Потом уже в одном учреждении им выделили две комнатушки…

Они поделились своими историями о прошлых романах. Оба были, что называется, на виду и пользовались успехом. Когда Раиса Максимовна приехала к Горбачевым и, как вспоминал позднее супруг, увидела фотографии прежних увлечений своего мужа (мать хранила), то не удержалась и устроила сцену. Тем не менее в отношениях между ними это ничего не изменило…

…Стране требовалась энергия молодых, и комсомол поднимал из руин государство, переживал едва ли не самые лучшие годы за всю свою историю. Это уже сегодня, поумнев, некоторые политологи, социологи сошлись во мнении, что 80 процентов багажа, наработанного ВЛКСМ, можно и нужно было сохранить. Отбросив всю идеологию, но оставив главное. И что бросать молодежь на произвол судьбы было ни в коем случае нельзя. Тогда над энтузиазмом юношей и девушек никто не зубоскалил, как это зачастую происходит сейчас. Причем едко и зло.

— Горбачевы поехали!.. — неслось чье-то приветствие по деревенской улице. Работать на комбайне в уборочную, в составе семейной бригады — под палящим солнцем — Михаилу было намного легче, чем чуть позднее постигать азы политических интриг.

«Комбайн — самая светлая пора! — скажет он. — Во время войны крестьянство всеми было брошено, все у него забирали. На село ничего не приходило: ни керосин, ни спички, все делали сами, вплоть до того, что начали сеять коноплю и из нее

выделывать и ткать суровье, и ходили в этом. Босиком, обуви не было. А из овечьей шерсти делали брюки. Отец в 45-м, еще война шла, из Кракова заехал к нам на побывку. Он был старшина, прошел Курскую дугу, форсировал Днепр, был в самом пекле и ранен под Кошице. Мне 14 лет. Сказали — отец приехал. А уходил — было 10. И вот он меня увидел в этом, скривился и сказал: довоевались!..

Маленьким я спал рядом с теленком, только что родившимся, и тут же гусыня сидела на яйцах».

…От этого сарая — до неприветливой и холодной роскоши дачи в Форосе — дистанция огромного размера. Ее еще только предстоит преодолеть, но старт уже взят…

Горбачевы плохо переносили разлуку друг с другом. И поэтому, когда она некоторое время оставалась в Москве, а он приступил в Ставрополе к работе по распределению, он писал ей ежедневно. И не письма, собственно, а скорее — вел дневник-отчет о наболевшем и прожитом. Документ своей эпохи. Поразительный по откровенности и яростному неприятию лжи.

«Рассекретив» лишь небольшой отрывок из одного такого письма от 20 июня 1953 года, Горбачева дает нам все основания называть ее мужа самым настоящим диссидентом. Он жалуется ей на одиночество. На то, что ни одно из начинаний невозможно пробить, натыкаешься на Стену, и так далее. И ведь таких писем было *множество*!

Он говорит о том, о чем и спустя два года и месяц с небольшим, после XX съезда партии и знаменитого постановления о разоблачении культа личности — все равно открыто говорить не решались… Да что там — до вошедших в песни, кинофильмы и стихи, в брежневскую эпоху «посиделок» на кухне — когда о том же самом заговорили вполголоса и в темноте, но в массовом порядке — остается более 20 лет!..

Стоит ли удивляться — за эти полстранички из письма сразу «зацепились» журналисты и биографы Горбачева, комментируя и трактуя «раннего» Горбачева на разные лады…

И в частности — заметил цитату в книге Горбачева и Роберт Кайзер (заместитель главного редактора газеты «Вашингтон пост», с 1971 по 1974 год был ее корреспондентом в Москве). Он пишет в своей книге о Горбачеве: «Нужны особые свойства, даже своего рода гениальность для того, чтобы играть роль лидера переходной эпохи. Один из самых главных талантов, необходимых для этого, — способность скрывать свои подлинные чувства, что Горбачев мастерски делал в течение чуть ли не полстолетия.

В воспоминаниях жены содержится письмо, написанное

Горбачевым из Ставрополя. Он написал письмо во время своего первого года пребывания в аппарате комсомола, когда жена все еще была аспиранткой в Москве.

«Меня так угнетает местная ситуация, — писал он. — Насколько отвратительно мое окружение здесь. Особенно образ жизни местных шишек. Все состоит из условностей, субординации, все предрешено заранее, чиновники самоуверенны и бессовестны. Если посмотреть на кого-нибудь из местных шишек, то ничего выдающегося, кроме живота, не увидишь. Но вместе с тем какой апломб, какая самоуверенность, какой снисходительный, покровительствующий тон!» И это было описание среды, в которой он добровольно провел последующие 23 года!

Этот пример показывает, что письма Горбачева Раисе были бы сокровищем для историков будущего. Однако под влиянием психологической травмы… она решила сжечь переписку, накопленную за всю жизнь».

Просто так, «из вредности», Горбачевой после приезда в Ставрополь попытались «перекрыть кислород». Ведь специалистов с таким образованием, как у нее, в Ставрополе на нашлось… Вот как вспоминает об этом Михаил Сергеевич:

«Она хотела работать. Приехали мы на Ставрополье, она оказалась единственной выпускницей МГУ. Потом еще Николай Жуков появился. Тем не менее Раиса Максимовна не могла преподавать философию, потому что «все места заняты были». На самом деле преподавание философии требовало членства в партии и утверждения на парткоме. Поэтому с ходу ее никто не пустил. Она стала в библиотеке работать. Позже ее все-таки взяли преподавать, сначала в медицинский, потом — в сельскохозяйственный. Стала ведущим преподавателем, читала курс диалектического материализма, этики, эстетики, историю религий. А потом вдруг ее увольняют и не называют причин. Тогда я пошел в крайком партии. Помню, к Дмитрию Васильевичу Качуре, я в этих кругах был уже известен. Говорю: «У вас что, идеологическое недоверие к моей жене?» Он говорит: «Она всего лишь комсомолка». А я ему: «Это же коммунистический союз молодежи, понимаете?» А в партию она потом вступила…

…Я решил поступить в аспирантуру сельхозинститута, сдал экзамены, утвердил тему диссертации. В Ставрополье интересные вызревали темы. И вдруг меня избирают вторым секретарем крайкома партии, и через два года — первым. Вот тогда я уже принял решение идти этой дорогой. И Рая согласилась, хотя с миром науки, культуры, с интеллигенцией мы были связаны, пожалуй, больше».

Раиса Максимовна к сказанному в своих воспоминаниях добавляет: «Муж довольно быстро стал главным человеком в крае. Менялась жизнь, менялись люди. Что-то реализовывали, делали, достигали. Но и проблемы тоже оставались. В последние годы жизни на Ставрополье я все чаще слышала от Михаила Сергеевича не только о трудностях с социальным развитием сел и городов края, материально-техническим обеспечением, о неэквивалентности обмена сельскохозяйственной и промышленной продукции, о несовершенстве оплаты труда, но и о необходимости глубоких перемен в стране, структурах управления, тормозящих развитие целых регионов и отдельных отраслей. О трудностях снабжения населения края продовольственными и промышленными товарами. Край, производящий знаменитую ставропольскую пшеницу, мясо, молоко, сдающий тысячи тонн шерсти, постоянно испытывал недостаток в основных продуктах питания и других товарах».

Что-то необходимо было предпринять. Но — решение созреет позже… И тогда будет объявлена перестройка.

Друзья

Горбачева страшно переживала, когда вдруг кто-то, кому поверила, мог обмануть, предать. Такая история произошла с самыми близкими друзьями — Александром и Лидой Будыко.

При Хрущеве был набор «двадцатитысячников» в сельское хозяйство. И Саша, инженер из Донбасса, оказался на Ставрополье. Почти ровесники. Тридцать лет дружили. И когда Горбачев оказался в Москве, то перетащил и его. (Как заметил Михаил Сергеевич: единственный случай злоупотребления властью…)

Он грек, она белоруска. Он кандидат экономических наук, она тоже кандидат, медицинских наук, врач-педиатр, самая близкая подруга Раи. Свой человек.

Ее слабость — дети. Спасать, помогать пойдет куда угодно и в какое угодно время суток. Александр Дмитриевич прошел путь от директора районной МТС до союзного министра. Оба интеллигентные, умные люди, преданные друг другу. Вместе они тоже со студенческих лет. Вырастили двоих сыновей.

Михаил Сергеевич любит подшучивать: «Саша, все хорошо у вас, если б не твой недостаток — слишком большой ты либерал». Александр Дмитриевич в ответ всегда смеется.

Горбачев вспоминает: «Мы все про них знали, они — про нас. И что с нашими детьми происходило, вместе переживали, вместе вытаскивали из какой-нибудь передряги. 25-летие нашей свадьбы отмечали в горах Кавказа… И вдруг в один из самых трудных моментов жизни Лида повела себя странно. То, что Рая услышала от нее по телефону — после Фороса, — ее просто убило…

Рая: «Лида, что ты говоришь, где Саша, дай ему трубку!..» А Лида в ответ: «Саша сидит рядом, он такого же мнения…» И только нынешней зимой Лида позвонила и со страшным плачем: на коленях прошу прощения!

Раиса Максимовна плакала… А совпало с тем, что у Саши обнаружили злокачественную опухоль. Они были в страшном напряжении, какой-то разговор — и срыв. Но ведь потребовалось 8 лет, чтобы позвонить!

Они прислали письмо, я ей в больнице читал… И Раиса Максимовна сказала: хорошо, что она позвонила, такой тяжелый камень был, но что-то ушло, не могу переломить…

Оба были на похоронах, и оба рыдали».

…Горбачева приобретает первые навыки выходов в свет, о чем рассказывает Горбачев:

«В семье у нас все оставалось по-прежнему, туда мы никого

не пускали никогда. Это был наш мир, и это было очень-очень важно. Конечно, с переменами надо было считаться. Секретарю горкома, крайкома необходимо было появляться на людях с женой, общаться — тут кончалась личная жизнь и начиналась политика. Ответственность требовалась.

У Раисы Максимовны она проявлялась в стремлении не подводить меня ни в чем. Мы были весьма требовательны к себе…»

Г. Шихи пишет в своей книге: «В 1962 году Горбачев стал посещать философские семинары своей жены в сельскохозяйственном институте, где он начал изучать агрономию. Раз в неделю он втискивался за тесную парту и слушал хрупкий, пронзительный голос Раисы… Ей пришлось штудировать методики преподавания марксизма-ленинизма, единственная цель которых заключалась во вдалбливании государственной идеологии в головы людей».

Григорий Горлов, учившийся у Раисы в то время, описал те горячие дискуссии, которые вспыхивали между нею и ее мужем-студентом. Например, Горбачев делает доклад о Канте, Раиса его прерывала: «Вы не правы. Это лучше понимать таким образом». А если любопытство заставляло его задать вопрос, она могла его срезать: «Не будем заниматься уточняющими вопросами». Или: «Это обструкционистские вопросы». Она не делала ему никаких поблажек».

«У них одинаковые характеры», — говорит Г орлов, и этой оценкой он вторит многим, кто общался с этой парой не один год. Но Раиса всегда была более резкой.

Зачетов и экзаменов она у мужа не принимала — «я старалась избегать таких ситуаций».

По утверждению Горлова, «дома она иногда ссорилась с Горбачевым по поводу политики или из-за вопросов международного положения. Она могла не одобрять каких-то его идей, но он возвращался к этому вопросу и доказывал правильность своего взгляда на вещи».

Они и в Ставрополе не изменяли сложившимся семейным традициям: «Все делали вместе. Это значительно позже я отошел от бытовых дел, стал, можно сказать, только потребителем. Она всегда заботилась о том, чтобы дома было хорошо. В выходные дни, в свободное время что-то переставляли, улучшали, создавали свой мир».

О кандидатской диссертации

Противоречив и сложен путь переустройства российской деревни. Он сопровождался многочисленными «экспериментами», так же, как и в промышленности. Это привело в конечном итоге к исчезновению сел и деревень, поставив под сомнение существование крестьянства. Все меньше у села остается возможностей возродиться экономически, социально, нравственно.

Падение ценностных ориентации наблюдается повсеместно. Писатель Василий Белов так охарактеризовал положение в современной деревне: «Выросли поколения, которым уже ничего не нужно — ни земля, ни животноводство, ни родной дом». Необычайно трудно и возможно ли вообще в кратчайшие временные сроки возродить крестьянское в крестьянстве?

Бесчисленные потери способствовали утрате традиционных способов хозяйствования, культуры, высокой духовности. Антикрестьянская государственная политика и экстенсивный путь развития сельского хозяйства страны подорвали экономические и социальные устои деревни. Невозможным оказалось предотвратить кризис села, который нашел выражение не только в экономическом опустошении и обнищании, исчезновении деревень, но и в утрате культуры, нравственных традиций, крестьянского образа жизни.

Остающаяся второсортность сельской жизни, снисхождение до деревни, обращение с ней на «ты» еще больше усугубляют духовный кризис сельской жизни вообще и каждого деревенского жителя в частности. Долгие годы деревня жила надеждой. Но ее остается все меньше.

* * *

Слухов о кандидатской диссертации Горбачевой ходило по Москве, да и по стране — множество. Самые невероятные. И, в общем-то, уже ожидаемые и предсказуемые. Мол, ей работу «купили». Что какие-то неизвестные научные «поденщики» за нее все сделали. Но для человека, хотя бы немного знающего характер Горбачевой, ясно: подобные утверждения не имеют под собой почвы. И просто даже нелепы и смешны. Свою работу Раиса Максимовна вряд ли кому-нибудь бы доверила. И у нее хватано на это и ума, и таланта. Не случайно же Ирина пошла по ее стопам, тоже выбрана профессию социолога.

В конечном итоге, кандидатскую разносчикам слухов ничего не стоило взять и самим прочесть… Автор этих строк так и сделала, и отнюдь не считает общение с книгой Раисы Максимовны (социологическим очерком, как гласит подзаголовок) потерянным временем. Да, работа, безусловно, догматична, никаких других воззрений, кроме социалистических, автор не допускает. Он хочет доказать, что уровень жизни русского крестьянина непрерывно повышался с 1917 года. Тем не менее, как представляется, где-то процентов на тридцать книга актуальна и сегодня. Доводы социолога Горбачевой сохранили свою научную ценность.

Если ее «Материалы в помощь лектору…» безнадежно устарели, читать их в наши дни просто трудно, продираясь сквозь бесконечные цитаты из статей Ленина и отчетов с партийных съездов, то о кандидатской ни того, ни другого не скажешь. Впечатление здесь иное.

Автор наблюдателен, без сомнения, наделен своим стилем, хотя он излишне дидактичен. Даже обилие цифр абсолютно не мешает чтению. Написана книга «без зауми» и читается легко.

Интересно, что сказали бы злопыхатели, если бы узнали, что несколько зарубежных исследователей дали кандидатской довольно высокую оценку? То, что защита проходила в Московском педагогическом институте, а не в МГУ, уверены они, ни в коей степени не может свидетельствовать о ее среднем уровне. Немецкий биограф Горбачевой, изучив автореферат, оценивает проделанное исследование очень высоко.

Для него очевидно: «Уровень диссертации гораздо выше среднего и говорит о просвещенном мышлении автора и ее супруга, который поддерживал работу жены». Мало того: ряд исследователей называет Горбачеву ученым, довольно смелым для своего времени и сумевшим сказать правду».

Гейл Шихи пишет в своей книге: «В Советском Союзе социология была изуродована тем же самым антиинтеллектуальным фанатизмом, который способствовал и разрушению сельского хозяйства, но Раиса Горбачева была одним из тех редких ученых, которые в шестидесятые годы осмеливались проводить независимые исследования среди крестьян-колхозников.

В соседнем, Краснодарском крае Раиса провела исследования в коллективе, который одним из первых отказался от системы трудодней и потребовал оплату деньгами за каждый рабочий день. Они назвали систему хозрасчетом, это означало, что их зарплата и премия находились в прямой зависимости от объема собранного урожая, а не фиксировались на уровне определенной,

гарантированной государством суммы, одинаковой и для ленивых пьяниц, и для настоящих тружеников. Продолжая проводить до восьми часов в день на преподавательской работе, будучи молодой мамой, Раиса написала диссертацию, в которой доказывала, что благодаря этой неортодоксальной инициативе повышается благосостояние крестьян.

Кандидатская диссертация Раисы также могла оказать влияние на политическую карьеру ее мужа: «хозрасчет» стал краеугольным камнем горбачевской программы реконструкции советской экономики. «Верно ли мнение о том, что он многое почерпнул из исследования Раисы?» — спросила я у профессора Чугуева. «Несомненно, — ответил он. — Она, конечно, обсуждала результаты своих исследований с Михаилом Сергеевичем. Так что он держал это в голове с давних пор».

Старшим преподавателем Ставропольского сельхозинститута, социологом Горбачевой было собрано и обработано более 3 тысяч анкет. Ее интересовало все: распределение коров по дворам, насколько развита сеть предприятий коммунальных услуг и общепита (многие ли сегодня вспомнят, что это было такое), желание семьи иметь детей и подготовка культпросветработников.

Все-таки, как бы там ни было, за строками этой работы есть искреннее желание помочь. Она признавалась: «Моя конкретная социология — это социология с человеческим лицом, с лицами и судьбами, которые вошли в мою судьбу. Она резко углубила мои представления о «живой жизни», мое понимание этой жизни, людей. Именно из таких встреч наяву поняла многие наши беды, сомнительность многих безоговорочных утверждений и устоявшихся представлений».

«Новые условия деревенского труда и быта привели к резкому снижению заболеваемости в крестьянской среде, к сокращению смертности и увеличению средней продолжительности жизни».

Интересно, а сегодня хоть кто-нибудь из социологов обеспокоен состоянием здоровья крестьян? Не говорю изучить досконально, но хотя бы один взялся обозначить проблему — здоровье, смертность в сельской местности? Ответ известен заранее: «Есть великолепные, потрясающие научные силы, огромный потенциал, но — нет средств на оплату их исследований и их труда…»

Снова и снова возвращается Горбачева к необходимости развивать на селе сеть бытовых услуг. То есть возможности дать людям нормальные химчистки, мастерские по ремонту электротехники и бытовых приборов, прачечные. В наше время

подобная ее настойчивость выглядит просто фантастически — помилуйте, о чем идет речь? Какие там кафе и столовые в деревнях? Да еще где-нибудь в глубинке? Какие «совершенствование общепита» и «наличие здорового, сбалансированного питания»? Да и кому в кафе этих теперь питаться? Если деревня вымирает в прямом смысле слова, в ней остались одни старики. Им-то уж точно в наши дни не до химчисток и кинопередвижек, сохранить бы себя, внуков, сберечь бы главное — душу народную…

Потому вот по-прежнему, знаю, в хуторах и деревнях иной раз хлеб пекут хозяйки сами. Точно так же, как и 30 лет назад, о чем тоже пишет Горбачева в своем исследовании.

Сегодняшний уровень благосостояния крестьян нам фактически неизвестен. Не случайно Горбачева пробует подсчитать количество имеющихся (и соответственно — нехватку) телевизоров, холодильников, мотоциклов в селах Ставропольского края. Потому что понимает как профессионал: все это — важно. Со счетов не сбросишь. Это все — показатели *уровня жизни населения.*

Любопытно было бы знать: накануне нового тысячелетия хоть кто-нибудь, в масштабах страны, возьмется ответить, сколько у крестьян наличествует во дворах автомобилей, велосипедов? В каждом ли доме имеют телевизор, радио? Сколько тех же коров держат на подворье? Сколько земли в среднем приходится на одну семью? И какая она, собственно, эта самая деревенская среднестатическая семья, из кого она состоит? Сколько в последние годы частных торговых точек (ларьков) открылось на селе, и сколько в них занято людей? Масса возникает вопросов! И — нет ответов. Ни одного ответа.

Потому что ходить по дворам, как Чехов по острогам на Сахалине, или та же Раиса Максимовна — по селам «месить грязь», заполняя анкеты, охотников найти нынче трудно. Потому что *посчитать* (хотя бы для начала) — значит, принять властям определенные обязательства. И еще — самое главное — ответственность за тех людей, которыми ты руководишь. А зачем власти эта лишняя головная боль? Да пропади оно все пропадом, пусть оно как было, так все и остается несчитано-немеряно, вон *просторы* какие! «После нас — хоть потоп». И — точка. Вернее, ручка, до которой дошли, и дальше которой отступать уже точно некуда.

Беда у социолога Горбачевой была совсем иная. Не в том, что «переплатила», якобы покупая кем-то сделанное исследование, это явная нелепость, от злобы уже, а в том, что к ее голосу ученого *не прислушались.* Но почему? Вот над чем всем нам

следовало бы задуматься. Вот где такие глубины, в которые если нырнешь, то рискуешь сломать себе шею и не вернуться обратно на поверхность, на свежий воздух.

Ее рекомендации, если отбросить всю идеологическую накипь, жизнеспособны во многом и сегодня… Но это — долгий и отдельный разговор.

Вмешательства в свою работу Горбачева просто не терпела. Гейл Шихи приводит такой случай: «Однажды Раиса даже осадила партийного инспектора, контролирующего идеологию. В те годы, когда она преподавала, приход инспектора для проверки уровня преподавания был обычным делом. Но однажды инспектор тайно записал лекцию Раисы на магнитофонную ленту. Узнав об этом, она отправилась прямо к ректору института и потребовала, чтобы тот вызвал оскорбившего ее инспектора.

«Она пригласила ректора, проректора и меня тоже», — вспоминает профессор Чугуев. «То, что вы сделали, — это в последний раз, — заявила она. — Если вам нужно меня проверить, прийдите и попросите меня. Но не поступайте так, как в этот раз. Поступайте *открыто».*

Тщательно подбирая слова, мужчины кротко извинялись: «Раиса Максимовна, больше такое не повторится». «Она бы не позволила вульгаризма по отношению к наукам и терминам, — замечает профессор Чугуев. — Она строго придерживалась взгляда, что приемлем только научный критический анализ. Она очень строго придерживалась и той точки зрения, что люди должны дискутировать и критиковать только открыто».

Таким образом, Раиса была одним из практиков гласности. (Первое зарегистрированное употребление этого термина Горбачевым относится к 1971 году, когда он предложил проводить обсуждения в местном комитете партии на принципах гласности демократических методов.)

Продолжая проводить до восьми часов в день на преподавательской работе, будучи молодой мамой, Раиса написала диссертацию…

С их дочкой Ириной нянчилась двоюродная сестра Горбачева, которая еще подростком переехала в Ставрополь. Позднее у них появилась домработница, она жила у них постоянно, готовила и иногда сопровождала семью в поездках в Москву.

«К моменту избрания Михаила Сергеевича первым секретарем у нас в Ставрополе уже была своя отдельная обжитая квартира. Пришлось ее оставить и переехать в служебный дом, где традиционно жили секретари крайкома. Вопрос о переезде и о том, должны мы или не должны оставить и сдать свою квартиру, не обсуждался. Считалось само собой разумеющимся.

Обоснование? Служебный дом имеет все, что необходимо для работы руководителя края. Так началась наша жизнь по служебным квартирам.

Годы те оказались чрезвычайно напряженными, хотя и предшествующие, скажем прямо, были не легкими: ведь мы работали, продолжали учебу, растили ребенка. И все же девять лет, почти девять лет, которые Михаил Сергеевич проработал первым секретарем, были для нас особо напряженными. Отдых, свободное воскресенье выдавались крайне редко. Но когда выходной все же выпадал, мы любили проводить его за городом, на лесных и степных тропах. Дачи никакой — ни личной, ни государственной — на Ставрополье у нас не было. Спортивные брюки, кеды и пятнадцать-двадцать километров пешком. (И даже — двадцать пять случалось. — Е.В.)Чаще вдвоем. Иногда с Пришей, иногда с друзьями. Но «компания», как правило, не выдерживала похода и предпочитала короткую прогулочку, проминку, игру в волейбол и т. д.

(Еще — оставалась на стоянке и жарила шашлыки. — Е.В.) А каких только приключений не бывало с нами во время наших походов! И в лесу блуждали, и в степи во время пурги. Однажды дело приобрело опасный оборот. Спасла линия электропередач. Она нас и вывела к городу. Друзья уже подняли переполох, что мы потерялись.

Как хорошо было вдвоем! Специально уходили. Какое это удовольствие! Выехали за город и пошли. И лес, и степь были нашими. И в горах попадали в переплеты. Но, скажу вам, самое страшное — оказаться в горах в сильную грозу. Был случай, когда в лесу нас обстреляли какие-то хулиганы. Зашли далеко, в глухомань и вдруг — выстрелы. Пришлось прятаться. Зато есть что вспомнить!

Конечно, собирались — на Новый год, на ноябрьские праздники. Предварительно деньги сдавали, вскладчину, Михаил Сергеевич такое правило ввел…»

О докторской

В книге «Я надеюсь…» она скажет: «Уже в Москве — возникла идея докторской диссертации. Но я отошла от своей профессиональной деятельности. Не скажу, что это было просто и легко. Напротив, даже мучительно. Какое-то время я еще продолжала собирать материал для докторской диссертации, посещала интересующие меня философские семинары, конференции. Внимательно следила за выходящей философской, социологической литературой. Поддерживала активные контакты со своими коллегами. Но жизненные обстоятельства поставили меня перед выбором, я его сделала. Докторские напишут и без меня, другие.

Все в жизни конкретно. Помните: «Истина всегда конкретна»? Я не жалею сегодня о своем выборе. Так нужнее было для моей семьи, для меня. Должность доцента на кафедре философии осталась в моей жизни последней официальной должностью. Хотя уж для полной честности скажу: был момент, когда меня назначали заведующей кафедрой. Еле отбилась от этого повышения. Дело дошло до слез. Пришлось мужа просить, чтоб вмешался».

Приметы счастья

У них были свои приметы счастья. Отдыхали как-то в Калмыкии, в Манычском заповеднике, где на десятки километров бескрайние поля тюльпанов — желтых, красных. Есть такая примета: найдешь черный тюльпан — к счастью. Свой черный тюльпан они тогда нашли. Радовались, как дети.

Москва — СССР — и весь мир… 1978 г. — 1991 г

Михаилу Сергеевичу не раз приходилось рассказывать, как обстояло дело с его назначением на должность секретаря ЦК КПСС. В том числе и в своих биографических книгах. Перелистаем их страницы:

«25 ноября я прилетел из Ставрополя в Москву. А в воскресенье часов в 12 оказался на юбилее у своего земляка и друга еще по комсомолу Марата Грамова. Ему исполнилось 50. Это, конечно, был повод для встречи друзей. На Малой Филевской улице в новом доме, в квартире, на четвертом этаже собрались несколько человек, в основном ставропольцы. За тостами пошел разговор. Говорили, в частности, о том, кто заменит скончавшегося Кулакова на посту секретаря ЦК КПСС.

Мы, областные секретари, члены ЦК, знали, как говорили тогда, «кто на подходе». Иногда с нами по таким вопросам советовались. На сей раз консультаций не было.

В застолье прошло несколько часов, а в конце выяснилось, что меня тщетно целый день разыскивают сотрудники Черненко. Оказывается, со мной хотел встретиться Леонид Ильич Брежнев. Позвонили в гараж Управления делами ЦК, выяснили, что Горбачев вызывал машину, нашли шофера, который меня отвозил по адресу Грамова. В середине дня позвонили на квартиру. Никто из сидевших за столом не обратил внимания на телефонный звонок. А сын Грамова на просьбу пригласить к телефону ответил — «не туда попали»…

Прошло еще два-три часа. И уже около 7 часов приехал еще один ставрополец и сказал, что в гостинице всех поставили на ноги — ищут Горбачева.

Я набрал номер телефона, который сообщил мне приехавший земляк. Ответили из приемной Черненко: «Вас вызывает Генеральный секретарь. Нас с работы повыгоняют…» «Хорошо, сейчас приеду», — успокоил я того, кто звонил.

Надо сказать, нравы того времени были таковы, что выпивать приходилось не так уж редко. Правда, у меня пристрастия к алкоголю не было никогда. Поэтому и на сей раз мое состояние было вполне нормальным. Но известная все-таки неловкость, я бы сказал, присутствовала. Оказавшись в кабинете Черненко, я в шутливой форме сказал: «Знаете, сошлись земляки, посидели,

поговорили». Константин Устинович шутки не принял и без всяких предисловий сообщил: «Завтра на Пленуме Леонид Ильич собирается внести предложение об избрании тебя секретарем ЦК партии. Поэтому он и хотел встретиться с тобой».

Я позвонил в Ставрополь, передал Раисе Максимовне привет от Грамова и сказал: «Слушай завтра радио». Она обрадовалась — хотелось перемен. В Москву хотелось.

Пленум ЦК КПСС открылся в 10 часов. Места в Свердловском зале Кремля заранее не распределялись, но каждый знал свое, некоторые восседали на них десятилетиями.

Все произошло так, как и предсказывал Черненко. Начали с организационных вопросов. Первым Брежнев предложил избрать секретаря ЦК по сельскому хозяйству, назвал мою фамилию, сказал обо мне несколько слов. Я встал. Проголосовали единогласно, спокойно, без эмоций.

…Я вошел. Все были там. Ближе ко мне оказался Андропов. Улыбаясь, шагнул навстречу:

— Поздравляю, «подлесок».

Подошел Косыгин и как-то очень доверительно сказал:

— Поздравляю вас с избранием, рад вашему появлению среди нас.

Я подошел к Брежневу, стал ему что-то говорить. Он, продолжая пить чай, только кивнул головой. Когда пленум завершил работу, вернулся в гостиницу. Меня ждали: «В вашем распоряжении «ЗИЛ», телефон ВЧ уже поставлен в номер. У вас будет дежурить офицер — все поручения через него». Я воочию убедился, как четко работают службы КГБ и Управление делами ЦК КПСС.

Из Кремля направился на Старую площадь. Там меня уже ждал управляющий делами ЦК Павлов. Мой предшественник, Кулаков сидел на четвертом этаже в старом здании недалеко от кабинета Брежнева, находившегося на пятом этаже. Меня посадили подальше — в новое здание (шестой подъезд).

Павлов обстоятельно доложил мне, что «положено» секретарю ЦК: 800 рублей в месяц («как у Леонида Ильича»), лимит на питание, по которому можно заказывать продукты на 200 рублей (членам Политбюро — 400 рублей), стоимость питания и представительские расходы во время работы также берет на себя Управление делами…

Решил пойти по секретарям ЦК с визитом вежливости — поговорить, установить контакты, как-никак, а работать вместе. Побывал у Долгих, Капитонова, Зимянина, Рябова, Русакова. Когда зашел к Пономареву, то услышал советы по вопросам сельского хозяйства. Это, кстати, продолжалось и потом, вплоть

до его ухода на пенсию. Борис Николаевич принадлежал к числу «аграрников-любителей»: проезжая на машине со своей дачи в Успенском, отмечал все, что попадалось на пути…

— Вчера видел у дороги поле. Хлеб созрел. Надо косить, но ничего не делается. Что же это такое? Или:

— Вчера гулял недалеко от дачи, набрел на овраги — трава по пояс… Почему не косят? Куда смотрят?

Так вот и было: эксперт по международным делам, особо не смущаясь, выдавал рекомендации по сельскому хозяйству…

…Когда меня избрали секретарем ЦК, у меня было всего три костюма. Перевозить в Москву нам было практически нечего, кроме библиотеки, которую вместе собирали…»

В Москву!

Как и ее мужу, Горбачевой наверняка часто задавали этот вопрос, он напрашивается сам собой: с какими чувствами семья уезжала из Ставрополья?

Она отвечала на него так: «С какими ощущениями покидала я Ставрополь — с сожалением, с радостью, что наконец-то вырвалась из провинции? Знаете, все неоднозначно. Дети наши восприняли переезд в Москву действительно как ощущение полноты счастья. Такого необыкновенного счастья, которого, как потом говорила мне Ириша, за все годы жизни в Москве уже не было. Для меня же возвращение в Москву означало завершение огромного по времени отрезка нашего жизненного пути. Не простого, не легкого, но, поймите, очень дорогого. Здесь, на Ставрополье, прошли годы молодости. Здесь родилась и выросла дочь. Здесь были близкие и родные нам люди. Здесь, на Ставрополье, мы получили возможность личной самореализации.

Волновало меня опять чувство неизбежности. На душе было как-то тревожно…

Никогда в его политические или государственные дела я не вмешивалась. Считала лишь своим долгом поддержать, помочь. Обсуждали ли мы что-то? Мы с Михаилом Сергеевичем спорим, и очень часто, по самым разным вопросам. Я прошла свой самостоятельный жизненный путь. Много лет работала со студентами. Занималась наукой. И, естественно, у меня есть свои собственные взгляды и представления. Поэтому мы, как и все нормальные люди, обсуждаем, спорим, иногда ссоримся. Ну и что в этом особенного?!»

У подножия политического Олимпа Бабушка

Через год после приезда в Москву в семье появилась первая «коренная москвичка»… Михаил Сергеевич пишет: «Самым радостным событием было рождение в 1980 году нашей первой внучки Ксении. Она, как и Раиса Максимовна, родилась в январе, 21 дня. Началась новая жизнь».

А вот что добавляет Раиса Максимовна: «Имя определили заранее. Выбрала его я, мне доверили. В восемьдесят седьмом родилась вторая внучка — Анастасия. Имя выбирали коллективно, всей семьей. Прошло предложение Михаила Сергеевича. Так что в этом отношении у нас с ним паритет».

Однажды, было это в 1995 году, американским детям и подросткам дали почему-то совсем уж необычную тему для сочинения — их спросили о том, как они представляют себе… русскую бабушку («Babuschka»). Требовалось создать ее словесный портрет. Понятно, что большинство сочинений мало имели общего с действительностью. Но зато в одном из них — стопроцентное попадание «в точку». Поразительное просто. И разве не похоже сказанное на Раису Максимовну? Да и на других бабушек?

«У нее нет настоящих возможностей реализовать себя… Сильная, самостоятельная, имеющая слишком много обязанностей… Привыкшая ни от кого не получать помощи…» Так написал подросток, интуитивно подметив очень существенные черты характера русской женщины…

А вот и свидетельство одной ученой: «Ни один человек в мире не даст столько сердечности, понимания и любви, как наши матери и жены». (Добавим: и бабушки, конечно, тоже.)

Опять, как и в Ставрополе, не хватало времени на все, что требовалось охватить. Приходилось чем-то поступаться… Михаил Сергеевич пишет: «Раиса Максимовна продолжала работу над докторской диссертацией. Ее приглашали провести новое исследование в тех селах и станицах Ставрополья, в которых она собирала материалы для кандидатской. Это была заманчивая идея, но наши московские заботы никак не позволяли заняться ее реализацией.

Нам нелегко вырваться из объятий Москвы, и мы настойчиво приглашаем мою мать и родителей Раисы Максимовны к нам в гости. Сначала они ездили часто и с интересом, но годы берут свое — им все труднее ездить. Болезни, недомогания. Стараемся

помочь в лечении, снабжаем лекарствами, деньгами, одеждой, продуктами — всем, чем можем. Таков фронт забот: от внучек до родителей. А ко всему все хуже и хуже со здоровьем у брата Раисы Максимовны Евгения — не смог справиться со своим старым недугом, пристрастием к алкоголю. Отверг все наши предложения о помощи, а теперь уже и поздно. Талантливый человек, сумевший за первые годы после Литературного института написать несколько рассказов, повестей, книжек для детей и юношества. Евгений — наша постоянная, незатихающая боль.

Ирина и Анатолий заканчивают мединститут, получив дипломы с отличием. Дочь решила продолжить учебу в аспирантуре, занялась исследованием причин смертности в больших городах (на примере Москвы). Оказалось, что все данные на этот счет засекречены, и поэтому диссертацию сделали закрытой. Причин для засекречивания у столичных властей было больше чем достаточно, но все же Ирине удалось наладить сотрудничество с органами статистики и здравоохранения Москвы, поскольку в результатах такого исследования они тоже были заинтересованы. Защита диссертации прошла весьма успешно, и скоро она получила диплом кандидата медицинских наук, стала преподавать на кафедре мединститута, который окончила. А затем решила целиком перейти на исследовательскую работу.

Анатолий после института был направлен в хирургическую клинику под началом академика В. С. Савельева, которая действует на базе Первой городской больницы столицы. Очень трудным оказался начальный период его деятельности, но постепенно он освоил дело и занялся в рамках кафедральных исследований научной работой. Продолжая работать в клинике, защитил кандидатскую диссертацию. Теперь это уже опытный хирург, доцент.

Словом, наша семья постепенно интегрировалась в столичную жизнь. Круг знакомых расширялся, мы все больше чувствовали себя москвичами. Хотя и поддерживали контакты с земляками».

Важным событием этих лет, несмотря на всю нагрузку, стала для Горбачевых встреча с бывшими сокурсниками: «Наконец состоялась встреча с выпускниками юрфака 1955 года. Я смог увидеть всех своих старых друзей и приятелей. На этой встрече для меня важно было все: как выглядят, где устроились, чем заняты сокурсники. Все-таки молодцы: десять человек уже стали докторами, около сорока — кандидатами наук. Да и остальные не потерялись, нашли свое дело. И горько, что многих уже нет:

болезни, аварии и даже… самоубийства.

В общем, и радостно и грустно — такова жизнь. В памяти воскрешается изречение восточного мудреца: «Люди рождаются, стареют и умирают».

В отпуск, как и на Ставрополье, ездили после уборки урожая. Все годы — в Пицунду. В Грузии и Абхазии мы приобрели много знакомых. Пользуясь возможностью, лучше узнал эти края и людей, там живущих».

На вершине власти

Политический советский анекдот брежневских времен ушел навсегда, исчерпав себя сполна. Про Горбачева с Раисой Максимовной анекдотов ходило несравнимо меньше. Зато впервые с 20-х годов стала развиваться политическая карикатура — такую рубрику охотно начали публиковать местные и центральные газеты. Если не оказывалось под рукой своих сатирических рисунков «на злобу дня», их перепечатывали из ведущих зарубежных изданий, европейских стран и США, в подражание западной демократии, где подобная практика существует с прошлого века.

Заметно вырос уровень художественной фотографии. Врезаются в память эти композиции на контрасте. Маленькая девчушка гуляла по фотовыставке, устала и прислонилась слегка к стене. А над ней — крупным планом — не в гневе, но сильно раздраженное — лицо Горбачева, очевидно, горячо спорящего с кем-то из своих оппонентов. Вот уж поистине — лицо маленького Человека (человечка еще), уставшего и желающего наконец только покоя, и — лицо Власти с его кипением страстей, увлекающей этого самого Человека за собой в водоворот бурных событий.

А чего стоят вариации на тему: «Горбачев и толпа»! Толпа то ликующая, радостная, то люди в ней с лицами «опрокинутыми», серыми от долго-го-долгого ожидания перемен к лучшему, которых все нет, с антигорбачевскими транспарантами в руках. От криков «Долой!» до восторженного скандирования «Президент! Президент!» в 1991…

Целые ворохи фотоснимков… На них — Дели, Миннесотта, Прага, Краков и Щецин, Берлин и Дортмунд, Штутгарт и Шанхай, Барселона, Рим и Мессина, Милан и Нагасаки. Заполненные народом улицы и площади городов. На лицах симпатия и дружелюбие. В сердцах и глазах людей надежда и вера: мир может жить без насилия, мир может обойтись без войн… Но все это придет позже…

Первый визит в Англию

«…Когда Горбачев и Раиса спустились по трапу самолета, он — в хороню скроенном костюме, с благожелательной улыбкой, она — сравнительно блистательная… Флит-стрит не переставал истекать слюной до конца визита», — пишет американский биограф Горбачева.

Выступления Горбачева не произвели особого впечатления — так, симпатичный вариант советского чинуши, — если бы не Тэтчер. «Мне нравится господин Горбачев. С ним можно вместе делать дела…», — произнесла она.

Важным элементом визита в Великобританию было присутствие рядом с Горбачевым его супруги. Сам бывший Генеральный секретарь несуществующей теперь партии вспоминает об этом так:

«Подробно освещалась наша встреча с Маргарет Тэтчер, состоявшаяся на второй день пребывания делегации в Англии, в Чекерсе, где премьер-министр ждала нас вместе со своим Денисом и министрами. У подъезда нас встретили корреспонденты, и фотография, где мы сняты вчетвером (госпожа Тэтчер вежливо показывает нам рукой, где и как встать), была сделана именно здесь. Забавно, что потом многие толковали этот снимок по-иному: якобы Маргарет Тэтчер внимательно рассматривает костюм Раисы Максимовны.

Встреча началась с ланча. Тэтчер и я сели по одну сторону стола, Денис и Раиса Максимовна — по другую. Все выглядело вполне респектабельно и чинно. Но разговор даже за ланчем принял довольно-таки острый характер.

Госпожа Тэтчер — человек уверенный, я бы даже сказал, самоуверенный, за внешним мягким обаянием и женственностью скрывается достаточно жесткий и прагматичный политик. Не зря же сами англичане назвали ее «железной леди».

Но потом разговор возобновился, и я сказал:

— Я знаю вас как человека убежденного, приверженного определенным принципам и ценностям. Это вызывает уважение. Но вы должны иметь в виду, что рядом с вами сидит такой же человек. И должен сказать при этом, что я не имею поручения от Политбюро убедить вас вступить в коммунистическую партию.

После этой фразы она от души рассмеялась, и разговор от формально вежливого и немного колкого как-то сам собой перешел в откровенно заинтересованный. Содержание его целиком определили те мысли, которые через день я изложил британским парламентариям.

После окончания ланча была продолжена официальная беседа. К нам присоединились Замятин и Яковлев, разговор пошел о проблемах разоружения. Поначалу мы пользовались заранее подготовленными записями. Потом я отложил свои в сторону.

Ее реакция была очень выразительной. Думаю, что и вполне искренней. Во всяком случае, с этой беседы начался какой-то поворот к крупному политическому диалогу между нашими странами.

Во время официальной беседы, в соответствии с протоколом, Раиса Максимовна не присутствовала. Ее оставили «на съедение» трем или четырем министрам правительства, и, к их полному удивлению, она повела речь об английской литературе, философии, к которым всегда испытывала глубокий интерес. Продолжался этот разговор все три часа, пока шла встреча с Тэтчер, и на следующий день лондонская пресса, у которой, видимо, были свои предубеждения против «кремлевских жен», весьма пространно и сочувственно рассказала своим читателям об этом эпизоде.

Мое выступление в парламенте 18 декабря прошло успешно. Правда, и здесь поначалу была предпринята попытка повести диалог в конфронтационном духе. Но я сразу же пресек ее, сказав:

— Если вы хотите строить беседу таким образом, то я достану привезенные мною бумаги и документы и начну инвентаризировать все то, что делалось английской стороной против Советского Союза, против налаживания нормальных отношений. Кому от этого польза?

После этого заявления беседа вошла в конструктивное и вполне дружественное русло.

Потом были встречи с министрами, лидерами политических партий, представителями деловых кругов. Мы посетили автомобильный завод «Остин-Ровер», штаб-квартиру компании «Джон Браун», исследовательский комплекс «Джелоттс Хилл», торгово-промышленную палату, Британский музей, мемориальную библиотеку Карла Маркса.

А вот на могилу Маркса, куда ходила часть нашей делегации, по стечению обстоятельств я не сходил. Сколько по этому случаю было потом спекуляций! Точно так же, как уже в годы перестройки наша «свободная пресса» запустила «новость» о «золотой карточке» — речь шла, видимо, о кредитной карточке, которой я как член Политбюро якобы располагал за рубежом! Стыдно было все это читать и стыдно было за тех «интеллигентов», которые писали весь этот вздор. И уж совсем стыдно, когда я увидел эту сплетню в мемуарах Ельцина. У кого

что болит, тот про то и говорит…

После этого успешного визита в Великобританию Горбачева неизменно сопровождает генсека во всех его зарубежных поездках.

Но для Франции, как выяснилось очень скоро, рекомендации Тэтчер оказалось недостаточно. Париж Горбачевой пришлось покорять как уже новую высоту…

Париж, Париж…

Помощник президента Андрей Грачев пишет в своих мемуарах: «Париж тогда встретил его и Раису скептически. Рекомендация от Тэтчер, произнесшей в декабре 1984 года свою знаменитую фразу о том, что с этим человеком можно иметь дело, в глазах французов была явно недостаточной. Кроме того, Париж, разумеется, не мог, не сделав собственной оценки, признать действительным сертификат элегантности, выданный Раисе в Лондоне. Однако и он, и она успешно прошли придирчивую проверку на парижских дорогах».

Чисто женское тщеславие

Опять же Грачев выделяет из всех качеств Горбачевой именно ее женское тщеславие: «Стремление Раисы Максимовны обратить на себя внимание ставило иногда главу государства в неудобное положение. Я запомнил визит в Испанию в октябре 1990 года. Мы все были очарованы семьей короля Хуана Карлоса П. Действительно — королевская семья! Сам король — высокий, стройный красавец-мужчина с великолепными светскими манерами. Жена София — также красавица… она была внимательна ко всем гостям, но особенно — к Раисе Максимовне. Королевские дети — также высокие, стройные, красивые. В королевском дворце был организован прием «а ля фуршет». Михаил Сергеевич с королем и другими господами беседовал в одном конце зала, Раиса Максимовна с королевой — в другом. Неожиданно Раиса Максимовна поворачивается к королеве спиной и заводит разговор с кем-то из наших посольских дам. София несколько растерянна, пытается подойти к Раисе Максимовне то справа, то слева, но та очень искусно подставляет спину. Это стали замечать и другие приглашенные. Королева осталась одна, ей, видимо, неудобно было заводить разговор с мужчинами, которые вели свои деловые беседы, она резко развернулась и ушла к группе приглашенных.

В Испании традиционно первыми покидают зал приемов хозяева с важными гостями, а затем все остальные. Прием завершался, Михаил Сергеевич в сопровождении короля и королевы двинулся к выходу. Раиса Максимовна и здесь, с кем-то разговаривая, задержалась, как мне показалось, специально, чтобы подчеркнуть важность своей персоны, которую ждут все. Король, королева, президент — стояли на ступеньках, Раиса Максимовна, не обращая на них ни малейшего внимания, продолжала вести светскую беседу. Неприятная пауза длилась несколько минут, Михаил Сергеевич, едва сдерживая себя, но с улыбкой попросил:

— Раиса Максимовна, поднимайтесь к нам. Она продолжала беседовать, прошла еще минута. Горбачев повторил громко и резко:

— Раиса Максимовна, мы все ждем!

Почувствовав в голосе мужа металл, она двинулась к нам. Конечно, это был спектакль, прекрасно ею разыгранный. Подобное происходило и во время встреч с госпожой Коль, с госпожой Нэнси Рейган, когда Михаил Сергеевич в разговорах с супругой переходил на зловещий шепот».

Две первые леди

Нэнси Рейган недолюбливала Раису Горбачеву. За что? За скрупулезность и занудство. Наша первая леди готовилась к любой зарубежной поездке месяцами. Много читала. Могла цитировать классиков, подробно изложить историю страны, а при желании даже, наверное, написать диссертацию. Словом, проводила большую исследовательскую работу. Ну как тут при случае не выложить всех своих знаний?

Что называется, «в красках» об этом повествует в своей недавней книге переводчик В. М. Суходрев. Он стал свидетелем борьбы самолюбий двух дам за пальму первенства на мировой политической сцене.

Во время визита в Америку советской правительственной делегации Нэнси Рейган устроила экскурсию по Белому дому. На стенах висели картины. И первая леди СССР замучила американскую вопросами — кто автор да какой век. Госпожа Рейган в живописи не разбиралась и не интересовалась ею совершенно. Положение оказалось затруднительным…

Кроме того, Нэнси раздражала чрезмерная независимость Раисы Горбачевой, часто пренебрегавшей протоколом во время официальных визитов своего мужа. «За кого она себя принимает?» — воскликнула перед телекамерой жена американского президента.

Когда чета Рейган нанесла ответный визит в Москву, Раиса Максимовна устроила Нэнси экскурсию по музею, где как раз была организована выставка икон XV–XVI веков. После двухчасовой лекции по истории иконописи первая леди США была, говорят, вне себя и потом тихо ненавидела Раису Максимовну.

Но соперничество их проявлялось, разумеется, не только в этом, но и в «большой войне дамских туалетов». Нэнси была гораздо более состоятельной дамой — зарплаты двух президентов были несопоставимы. (Помните, «У нищей страны — нищий президент».) Кроме того, Нэнси бывшая актриса, и для нее разбираться в стилях и направлениях моды, менять наряды, общаться с модельерами — являлось всегда просто профессиональной необходимостью.

Опыта носить меха и платья со шлейфами у Горбачевой не было никакого, и поэтому она не любила ни того, ни другого. Как и вечерние длинные платья, перчатки. Все это ее сковывало, а потому повергало в уныние.

Возможности Раисы Максимовны были довольны ограничены,

а хотелось не только «соответствовать», но и «умыть» лощеную и холеную американскую леди. История умалчивает о том, на какие ухищрения, на какие «дамские штучки» пришлось пойти Горбачевой, чтобы не ударить в грязь лицом.

Словом, тысячу раз правы оказались Ильф и Петров, словно набросав в романе «алгоритм действий» в помощь Горбачевой. Отношения строились почти по схеме: жена рядового инженера Щукина — миллионерша Вандер-бильдиха. Только вот наполненность образов, понятно, была совсем иной. Это была уже не комедия. Это была драма. Кроме того, Эллочке было проще — миллионерша-то находилась за тремя океанами. А с Нэнси Горбачевой приходилось стоять рядом перед телекамерами, общаться…

«Вы — идеалистка, госпожа Горбачева!..»

Свой посильный «женский» вклад в дело разрядки ядерных вооружений внесла и Раиса Максимовна. Так, в своей книге она вспоминает один довольно знаменательный спор с Маргарет Тэтчер во время первого официального визита премьер-министра Великобритании в Москву. Горбачева попыталась тогда разубедить собеседницу в необходимости существования ядерного оружие. Причем подошла к одной из главных политических проблем не с точки зрения государственного деятеля, а, как говорится, по-житейски. Но Тэтчер осталась верна себе и на компромиссы не пошла: «Госпожа Тэтчер, как человек, хотела бы спросить Вас: нравственно ли отстаивать идею необходимости сохранения ядерного оружия на Земле?» Она мне сказала: «Вы — идеалистка, госпожа Горбачева…» Я защищалась: «Но таких идеалисток, как я, много, и я уверена — будет все больше…» И далее продолжает:

После войны в Персидском заливе, я чрезвычайно ценю и уважаю патриотические чувства американского народа и все же рискну назвать эту войну, как и любую другую, трагедией, — я вспомнила этот разговор. И знаете, почему? Услышала недавно, как крупный политический лидер одного государства сказал: что ж, если действует только сила, мы будем создавать собственное ядерное оружие. А это что? Как назвать? Нет, любая война, даже во имя наказания агрессора, — не благо. Люди должны научиться сегодня считаться друг с Другом. Хотя бы для того, чтобы выжить. И не думаю, что точкой пересечения политики и простой человеческой нравственности является только идеализм. Нет!

Нет, здесь, в точке пересечения политики и нравственности, — истоки, основы самых высоких, самых плодотворных результатов современной политики».

Согласитесь, читая эти взволнованные, прочувствованные строки, — нельзя не задуматься о происходившем и происходящем в эти дни в Чечне. Да и не только на этой земле…

* * *

Политические психологи еще, наверное, не раз выскажутся на сей счет. Так все-таки: была ли она, так сказать, кем-то вроде «теневого премьера» или нет? Известный историк, профессор, доктор исторических наук, генерал Дмитрий Волкогонов, в своем труде «Семь вождей» считает, что да: «Раиса Максимовна на

протяжении многих лет правила не только домашним хозяйством, но и всем балом перестройки. Она участвовала в формировании политики, где это, разумеется, было возможно, и в расстановке кадров. Но главное, она формировала характер генсека-президента, помогала ему искать путь в бурном море политических течений, в надежде привести государственный корабль к намеченным целям. И это можно оценивать и как стремление разделить ответственность, и как вмешательство в компетенцию президента. Может быть, с его согласия, но это ограничивало его свободу действий и власти».

Давайте разберемся. Здесь все непросто, и категоричность, пожалуй, неприемлема. Как и поспешность с выводами. Что касается влияния на характер президента, то с этим еще можно согласиться. Но насчет того, что «правила всем балом перестройки» — это перебор. Во-первых, сама по себе перестройка — отнюдь не развлечение и не удовольствие, а работа. Направленная на личные цели или во благо других — это уже вопрос другой, но работа…

И, во-вторых, надо все-таки понимать силу Системы. Уже практически уходя с поста президента, Горбачев бросил вскользь, что ряд тайн госбюджета ему открыли только недавно. О том, чтобы сделать «своей» женщину, советоваться с ней на равных по стратегическим, скажем так, и тактическим вопросам — этого — по «внутренним» номенклатурным законам — не допустил бы никто. Кроме того, известно, что Горбачев советоваться с другими людьми не очень-то спешил. И не потерпел бы грубого вмешательства, как и любой нормальный мужчина, даже со стороны высоко почитаемой им супруги, в свое Дело.

Вопрос, как принято говорить в таких случаях, «ждет своего исследователя». Мы ведь продолжаем постигать природу человека, не так ли?

Человеческая жизнь чрезвычайно разнообразна, неисчерпаема в своих проявлениях. По существу, она — бесконечный роман с продолжением. И таким же неисчерпаемым и многогранным должно быть, наверное, и слово, повествующее о ней.

В деревне… у Миттерана

…И политики такие же люди, они тоже могут любить мед и молоко. Горбачев скоро уйдет со своего поста. Миттерану остается жить совсем немного, он тяжело болен. А пока — высшие должностные лица двух крупных государств ведут беседы о государственном и личном, удачно совмещая труд и отдых. Миттеран с женой пригласили Горбачевых к себе на ферму, и те с радостью приняли предложение. Президент Франции пообещал гостям, что утром их разбудят петухи… Как в Ставрополе.

Помощник Горбачева Грачев рисует идиллическую картину: «Горбачев был в хорошем настроении. В камине рядом с ним пылали дрова. Ведущая программы «Антенн-2» Кристин Окрент была ему хорошо знакома по предыдущим встречам и вызывала у него явную симпатию. Позади был длинный день, эффектно начавшийся в Мадриде и завершавшийся здесь, под небом Южной Франции, столь похожим на его ставропольское.

После интервью президенты, их жены и помощники вместе с журналистами «Антенн-2» вернулись в главную «хижину». Раиса, собрав вокруг себя женский кружок, рассказывала про свою внучку, которая называет мелкие монеты «валютой». Михаил, попробовав «Шато Икем» 1975 года из президентских запасов, вспоминал о том, как в Ставрополье научились выводить морозостойкий виноград.

Хозяйничавшая за ужином Даниель рассказала, что сама собирает мед с расположенной неподалеку от дома пасеки, и предложила Раисе подарить ульи с пчелами. Та воскликнула: «Но ведь нам некуда их поставить. Ты слышишь, Михаил Сергеевич, я давно тебе говорила: пора вместо всех этих государственных дач обзавестись собственным участком».

Мужчины тем временем продолжили переговоры. Речь на этот раз шла о Европе, здесь они хорошо понимали друг друга. Европейская «конфедерация» Миттерана отлично консолидировала с «общим европейским домом» Горбачева. Советско-французский дуэт не требовал репетиций. «Должны быть две опоры, — говорил Горбачев. — Европейские сообщества на Западе и Союз Суверенных Государств, образованный на месте прежнего Союза, на Востоке. Взаимодействие между ними организуется на основе принципов и норм общественного процесса. В такую концепцию вписывается и присутствие США и Канады».

Миттеран возвращал своего собеседника к реальности: «Пока есть одна опора — на Западе. Она тесно связана с США. Что же

касается другой — восточной, то не очень понятно, что все-таки с ней происходит. Конечно, было бы проще, если бы все жители ваших республик были месье Горбачевы.

— Нет уж, как минимум, половина должна быть мадам Горбачев, — неожиданно кокетливо вмешалась Раиса.

Миттеран одобрительно улыбнулся удачной шутке.

— Я понимаю, что моя задача состоит в том, чтобы укреплять вторую опору, — закончил Горбачев.

— Вы можете не сомневаться, Франция никогда, ни при каких условиях не будет поощрять разрушения Советского Союза. Невзирая на сомнения наших союзников, да и наших друзей на Востоке, я убежден, что Европа будет формироваться вместе с Россией. Каков будет ее облик — это ваша проблема. Единственно, чего бы я хотел, — чтобы это произошло при моей жизни, а не после моей смерти. Поэтому мне надо торопиться.

Миттеран сказал это спокойно, с достоинством человека, прошедшего большую часть им самим намеченного пути.

После ужина начались хлопоты с размещением президентской четы в отведенном для них месте ночлега, явно напомнившем супругам их молодые годы в университетском общежитии в Москве на Стромынке.

Утром, как и было обещано Миттераном, петухи, ослы и козы разбудили всю компанию спозаранку. Когда сопровождающие их фотографы прибыли на ферму, им было сказано, что оба президента ушли гулять. Вернувшись из леса и попозировав фотографам, они уселись за завтрак. Теплый хлеб, свежее молоко, мед доставляли Горбачеву явное наслаждение. Раиса к завтраку не вышла — она собиралась в дорогу.

За столом обсуждали последние оставшиеся вопросы, включая практическую, финансовую и продовольственную помощь Союзу. Неожиданно из кухни повалил дым, погасло электричество — видимо, произошло короткое замыкание.

Оказавшись в темноте в своей комнате, растерявшаяся Раиса позвала мужа на помощь. Тот, попросив отложить на время условия оказания помощи СССР, бросился к ней на выручку. После того, как тревога улеглась, Раиса, несколько возбужденная этим неожиданным приключением, появилась в столовой и сообщила, что во время «затемнения» она главным образом беспокоилась о том, чтобы ничего не случилось с оставшимся в спальне портфелем ее мужа, в котором он хранил самые необходимые для него бумаги.

Когда, закончив завтрак, президенты вышли на улицу, вовсю светило солнце. Галльские петухи восторженными криками проводили кавалькаду, которая после остановки в местном

районном центре городе Сустоне, где прошла заключительная пресс-конференция, доставила Горбачевых на аэродром».

Известно, что начальник охраны Горбачева генерал КГБ Владимир Медведев не жаловал Раису Максимовну. А почему, собственно? Стала ездить везде вместе с мужем, и охране значительно прибавилось хлопот. Ведь раньше в Кремле подобного не водилось… И все равно — за его рассказом есть подспудно сожаление, что взаимопонимания не произошло:

«…Жизнь катастрофически катилась к полному развалу, к пропасти, а велеречивый лидер безостановочно повторял одни и те же обкатанные пустые слова. Уставшие и раздраженные люди, услышав его голос, выключали радио, увидев на телеэкране, выключали телевизор.

Людей раздражало и то, что в эти во многом пустые поездки Горбачев брал с собой супругу. Раздражало ее постоянное желание как-то выделиться, обратить на себя внимание — в манере одеваться, вести себя. Писем по этому поводу шло множество — в газеты, на телевидение. Кто-то из ближайшего окружения осмелился намекнуть об этом Горбачеву. «Ездила и будет ездить», — ответил он резко. Если не ошибаюсь, Ирина как-то тоже сказала матери об этом. И Раиса Максимовна с обидой пересказала мужу: — В народе недовольны, что я с тобой езжу». — «Ну, что делать, на всех не угодишь. Кто-то недоволен, а кто-то доволен. На Западе же ездят с женами».

Опять — «на Западе». Нельзя голодного и раздетого сравнивать с сытым и одетым».

Но сам Медведев тут же признает: «Кстати сказать, Раиса Максимовна в поездках находила себе дела…» В основном они касались Фонда культуры, одним из руководителей которого она была.

Известный журналист Егор Яковлев, в последние годы редактор «Общей газеты», относится к Горбачевым с большой теплотой: «…Основательность, свойственная Раисе Максимовне во всем, чем бы она не занималась, проистекала от уважительной доброжелательности. Оказавшись в музее, с трогательной серьезностью изучала экспонаты или картины. На любой вопрос стремилась ответить по возможности исчерпывающе, порой до того подробно, что трудно было сдержать улыбку…

Правительство Италии давало в Риме прием в честь визита Горбачева. Длинная череда гостей, неторопливо двигаясь, приветствовала Михаила Сергеевича и Раису Максимовну. Утром этого дня Горбачева совершила длительную поездку по Италии. И, пожимая ей руку, я спросил Раису Максимовну, не утомила ли ее дорога. Горбачева ответила, что напротив, и, задержав мою

руку в своей, стала подробно делиться всем тем интересным, что удалось ей повидать, рассказывать о людях, с которыми познакомилась. Спиной я чувствовал нетерпение множества гостей. Моя ладонь постепенно становилась влажной. А Раиса Максимовна, сказав все, что хотела, встретила улыбкой следующего гостя».

Свое непосредственное «гражданское» участие в перестройке она связала с деятельностью общественной. Главным образом — на общественных началах — в советском Фонде культуры.

Крым, Форос
18-21 августа 1991 г

Дворец на сильном ветру

Речь о номенклатурном путче следует, пожалуй, начать с самого начала — со строительства дачи в Форосе…

«Хорошо, что Брежнев не объявлял войну привилегиям, ничего не обещал в этом смысле, не объявлял себя демократом… Хорошо — одним всенародным разочарованием меньше», — скажет в сердцах Владимир Медведев.

Зато, как мы знаем, множество руководителей после Брежнева, ответственных и не очень, начинали свой путь в политике именно с борьбы с привилегиями, сделали себе на этом весьма неплохую карьеру, и затем благополучно о своих обещаниях забыли.

«Форос» в переводе с греческого означает «порыв». Видимо, имеется в виду сильный, неприятный ветер, который здесь дует чуть ли не круглый год, за исключением, может быть, двух-трех летних месяцев. Земля — голые скалы. Вокруг везде строили, а тут — нет… Наверное, люди чувствовали сопротивление Гения местности — некоего мистического существа, что-то вроде греческого бога Пана, олицетворяющего собой Природное Начало…

«Ну ладно, дача в Ливадии оказалась вдруг не по вкусу. Но ведь в Крыму столько прекрасных готовых дач…… С разочарованием и накапливающимся раздражением все ожидали развития событий: что там происходит на самом деле и чем все кончится. Первый демократ страны!..» — пишет далее Медведев. Он так описывает дачу:

«Храм вырос на диво… Весь вид крыши — легкий, воздушный. На третьем этаже — кабинет, спальни Михаила Сергеевича и Раисы Максимовны, столовая человек на двенадцать.

Выход на балкон — к морю, где хозяева обычно пили чай. Другой балкон был обращен к горам, перед ним располагалось что-то вроде холла или комнаты отдыха, где стояла мраморная скульптура нагой женщины, очень красивой, такой красивой, что Раиса Максимовна распорядилась ее убрать. Как раз в этом холле на диване и сидели прибывшие гэкачеписты в ожидании, когда хозяин их примет.

Здесь — еще одна спальная комната, которую переоборудовали затем в массажный кабинет.

…Вокруг — красивый километровый терренкур, уютные дорожки аллей, посыпанные мелкой галькой, приятный можжевеловый запах, особенно когда воздух прогреется солнцем.

…Сколько вбухали народных денег — непостижимо. В остальные, несезонные месяцы задували пронизывающие ветры с ливнями, дождями. Привозную землю вместе с деревьями смывало со скалистого грунта. К очередному приезду хозяев снова завозили драгоценную землю с редким можжевельником и дубами, снова крепили к скалам, как декорацию на сцене.

Ливневые ветры задували под ажурную, легкую крышу, дождь попадал на чердак, стекал по перекрытиям на потолок, оставляя черные протеки. К новому сезону все приводили в порядок.

…Дача выглядела не просто красиво, а как-то даже торжественно. При всей внешней сдержанности и Михаил Сергеевич, и Раиса Максимовна сказали:

— Да, очень красиво. Постарались.

— Постарались, да, — подтвердил начальник местной «девятки». — Одной земли сколько уложили.

Часы показывали начало пятого. Хозяева отправились переодеваться. Раиса Максимовна предложила сопровождавшим:

— Помойте руки, приходите — посидим.

Но сопровождающим президента и его семью в окружении этой роскоши стало не по себе: «Это было что-то вроде полдника-новоселья. В принципе, и во времена Брежнева отмечался каждый приезд на отдых, это стало традицией. Прежде бывало и уютно, и весело. На этот раз посидели за столом минут двадцать, от силы тридцать.

Я знаю, видел все государственные дачи всех генеральных секретарей за время советской власти. Форосская — вне конкуренции.

Все это происходило в разваливающейся, стремительно нищающей стране…»

Отдых президента планировался кратковременным — вскоре, в 20-х числах, его ожидала масса самых важных и неотложных дел. В том числе и подписание Союзного договора.

И М.С., и Р.М. наслаждались отдыхом и общением друг с другом и с семьей. Ему хорошо работалось: он заканчивал одну из своих статей. Раиса Максимовна тоже была «при деле»: 17 августа ей прислали из Москвы сигнальный экземпляр ее книги «Я надеюсь…»

Но 18 августа Горбачев сделал свое первое заявление (их будет несколько в последующие дни). Пока — только для семьи. Цитируем по книге Горбачева «Августовский путч»: «Поднимаю телефонную трубку — одну, другую, третью… Все телефоны отключены. Даже красный…» — сказал я сперва супруге. Потом и детям. Для меня ясно: речь идет об очень серьезном. Не исключаю попытки шантажа или ареста, или чего-то другого. В общем, все

что угодно может быть.

— Вы должны знать, ни на какой шантаж, ни на какие угрозы, ни на какое давление не поддамся и от своих позиций не отступлю.

Но нельзя исключить, что за этим и в отношении к членам семьи могут быть приняты самые жесткие действия…

Вся семья высказалась за то, что должно быть моим решением: они готовы до конца разделить со мной все, что будет».

Из книги М. С. Горбачева «Жизнь и реформы»:

«В своем письме Верховному Совету СССР от 23 августа 1991 года зампремьерминистра Щербаков пишет, что утром 19 августа связался с Янаевым и попросил его ответить на три вопроса: 1. Имеются ли достоверные доказательства того, что Горбачев по состоянию здоровья не способен исполнять свои обязанности? 2. Все ли указы вице-президента и решения ГКЧП полностью согласованы с Лукьяновым? 3. Ситуация руководством всесторонне осмыслена и не найдено иных возможностей удержать страну от хаоса и массовых беспорядков, кроме как путем введения чрезвычайного положения? На все три вопроса был дан однозначно утвердительный ответ…

Щербакову удалось часом позже связаться с Павловым, и тот подтвердил, что по информации из достоверных источников президент СССР действительно тяжело болен. Премьер добавил, что в Крым выезжали Бакланов, Шенин, Болдин, Плеханов, которые «…в течение короткого периода времени общались с Горбачевым М. С., принимавшим их лежа в постели. Президент СССР находится в тяжелом состоянии, и по поведению, высказанным словам было видно, что он не в состоянии адекватно воспринимать внешний мир.

Р. М. Горбачева также находилась в крайне тяжелом состоянии. Официального заключения о состоянии еще не было, но врачи сказали о том, что в настоящее время М. С. Горбачев недееспособен и потребовали сократить время визита до минимума». (Поначалу, как видим, и Раисы Максимовны тоже коснулась эта ложь — о ее недееспособности.)

На пресс-конференции Янаева прозвучит: «Работать в таком режиме, в каком работал президент Горбачев все эти последние 6 лет, — естественно, организм изнашивается немножко». (Так все-таки «немножко»? И кому, собственно, принадлежит эта последняя фраза? Это не импровизация — это явно плохо сыгранная роль.)

По словам помощника президента Черняева, Горбачеву

раздосадовала неучтивость путчистов: «Вошли без спроса, не предупредив. Плеханов — начальник охраны президента — их вел, а перед ним вся охрана расступается. Полная неожиданность. Я сидела в кресле, прошли мимо, и только Бакланов со мной поздоровался… А Болдин! С которым мы 15 лет душа в душу, родным человеком был, доверяли ему все, самое интимное!..»

А вот свидетельство Раисы Максимовны: «Встречу с ними Михаил Сергеевич проводил в своем рабочем кабинете. Понимая уже весь смысл происходящего (помилуйте, откуда эта осведомленность? Значит, владела какой-то информацией? Не означает ли это, что осведомлена она была о подлинных потайных пружинах путча не хуже Горбачева? — Е.В.) и ожидая, что возможен самый худший исход этой встречи, мы — Анатолий, Ирина и я — всю эту встречу стояли около дверей кабинета.

…Мы уже поняли, что началось что-то тяжелое, страшное… А в какие конкретно действия это выльется, конечно, трудно было сказать. Но уже предполагая самые худшие варианты, я с детьми подошла к дверям кабинета…

Никаких планов у нас не было. Только желание быть рядом. И вот мы были здесь, около кабинета. Сколько они там находились, сколько длились эти переговоры, точно мне трудно сказать. Но сейчас мне кажется, что это где-то окончилось около шести часов. Открылась дверь, и приехавшие вышли одни. Варенников прошел мимо меня, мимо нас, не обратил внимания и начат спускаться вниз по лестнице. Болдин остановился, но в отдалении, и не подошел к нам. Ко мне подошли Бакланов и Шенин, сказали: «Здравствуйте». Бакланов протянул руку. Я на приветствие не ответила и руки не подала. Спросила: «С чем приехали? Что происходит?» Даже, может быть, так: «С чем приехали? С добром? Что происходит?» Возникла заминка. Я услышала одну фразу Бакланова: «Вынужденные обстоятельства». Они повернулись и ушли. Когда они ушли, через какое-то мгновение дверь открылась и из кабинета вышел Михаил Сергеевич. Он был очень взволнован. В руках держал листочек. Он подошел к нам и подал мне этот листочек. Я сейчас очень переживаю, никак не могу найти этот листок. Но я так его хорошо помню. Листочек из блокнота. Наспех синим фломастером Михаил Сергеевич записал фамилии тех, кто вошел в состав ГКЧП, как его назвали вот эти приехавшие. На что я обратила внимание. В списке не было ни Стародубцева, ни Тизякова. Первая буква в фамилии Пуго была написана Михаилом Сергеевичем «Б», а потом переправлена на «П». Может быть, потому, что выше стояла фамилия Бакланова. Был в списке и Лукьянов, его фамилия была написана с маленькой буквы. А рядом с фамилией стоял вопросительный

знак, то есть Михаилу Сергеевичу не было понятно, вошел он в ГКЧП или нет. Мне вот запомнился этот листочек, который подал мне Михаил Сергеевич, выйдя из своего кабинета, а потом он стал уже нам рассказывать о предъявленных ему требованиях, о своей позиции.

…Когда мы в ночь с 19-го на 20-е сделали видеозаписи и нам нужно было передать их, как мы говорили, на волю, я спросила старшего по охране Олега Анатольевича: «Олег Анатольевич, можем мы как-то передать информацию на волю?» (…) Он сказал: «Раиса Максимовна, что вы, не сможем, с моря мы полностью блокированы, а на суше окружены так, что не проползешь».

А не мог бы в эти дни Михаил Сергеевич прорваться с охраной ребят… Этот вопрос обсуждался. И я не знаю, какое бы развитие получили события дальше в те дни.

Из телеинтервью Горбачевой 6 октября 1991 г.:

«— А продумывалось, как обезопасить самых маленьких членов вашей семьи?

— Дети. И вот я опять как будто возвращаюсь так, по-живому, по-настоящему, в обстановку, атмосферу тех дней. В первый момент, когда мы поняли, что арестованы, и когда узнали, кто оказались заговорщиками, нас особенно мучила, я уже говорила об этом, горечь предательства. Вот есть особое состояние муки, горечи предательства людей, которые работали рядом с Михаилом Сергеевичем, кому он доверял. Хотя хочу сказать, что родных людей среди заговорщиков, с которыми я делилась самым интимным, как было сказано в одной из газетных публикаций, у меня не было. Все это вымыслы, преследующие непонятную для меня цель. (Приписывать прессе «лишнее» — старый, испытанный прием. Между тем журналисты лишь повторили сказанное самой Раисой Максимовной — Е.В.) А затем присоединилась боль и тревога за мужа, за то, что происходит в стране. И, конечно, боль и переживания за детей, особенно за внуков, которые оказались рядом с нами. Вы спрашиваете меня, что мы могли тогда специально сделать для них? Мы старались сохранять спокойствие. Старались поддерживать их обычный режим дня. Вопросы у них, особенно у Ксенички, она старше, возникли тогда, когда охрана посоветовала не ходить больше на пляж. И, конечно, она испугалась, когда увидела в доме людей с автоматами. Мы старались изолировать детей в отдельной комнате. Они там читали книжки, рисовали. К этому времени включили телевизор, смотрели телевизор. Но Ксеничка потом мне сказала: «Бабуленька, я совсем испугалась, когда вечером, я уже очень хотела спать, вбежала в комнату мама и сказала: «Быстро

собираемся. Мы улетаем домой, в Москву».

— Многие говорят, что президент изменился после августовских событий. С вашей точки зрения, он изменился, и изменился ли он дома, и изменились ли вы сами?

— Михаил Сергеевич сам говорит, что он изменился. Что касается семьи, мне кажется, что в главном все осталось по-прежнему. Но честно, я бы слукавила и не была бы искренней, если не сказала бы — что-то новое пришло в наше настроение. Наверное, оно стало более минорным.

Знаете, я вот всегда говорила: три дня — это не совсем точно. Трое суток, три дня и три ночи. 73 часа. Не 72 часа, это тоже неточно говорят, а 73 часа».

Но есть иная версия, далеко не похожая на хорошо нам известную.

На наш взгляд, в независимом расследовании Владимира Соловьева и Елены Клепиковой (ныне живущих за рубежом) дается весьма мотивированный анализ августовских событий. Конечно, эти авторы, как и все люди, могут ошибаться или строить предположения, исходя из не всегда на 100 процентов проверенных фактов. И все же в их трактовке очень много похожего на истину. Во всяком случае, никто еще кардинально не опроверг предположений, сделанных ими…

Вспоминая о форосских злоключениях, Раиса Горбачева рассказывает о том, как где-то около пяти часов вечера в воскресенье 18 августа пожаловали заговорщики — к тому времени все телефоны на даче были уже, по ее словам, отключены — в том числе «красный», аппарат главнокомандующего.

«Да, все было отключено, в том числе телевизор и радио», — сообщает Раиса Максимовна, явно сгущая краски, потому что речь идет не о кабельном, а об обычном телевидении, которое можно в Крыму принимать с выносной либо даже комнатной антенны.

(…Горбачев ни в своих мемуарах, ни на своих пресс-конференциях не упоминает про включенный уже во второй половине дня 19 августа телевизор, но настаивает, что все новости они узнавали из русскоязычных передач зарубежных радиостанций по коротковолновикам, которые зятю с охранниками удалось собрать.)

Спустя несколько минут в том же интервью она несколько раз проговаривается.

Первый раз, когда говорит о «требованиях, которые непрерывно передавал в Москву Михаил Сергеевич», а это значит, что у него была какая-то возможность связываться из Фороса со столицей. Второй, когда Раиса Горбачева упоминает пресс-

конференцию путчистов по телевидению, забыв, что телевизор у них в Форосе был выключен.

«Вы видели пресс-конференцию по телевизору?» — удивляется журналист.

«Да, — не моргнув глазом, отвечает первая леди. — К вечеру 19-го после настойчивых требований удалось добиться, чтобы телевизор включили».

Здесь, конечно, возникает много вопросов, главный из которых: если ближайшее окружение — обслуга и охрана — сохранило верность президенту, а все его связи с миром были прерваны, то каким образом и у кого добивались Горбачевы включения телевизора?

«Атмосфера вокруг нас все время сгущалась. Мы уже находились в глухой изоляции. С территории дачи никого не выпускали и никого не впускали», — вспоминает Раиса Горбачева о следующем дне их форосского заточения.

Однако, согласно наружному наблюдению, осуществляемому КГБ с моря, воздуха и суши, форосская цитадель была не так уж недоступна, и, в частности, 19 августа в нее «проникли» 117 машин, да и в последующие дни ее физическая связь с миром не прерывалась.

Что касается телефонной связи, то она несомненно была менее активной, но достоверно известно, что и Горбачев связывался с путчистами (свидетельство Раисы Горбачевой), а тем более путчисты с ним — в их воле было в любое время позвонить в Форос по «ручному режиму».

«Связь с Крымом была», — уверенно заявляет заместитель Горбачева по партии Владимир Ивашко, говоривший в эти дни с Горбачевым по телефону. «В Белом доме нам сказали, — пишут далее В. Соловьев и Е. Клепикова, — что Ельцину тоже удалось дозвониться до Фороса, но не вовремя — ему сказали, что президент отдыхает».

Множатся свидетельства о звонках в Форос. Известно, например, что, когда министру иностранных дел Александру Бессмертных предложили войти в ГКЧП и он отказался, Крючков… тут же позвонил кому-то по телефону и сообщил об этом. Причем говорил так, как будто докладывал по начальству. Все остальные члены «хунты» сидели рядом. Кто мог быть на другом конце провода, кроме Горбачева?

Не этот ли отказ Бессмертных и его последующая болтовня стоили министру поста?

…Тогдашний председатель комитета Верховного Совета СССР, который занимался правоохранительными органами, депутат Юрий Голик считает: «Так называемый комитет — только

верхушка или пена на поверхности событий. Кто-то, руководивший заговорщиками, в последний момент по неизвестным причинам ушел в тень, но машину — ржавую, двигавшуюся со скрипом — остановить уже было нельзя. И члены ГКЧП попытались взять инициативу на себя. А может быть, просто в такой ситуации надеялись на авось — обратного хода не было».

…Вернемся к коммуникациям в Форосе. Генеральный директор ленинградского производственного объединения «Сигнал» Валентин Занин спустя три дня после путча сообщил: «Ознакомившись с версией М. С. Горбачева, изложенной в газетах, я утверждаю, что таким образом изолировать президента СССР от связи невозможно. Я являюсь одним из производителей средств связи, и изоляция живого и несвязанного президента возможна только при демонтаже основного оборудования, изъятии его и вывозе, чего не было сделано. Это многие тонны. То есть был случай добровольного невыхода на связь…»

Помимо письменного заявления, устно Занин добавил авторам книги следующее: «Вы должны отдавать себе отчет в том, что это не дача или, во всяком случае, не только дача. Это один из пунктов управления страной, где расположены многочисленные системы связи, независимые друг от друга.

Можно отключить электричество, тогда будет действовать местная динамо-машина, если выйдет из строя она, можно включить аккумулятор. Если выйдет из строя аккумулятор, то питание системы связи можно обеспечить от ручного устройства. Если этого нельзя сделать, то есть еще одна система…

…Если версия, изложенная Горбачевым, верна, тогда меня, других разработчиков систем подобного рода, а также многие коллективы людей, работавших над этими системами, нужно уволить, а может быть, и начать расследование, поскольку на создание этих систем связи затрачены сотни миллионов, а может быть, и миллиарды рублей».

…Судя по наружному наблюдению, 20 августа президент тоже не остался без гостей. Уже достаточно свидетельств, чтобы предположить активность телефонных переговоров между Москвой и Форосом — может быть, не меньшую, чем у Ельцина в эти же дни, хотя, безусловно, менее разнообразную, без международных разговоров.

Но вот наступает 21 августа, и в Форосе все меняется. Прекращаются прогулки по пляжу, далекие заплывы и игры с внучкой…

…Если что-то и происходит, то только внутри дачи, незримо для добровольных и профессиональных соглядатаев. Наступает самый тревожный для Горбачевых день — не просто из трех дней

путча, а может быть, во всей их жизни.

Для нас, непосвященных, самый загадочный. Об этом мы можем судить и по воспоминаниям Раисы Горбачевой. Как нам известно со слов ее мужа, два предыдущих дня она держалась молодцом и даже взяла на себя руководство всей форосской цитаделью: «была нашим министром внутренних дел», — говорит Горбачев.

Мы не знаем, что входило в обязанности форосского «министра внутренних дел», и за неимением доказательств отвергаем предположение, что главным конспиратором была именно Раиса Горбачева. Эта гипотеза, которую мы довольно часто слышим в различных политических и писательских кругах Москвы, базируется не на фактах, а на подозрениях и предрассудках.

…Первой не выдержала и сдалась Раиса Максимовна, и форосская крепость лишилась если не своего предводителя, то по крайней мере коменданта или, как выразился ее супруг — «министра внутренних дел».

«Когда мы поняли, что путчисты уже терпят поражение, то было принято решение: не выходить ни на какие акции, в результате которых могла быть вызвана перестрелка с возможными последствиями для Михаила Сергеевича», — говорит Горбачева.

А в другом интервью описывает свое собственное состояние 21 августа: «Что касается моего состояния, то 21 августа оно ухудшилось… Трагическая развязка могла приблизиться очень быстро. У меня развился острый гипертонический криз, который сопровождался расстройством речи…»

В чем здесь дело? О какой трагической развязке говорит Раиса Максимовна, когда приближается «хэппи энд» всего этого фарсового путча?

Понятен ее страх за мужа. Но вот только от кого исходила, по ее мнению, опасность для семьи? Испугались Ельцина?

Снова Черняев: «Вчера я к Михаилу Сергеевичу пошел сразу после купанья… Опять долго ходил по этажам, пока кухарка не показала: мол, вон там, в кабинете. Он вышел навстречу, тут же из другой комнаты появилась Раиса Максимовна… И сразу потащил нас на балкон, показывая руками на лампы, потолок, на мебель, мол, «жучки». Постояли, облокотившись на перила. Я говорю: «Раиса Максимовна, вот видите эту скалу, над которой пограничная вышка… За ней, за поворотом — Тессели. До того, как построена была эта дача, здесь, на этом месте, был дикий пустынный пляж… На самом деле никакой не пляж — по валунам в воду зайти было трудновато. Так вот… Я несколько раз отдыхал

в Тессели. И плавал сюда… из-за той скалы. Лежал здесь и потом плыл обратно».

Она слушала рассеянно. И вся встрепенулась, когда я продолжил:

— Вы, наверное, знаете, что я очень хорошо плаваю. Мне и 5, и, наверное, 10 километров проплыть ничего не стоит. Может, рискнуть?

Я улыбался, говоря это. А она вся насторожилась. Прямо и долго смотрит на меня — то есть всерьез подумала, что такой «вариант» возможен. До этого она бурным шепотом рассказала мне, как они в 3 ночи, занавесившись во внутренней комнате, Толиной камерой засняли заявление М.С.… «Мы его вырежем из кассеты, — говорила она (но скрыла, что снято было в двух вариантах — еще заявление врача Игоря Анатольевича), — Так вот… Я упакую пленку в маленький «комочек» и вечером вам отдам… Но вы, ради Бога, не держите у себя… вас могут обыскать… и не прячьте у себя в кабинете».

…Михаил Сергеевич отнесся скептически — чтобы я поплыл в Тессели, в Форос и даже в «Южный»: даже если не выловят в воде, выйдет голый — и что дальше? Отправят в ближайшую комендатуру, и пропала пленка… Но обсуждали всерьез… хотя вариант был явно абсурдный. И я его «предложил» в шутку, чтоб как-то рассеять их нервное состояние.

Пленку Раиса Максимовна мне дала после обеда… А пока Михаил Сергеевич попросил ее заняться детьми. Мы с ним перешли на другой балкон, встали у перил и тут же увидели, как повернулись к нам трубы с вышки и погранпатруль на ближайшей скале взял нас «в бинокль». Одновременно услышали из будки внизу под домом по телефону: «Объект вышел на балкон, второй справа!..» Мы с Михаилом Сергеевичем переглянулись, я засмеялся и обозвал «их» матом… Он посмотрел на меня: раньше я при нем не позволял себе… (Я посожалел — подумает, что теперь можно!)

Он стал диктовать заявление — Обращение к народу и к международному сообществу… Когда уходил, Раиса Максимовна опять стала меня строго инструктировать: чтоб я хорошо спрятал и сумел донести — как бы в дороге не обыскали… Мне эти страхи кажутся плодом нервного перенапряжения…

Вчера она дала мне свою книжку «Я надеюсь…», которую прислали ей еще 17-го… — сигнальный экземпляр. Просила прочитать за вечер… Я прочитал и очень хвалил. Это доставило большую радость… Михаилу Сергеевичу, у него даже глаза увлажнились. Я уверял их, что книга разойдется по всему свету, расхватают… и у нас тоже. (Раиса Максимовна сомневалась, что

теперь она может выйти.) «Замолчать не удастся, чтобы ни случилось», — уверенно заявил я… Вообще всем своим видом, поведением я стараюсь показать, что «все обойдется»… Они встречают меня с какой-то обостренной надеждой — не принес ли я какую-нибудь «хорошую весть»… Расспрашивают, что я слышал по «Маяку» (по оказавшемуся в комнате Ольги и Тамары допотопному ВЭФу). Как я оцениваю то, что услышал, что я вообще думаю о том, что будет завтра, послезавтра, через неделю? Я в «несвойственной мне манере» отвечаю самоуверенно, бодро… Раиса Максимовна все время в крайнем напряжении, хоть бы раз улыбнулась. Зато дочка — Ира — вся полна решимости, бесстрашная, резкая… беспощадная в словах и «эпитетах» по поводу того, что «с ними сделали»… Оказалась образованная и с хорошим вкусом…

Так вот, вестей я им никаких не приносил. И наши «дискуссии» вращаются все вокруг приезда «Болдина и компании»… Что урывками брали с маленького «Сони», оказавшегося у Толи».

Письма президента

В эти тревожные дни Раиса Максимовна все время носит с собой маленькую шелковую сумочку. Там, видно, самое тайное, что отбирать стали бы в последнюю очередь… Она очень боится унизительного обыска… Боится за Михаила Сергеевича, которого это потрясло бы окончательно. Черняев: «Она была постоянно в нервическом состоянии. В этом состоянии она мне вручила вчера и «комочек» пленки, завернутый в бумагу и заклеенный скотчем.

— Мы уже передали другие варианты. Я лучше не скажу вам — кому. Это — вам. Нет, не вам…

— Почему же не мне? Я ведь продолжаю качать права как народный депутат: хочу, мол, быть на заседании Верховного Совета 26-го, о котором объявил Лукьянов.

Михаил Сергеевич отреагировал: «Чего захотел?!»

Читаем в одном из интервью: «Это произошло 27 августа, — начал вспоминать президент. — Писем у нее за прошлое, особенно за молодые наши годы, скопилось много. Я ей писал из разных поездок и командировок регулярно, откровенно и яростно, как радикал. Таким, собственно, и остался. Письма были очень личные и открытые.

Знаете, у Раисы Максимовны очень глубокое отношение к тому миру, который нас связывает столько десятилетий. Она, кстати, принципиальный противник того, чтобы моя семья… без нужды выходила на внешний мир. Дом для нее — наш остров.

27 августа, когда я вернулся домой, застал ее в слезах. Она

сказала: «Я только что сожгла все письма. Не могу представить, что их кто-то будет читать, если с нами повторится то, что было в Форосе».

Р.М. постоянно лукавит. Недоумение перестает в сомнение. Не покидает чувство того, что она знает несравнимо больше, что она постоянно чего-то, самого главного, недоговаривает. И как она пообещала — «это вместе со мной и уйдет» — так оно и вышло.

Из хроники путча

19-го по Москве, а затем и по стране прокатился слух — якобы на Псковский завод АТС поступил срочный заказ на выпуск 250 тысяч наручников. Гарантированный навар предприятию — 12 млн руб. Отказались… Слух впоследствии подтвердился.

21- го, 12.00–14.00. «Проснулся» секретариат ЦК КПСС. Ивашко спросил у Янаева: «А где наш президент? Что с ним?» 19.30 того же дня. Фо-рос, дача президента СССР. «Верные друзья» отвергнуты. Бывшие враги — в доверии у Михаила Сергеевича.

22- го, 19.30. Застрелился Пуго в своей квартире. В полночь «Железный Феликс» пал. При большом стечении народа в Москве убран памятник Дзержинскому. Кто-то зааплодировал. «На тот ли путь встаем?» — спрашивают некоторые друг друга в толпе…

Предсказание

Как и в случае с Чернобыльской катастрофой, так и на этот раз не обошлось без прозорливцев. Мы все прекрасно знаем — когда Горбачев объявил свободной прессу, сразу же, почти на другой день, появилось труднопредставимое раньше количество газет и журналов. С превеликим удивлением прочла в газете «Альтернатива», межрегиональном социал-демократическом вестнике, в июльском номере за 1990 год отрывок из произведения В. Галина «Предчувствие гражданской войны». «Политическая фантазия» построена в виде серии отрывков из газетных публикаций. Время мятежа автор отнес к апрелю — июлю 1992 года. Стало быть, путчисты его опередили на год… Попадание в «яблочко» — и слово «апрель» здесь есть, и заявление путчистов о том, что «вооруженное выступление предпринято нами для спасения нашей Родины». И форосское заявление президента — точно совпадает со своим «двойником»: «…попытка переворота совершена небольшой группой военных и обречена на провал. Народ никогда не поддержит новоявленных диктаторов, какими бы красивыми лозунгами они не прикрывались». Это еще ладно. Но далыне-то, дальше!.. Читаем у Галина: «Сообщает Би-би-си: «И без того не слишком большие силы мятежников быстро тают. Многие военные, узнав об амнистии, сдаются властям. Оставшиеся в живых руководители мятежа покончили с собой. Не исключено, что им «помогли» сделать это…»

Из информации «Пайс»: «Как полагают, провалу мятежа во многом способствовал раскол внутри КГБ, в том числе и в высшем руководстве. Часть среднего звена на местах, озлобленная нападками на КГБ, активно поддержала путч. Многие пытались занять нейтральную выжидательную позицию. Правда, не всем это удалось. В то же время немало сотрудников КГБ активно противодействовали мятежу».

«Московские новости»: «Возможно, что этот путч был лишь генеральной репетицией. Не исключено, что главные события еще впереди».

Инициаторы событий 1991 года ориентировались на эту книгу В. Галина? Ведь само развитие путча и расстановка сил, описанные им, все сходится!..

Неподведенные итоги

…Есть среди скал места, где нельзя громко разговаривать. Кто был в горах, тот прекрасно об этом знает: стоит повысить голос, и полетел камешек, за ним — камни побольше, и вот — мощная лавина сметает все на своем пути.

Вот так же произошел обвал союзного центра. Он перестал существовать, и это принесло с собой массу новых проблем.

Наступила очередная фаза тяжелого экономического кризиса. Уж и не знаешь теперь, как его называть. Он принял затяжной характер — на десятилетия. Петля кризиса захлестывает россиян за горло, все время оставаясь на шее, точно во время пытки. Изнурительная и в основном беспринципная политическая борьба парализует деятельность государственных институтов, экономику. Россия и другие государства СНГ стоят перед лицом труднейших проблем.

Но на победной волне сопротивления путчистам выросли свои проблемы и свои тенденции. Сначала были обескровлены, а затем и вообще устранены союзные структуры. Разгромлена и без того ослабевшая и дезориентированная партия, а некоторые ее руководители приняли в путче прямое участие. Все это открыло путь к беловежскому сговору и политическому развалу союзного государства. Очаги межнациональной розни вылились в кровавые конфликты, чего раньше худо-бедно удавалось избежать.

Путчисты сыграли на несогласованности действий и даже расколе демократических сил, группировавшихся сперва вокруг инициатора перестройки Горбачева, а затем — оппозиционера Ельцина. Этот урок впрок нам всем не пошел…

Без страны
Декабрь 1991. — октябрь 1999 г

«Я говорю вам — до свиданья!»

Бывшее здание ЦК КПСС покидали все — люди, мебель, и — с гордо поднятыми хвостами — прижившиеся здесь кошки… Они тоже не знали, что их здесь ждет — к чему же рисковать?

Старое кожаное кресло вздохнуло, и начало свой рассказ… Как знать, примерно этими словами мудрый сказочник Андерсен мог бы открыть свою новую сказку — о Кресле Генсека…

На дверях этого — главного — кабинета страны стояла цифра «6». Когда Кресло впервые принесли сюда, то «испытания» провел никому неизвестный паренек из хозотдела. Коричневое, жесткое — в таком работать можно. Расслабиться только нельзя. Куда оно потом сгинуло, уносимое ветром перемен? После отмены пресловутой шестой статьи? Кто сел в него последним? Надо же, опять цифра «6». Одна бьется с другой…

Лишь сквозняк гоняет по пустым комнатам и коридорам ненужные листы бумаги. Ветер перемен… (Хичкок красиво «продавал» такие кадры. И Тарковский тоже. В своем «зарубежном периоде». Так вот, от Тарковского — в силу многих причин — здесь значительно больше.)

Как пророчествовала Янка Дягилева:

Фальшивый крест намосту сгорел,
Он был из бумаги, он был вчера,
Москва упала пустым мешком,
Над городом вьюга из разных мест.
Великий праздник босых идей,
Посеем хлеб, соберем тростник.
За сахар-чай заплати головой,
Получишь соль на чужой земле.

Ухода Союза, ухода президента — событий колоссальной значимости — попросту как бы не заметили. И не Новый год здесь тому виной, а что-то совсем другое, в нас скрытое, чему мы долго еще будем искать объяснения.

Перед своей добровольной отставкой он весело объявил, что уходит в двухнедельный отпуск… Потом было предновогоднее заявление президента:

«Я покидаю свой пост с тревогой, но и с надеждой, с верой в вас, в вашу мудрость и силу духа…

…Общество получило свободу, раскрепостилось политически и духовно. И это — самое главное завоевание, которое мы до

конца еще не осознали, а потому еще не научились пользоваться свободой…»

Легко ли было ему, человеку, который, несомненно, был самым популярным в мире, переключиться на повседневность?

Интенсивность официальных встреч, переговоров, поездок Горбачева в годы его руководства страной не имеет себе равных, и достойна войти в книгу рекордов Гиннесса.

Только два факта. К примеру, с американскими президентами он виделся по нескольку раз лично, за довольно-таки короткий срок своего правления. Причем, это были диалоги о совместных программах разоружении, очень непростые. А подчас даже жесткие. 20 ноября 1985 года… Октябрь 1986 года, Рейкьявик. Вашингтон, 1987 год. Москва, 1988. Декабрь 1987 года — снова Вашингтон. 1988 год — Нью-Йорк и Вашингтон…

Горбачев встречался с 500-ми главами государств, правительств, партий, общественных движений и делегаций. Некоторые из зарубежных государственных деятелей за это время стали почти друзьями Горбачевых. И вот Михаил Сергеевич, покидая свой пост, пишет многочисленные послания. И не послания, собственно. Так, коротенькие записочки. В нормальной обстановке и нормальном государстве, где работает конституция страны и где ритуалы перехода власти из рук в руки отработаны веками, этих записок общественность просто не заметит. Они ей неинтересны.

Но только не в нашей «перевернутой» стране. В каждом послании Горбачева — самые обычные формулы вежливости: «Надеюсь на дальнейшее сотрудничество…», «…привет супруге — от нас с Раисой Максимовной». Но если вспомнить тот исторический контекст, когда все это происходит, становится тяжело на душе…

За этими письмами-прощаниями — большая человеческая драма. И президента, и его супруги. Впереди у них — неизвестность. По-разному можно оценивать и личность Горбачева, и его деятельность. Но то, как с ним обошлись (впрочем, и с семьей тоже) в те дни — национальный позор…

Тон писем-обращений Горбачева довольно разный — от сугубо делового, официального до вполне теплого и дружеского. Понятно, выделяются те из них, где упоминаются Хеннелора Коль, Барбара Буш, Норма Мейджор и еще некоторые жены известных политиков.

Им — особый поклон от Раисы Максимовны. С ними она была лично знакома, в большей или меньшей степени. Незримо Горбачева присутствует где-то рядом с мужем в эти минуты…

Из воспоминаний журналиста Егора Яковлева: «И теперь

тяжело вспоминать подробности отставки Горбачева. До и после нее все происходило по-свински, как часто бывает в нашей стране… Горбачеву предстояло появиться перед телекамерами и заявить о добровольной отставке с поста первого Президента Советского Союза. За пару часов до этого я вошел в его кабинет. И сразу же с порога спросил: «Что случилось, Михаил Сергеевич?» На нем лица не было. Он ответил, хотя и неохотно: «Сейчас позвонила Раиса Максимовна. К нам на дачу заявились кремлевские архаровцы и потребовали, чтобы мы немедленно отсюда убирались. Не знаю, как успокоить жену. Ни о чем подобном мы с Борисом Николаевичем не договаривались».

(Как здесь не вспомнить ту знаменитую, нашумевшую историю, когда набиравший политический вес Сталин нахамил при больном Ленине Крупской… Номенклатурный Кремль изначально верен себе: ритуалы, традиции при восхождении на трон не меняются. — Е.В.)

Поздним вечером, когда все было исполнено, когда торопливо спустили флаг Советского Союза и над кремлевским куполом развернулось трехцветное полотнище, Михаил Сергеевич собрался домой. Попрощался и сел в свой черный ЗИЛ. У всех, наверное, кто провожал его, было одно чувство: это последний отъезд президента из Кремля. Как начнет он завтрашний день, свободный от обычного нагромождения неотложных дел?

…Помнится, 31 декабря позвонил Горбачеву, чтобы поздравить с наступающим девяносто вторым годом. Михаил Сергеевич сказал, что собрались они семьей за столом, сидят одни. Голос был несказанно грустным. А каково было начинать новую жизнь Раисе Максимовне? Не знаю, потому что она всегда оставалась такой же, как и прежде.

Лишь спустя годы, в Генуе, где сочли возможным отметить десятилетие нашей перестройки, Раиса Максимовна обронила за ужином:

— Никто не знает, что пришлось пережить нам с Михаилом Сергеевичем…

Ни в чем не изменять самой себе Раисе Максимовне помогла, как мне кажется, ее непоколебимая доброжелательность. Именно непоколебимая: всегда оставалась приветливой, что бы ей ни отвечали, куда бы ни клонился разговор…»

Стремилась давать людям покой? Ведь рассуждала же она так: «У людей должна быть почва под ногами… Чтобы каждый конкретный человек почувствовал — для меня самое главное, — что на душе у него стало спокойнее, под ногами тверже, а на столе и в дому всего больше».

И далее: «…чтобы Советский Союз, пройдя горнило

обновления, остался союзом — людей, республик, идеалов. Не может быть пущен по ветру бесценный, веками намывавшийся нравственный, социальный опыт существования, сотрудничества, взаимного притяжения и совместного проживания многих десятков народов!»

Оставим в покое политическую подоплеку этих слов. Но ведь когда все мы сегодня не умеем договориться друг с другом, когда общество разобщено, с чисто нравственной стороны, разве не имеет этот ее призыв права на жизнь?

Мне лично кажется, что шок до сих пор слишком велик, чтобы мы все могли здраво рассуждать на эту тему. Мы должны для начала прийти в себя. Положение осложняется и тем, что от желающих — и на этом тоже! — сколотить себе политический капиталец нет отбоя.

Не вдаваясь в научные, политические споры, ограничусь следующим замечанием. За всей этой политической кухней с ее «амброй» (от названия вредоносного растения, амброзии, вызывающей сильнейшую аллергию) оказалось забыто слово «советский». Но ведь если не принимать в расчет всю огромную идеологическую зашоренность, то приходится признать, что великая идея Ленина — советы как органы управления, советы в чистом виде — жизнеспособна! Она-то как раз ничем себя не запятнала. Опорочили идею люди, к которым она попала в руки… Ей не дали реализоваться в полную силу. Словом, все как всегда — с водой вместе выплеснули и ребенка.

…Бывший генсек, бывший президент — одним махом. Он стал изгоем в своей стране. Тогда у Горбачевых замолчали телефоны. И… не так уж они шиковали. Раиса Максимовна так характеризовала бюджет семьи: «Моей пенсии доцента хватает только на то, чтобы оплатить коммунальные услуги нашей трехкомнатной квартиры. Помогаем родственникам, близким людям. Поэтому то, что Москва сейчас — один из самых дорогих городов мира, мы прекрасно ощущаем и на себе.

Не секрет, что в большинстве семей бюджетом занимается женщина. Так и у нас. Михаил Сергеевич в шутку называет меня «министром финансов». И тут он не ошибается. Во всяком случае, в рамки бюджета укладываемся».

…Прошло несколько лет, и Михаил Горбачев рекламировал «Пиццу-Хат», продавал свои фотографии школьных лет разным изданиям. Горбачевых стало жалко. Венценосная пара, блиставшая на мировой политической сцене… С другой стороны, мы впервые увидели не августейшую чету, а семью. И члены ее не опустили руки от неудач. Старались идти вперед.

Перед началом предвыборной президентской гонки 1996-го у

Горбачевой поинтересовались состоянием ее здоровья, и она ответила: «В Форосе действительно был серьезный срыв. Сегодня, конечно, я чувствую себя хуже, чем до Фороса. Но гораздо лучше, чем могло быть».

После Фороса она больше пяти лет не давала интервью. Завесу молчания прорвала только в 1996 году, когда Горбачев решил баллотироваться в президенты. Она была категорически против этого. Пыталась отговорить. Но когда он принял твердое решение — подчинилась. «Я — жена».

Говорила так: «Я стараюсь сохранить оптимизм, активность, не потерять интерес к жизни. Я рядом с Михаилом Сергеевичем. Поддержка его — это мой первейший долг. Я вижу, что ему приятно, когда я лучше выгляжу, что-то себе купила. Он все это замечает.

Я думаю, именно бойцовские качества Горбачева и помогли ему выстоять после всего того, что случилось. Он помог и мне пережить все то, что выпало на нашу долю. В эти тяжелые дни не столько я ему, сколько он мне был поддержкой.

После того как он сошел с политического Олимпа, для меня самой раскрылись совершенно по-новому стороны его характера. Он отказался от многих иллюзий.

Об этом тяжело вспоминать. Нас буквально за сутки выселили из служебной квартиры. Дали здание для фонда, но вскоре его отобрали. Причем с милицией, с наручниками… Страшный момент, когда в доме вдруг замолкает телефон. Но не все от нас отвернулись. Многие из тех, кто работал с Горбачевым, ушли вместе с ним. От девушек-стенографисток до его помощников. Теперь работают в фонде на скромной зарплате».

Первые три года Горбачев получал пенсию — 4 тысячи рублей. Они фактически были гонимыми и оказались в изоляции. Горбачев написал несколько книг, но издать их в России оказалось неимоверно трудно. Зато «Го-ды реформ» стали бестселлером во Франции…

Экс-граждане, изгнанники на родной земле. Как-то раз журналисты назвали Горбачева «экс-президентом». (Действительно, неблагозвучное слово.) Мол, и не захочешь оказаться на его месте… Михаил Сергеевич отреагировал сразу:

— Пусть лучше не будет экс-граждан, — хмуро заметил он…

Более 20 миллионов человек оказались вдруг в зарубежье, и государство расписалось в собственном бессилии, отказав им в поддержке…

Раиса Максимовна заболела, когда неблагодарность страны ударила по ней едва ли не сильнее, чем по мужу. Кто вспомнит, что это благодаря ей в апреле 1985 года миллионными тиражами

напечатали Гумилева, с реабилитации которого началось возвращение русской, подпольно распространяемой эмигрантской литературы? Та первая публикация в «Огоньке» перевернула наше сознание. И не только потому, что Раиса Горбачева любила Гумилева…

Ну скажите, кого из нынешних политиков можно представить себе с книжкой стихов в руках?! Ни одного, пожалуй.

Иосиф Бродский, в отличие от Горбачевых, уехал из страны. С распадом Союза и превращением державы в малопонятную СНГовщину трещина прошла через его сердце:

К святыням припадая в гордыне суеверия,
Слагал тебе стихи и клялся на крови.
Сейчас все говорят: империя, империя.
И что тебе мои признания в любви?
И что всем до того, что родина мне — Сумщина,
Отечество — Москва, отроковица — Крым.
Довольно лишних слов,
Я понимаю: в сущности,
Распад былой страны уже неотвратим.
… Дитя мое, живи! Живи, по крайней мере
Высокая звезда, веди тебя, веди.
Твердят, что у меня — не родина, — империя.
Что будет у тебя — Господь не приведи…

Мелким шрифтом в разделе курьезов в одной газете напечатали: «Рабочие спичечной фабрики в Сибири, переживающей трудности, получили вместо зарплаты по 5 тысяч коробок». Точь-в-точь как в «Дьяволиаде» Булгакова. Но спички тогда, в 1922 году, казались знаком хаоса, оставшегося в прошлом. А вот бартер нынче, наоборот, знак не просто приходящего, а активно наступающего хаоса…

Михаил Сергеевич и его жена сохранили редкое для нашего времени достоинство и после того, как судьба отказала им в праве называться первыми людьми страны. Они остались доброжелательными, добродетельными и заинтересованными в судьбе страны, в судьбе ее граждан. Нормальными людьми… Немало усилий приложили для того, чтобы появился и заработал Горбачев-фонд.

Весной 1945 года, когда советские войска находились на подступах к Берлину, Адольф Гитлер объявил тотальную мобилизацию. В строй с оружием в руках встали четырнадцатилетние мальчишки. Среди этих ребят был и Эгон Хармс, но повоевать ему пришлось недолго — попал в плен к

американцам.

С тех пор прошли десятилетия. Сегодня Эгон Хармс — предприниматель из города Бремена, а Михаил Горбачев — президент не страны, а собственного фонда. Ничего не бывает случайным — эти люди встретились, и возник совместный благотворительный проект Горбачев-фонда и Общества поддержки российских практикантов из Бремена (ФРГ) — «Программа профессионального обучения российских сирот в Германии».

Двести наших мальчиков и девочек, оставшихся без родителей, отправятся в Германию на два года. Там они освоят профессии автослесаря, пекаря, парикмахера, продавца или любую другую, так называемую ремесленную специальность.

С немецкой скрупулезностью предусмотрено все до мелочей: от места проживания и изучения языка — до проведения досуга. Если ребятам там не понравится, они в любой момент могут вернуться на родину.

…Сам Хармс рос без родителей. В России трудно всем и сегодня. Но как тяжело детям, оставшимся без родителей, знают только они сами.

Провожая их, Михаил Сергеевич сказал: «Сегодня необходимо помогать детям и старикам. Но ориентироваться нужно на молодежь и средний возраст. Я надеюсь, что у вас там все будет хорошо. Только обязательно возвращайтесь домой, вы нам очень нужны».

Что же касается политической деятельности, то в октябре Интерфакс сообщил: «Движение «Социал-демократы» попросило возглавить его инициативную группу по подготовке объединительного съезда Михаила Горбачева. Однако, как сообщил экс-президент СССР, он связан работой в ряде международных проектов, которую не может бросать. Тем не менее Горбачев решил серьезно обдумать это предложение.

Экс-президент намерен возглавить создающуюся объединенную социал-демократическую партию и «взять на себя роль собирателя социал-демократии в России».

— Я думаю, что наступит момент, когда социал-демократическая политика будет способна избавить нас от крайностей, а теперь люди не хотят ни крайнего либерализма, ни власти тех, кто потянул бы назад, — отметил Горбачев.

По его словам, учредительные конференции нового объединения в регионах пройдут в ноябре-январе, а примерно в середине февраля 2000 года предполагается провести учредительный съезд новой партии».

Сегодня М. С. Горбачев выступает как эксперт по различного

рода политическим проблемам. За его плечами — неоценимый жизненный и политический опыт. В какой-то мере прожитые годы нашли свое выражение в книгах Михаила Сергеевича «Как это было», «Избранное», «Жизнь и реформы» (в 2-х томах).

Германия, Мюнстер
Июль — октябрь 1999 г

Весной прошлого года, когда состояние здоровья Раисы Максимовны осложнилось, Михаил Горбачев обратился к канцлеру ФРГ Г. Шредеру и президенту США Б. Клинтону с просьбой о помощи. Им предложили лучшие клиники и лучших специалистов. Семья выбрала Мюнстер, поскольку Германия ближе к России.

26 июля Раиса Максимовна была госпитализирована в университетскую клинику города Мюнстера с диагнозом «острый лейкоз».

Заглянем, не поленимся, в медицинские справочники. «Лейкемия» (лейкоз) означает «белая кровь». Название было получено, когда эта болезнь впервые была идентифицирована. Одним из ее распространенных симптомов служит переизбыток аномальных белых кровяных телец (лейкоцитов) в крови.

Вопреки распространенному мнению, лейкемия не является раком крови, как ее часто называют. Это опухолевое системное заболевание кроветворных тканей, главным образом костного мозга, лимфатических узлов и селезенки. Раковые клетки выходят из-под контроля, размножаются быстро и без всякой необходимости. При этом клетки забирают питание, которое требуется нормальным клеткам.

Примерно 90 процентов всех случаев лейкемии затрагивают два типа белых кровяных телец — гранулоциты, образующиеся в костном мозгу, и лимфоциты, формирующиеся в лимфатической ткани.

Острые лейкозы отличаются быстрым течением и характерной картиной крови. Кроветворение обрывается на определенном этапе. В результате не происходит вызревания наиболее незрелых форм в зрелые кровяные клетки. Заболевание протекает с лихорадкой, резким малокровием, кровоточивостью, изъязвлениями и некрозами в различных органах.

Больной на ранней стадии болезни чувствует себя совершенно здоровым. Случаи заболевания в самом начале выявляются в результате самого обычного анализа крови, что само по себе весомый аргумент в пользу регулярных медицинских осмотров — диспансеризации.

Болезнь считается малоизученной и редкой — в 80-х годах

она поражала одного человека из 50 тысяч. В Америке, к примеру, по данным «Американского домашнего медицинского справочника», лейкемией заболевают 25 тысяч человек. Умирают из них 17 тысяч.

Данные же отечественной медицинской статистики в любом случае будут нуждаться в уточнении… Причины известны. В нашей стране долгие годы государственные СЭС оставались ведомством фактически засекреченным, в иных случаях едва ли не лучше могущественного КГБ. Кроме того, данные о рождаемости и смертности, об экологическом состоянии территорий и т. д., которые имеют громадную общественную значимость, частью преступно были засекречены, а остальные — подтасовывались как угодно с целью угодить политикам-временщикам. Колоссальная машина Системы работала на сокрытие информации. Так, если бы мы признали в середине 70-х существование наркомании в стране, то не допустили бы тем самым той вакханалии, какую имеем сегодня…

О здоровье народа, о достоверных прогнозах и речи не шло. К чему это приводило и приводит — достаточно упомянуть хотя бы Чернобыльскую трагедию. Самый яркий пример. Вспомним, мягко говоря, абсолютно непонятное поведение медицины, оказавшейся во власти политиков. Подобное молчание, когда требовалось, что называется, бить во все колокола, обернулось не только искалеченными судьбами, инвалидностью тысяч людей, финансовой брешью в бюджете, но в конце концов стоило многим жизни. Прежде всего — детям…

На медиков шло мощное давление — им негласно, под угрозой увольнения, запрещали регистрировать в поликлиниках, а значит, и лечить, больных с последствиями радиационного поражения.

Один из первых вертолетчиков, прибывших на место Чернобыльской трагедии, позднее с болью вспоминал: «Когда мы садились, я увидел детей, они увлеченно играли в песке. У меня в душе все похолодело. Но мною был получен строжайший приказ — с населением не общаться! Я был военный… Не подчиниться я не мог».

Случай из медицинской практики

…В Новочеркасске, на одном режимном предприятии-«объекте» (в народе их называют «ящиками»), рабочим выдавали спецмолоко «за вредность». Как и полагается в таких случаях по технике безопасности, с учетом научно обоснованных рекомендаций. Но употреблять молоко нужно именно во время работы. Считаться с этим не захотели. Народ «из экономии» приносил это молоко после смены домой. Не себе — детям. Кончилось это более чем печально.

В Ростовский республиканский научно-исследовательский институт акушерства и педиатрии в массовом порядке начали поступать дети, больные лейкемией. Они слепли, у них воспалялись лимфатические узлы, открывались кровотечения. Одна девочка так и изошла кровью, помочь ей не смогли. Другой мальчик ослеп. Мало того — лимфатические узлы на шейке десятилетнего ребенка воспалились до такой степени, что голова, как на подушках, лежала на них, раздутых опухолью. Мать рыдала, а он перед смертью все старался ее утешить, говорил о Боге и своей покорности судьбе:

— Ну что ты плачешь? Ну что значит моя смерть по сравнению со смертью товарища Сталина? Знаешь, судьба моя такая, наверное. Господу угодно призвать меня к себе. И ничего тут сделать нельзя.

Шел 1956-й год… До Чернобыля оставалось ровно 30 лет. Но мы и после этой катастрофы так ничего и не поняли. В отличие от других народов, привыкли жить методом «тыка» и обходиться в своих жестоких и зачастую неоправданных ничем экспериментах везде и всегда не малой, а большой кровью. Вот она, русская рулетка… Только теперь под удар поставлена не жизнь лихого загулявшего поручика, а судьба нации. С «закрытых» предприятий продолжают воровать радиоактивные стройматериалы, заведомо зная, что они «фонят». Строят из них дачи для потомков… Это уже не «медвежья» услуга даже. Этому нет ни названия, ни оправдания.

Будь сознание народа экологичным, к чему призывают нас, в частности, Жак-Ив-Кусто и Тур Хейердал, скорее всего, в правительстве, у депутатов сегодня и вопроса даже не возникало бы о том, принимать России или нет на хранение ядерные отходы, пускать или нет такой чрезвычайно опасный объект, как Ростовская атомная станция… Просто не посмели бы пойти против воли своего народа. Но сегодня правит бал не здравый смысл, а Тугой Кошелек… Звезды на небе уже вовсю распродают

желающим, что по сравнению с этим подкуп одной какой-нибудь экологической экспертизы!..

Если перефразировать известное высказывание «Вы можете не заниматься политикой — политика сама займется вами», то верной окажется и другая мысль: «Вы можете повернуться к экологии спиной, но сегодняшнее состояние планеты касается всех». Болезнь Раисы Горбачевой в очередной раз напомнила нам известную, в общем-то, истину: обеспеченная жизнь далеко не панацея от тяжелой болезни. Раиса Максимовна не отказывала себе ни в чем. Имела, как говорят врачи-диетологи, «калорийное и сбалансированное» питание. При желании — бассейн в любое удобное для нее время, массаж и т. д. Ей была оказана в высшей степени квалифицированная и, понятное дело, дорогостоящая медицинская помощь. Ничего из вышеназванного две трети страны себе позволить не могут. И она тем не менее «ушла дорогой цветов», как говорят на Востоке, далеко еще не старым человеком. Что тогда говорить об остальных, о нас, тех, кто дышит отравленным воздухом, не имеет нормального питания, нуждаясь в нем, кто вынужден жить в пораженной радиацией Чернобыля зоне? (Напомним: последних — более трех с половиной миллионов человек.)

Мы продолжаем экономить на проведении экологических мероприятий — в городах и в селах. Не желая того понимать, что через несколько лет они обернутся прибылью. В результате ситуация такова, что в России скоро некого будет в армию забирать, и некому просто будет работать.

Опасны или нет малые дозы радиации? На этот счет есть разные мнения. И все-таки: о безопасности их говорить не приходится, рано или поздно они проявят себя обязательно — болезнями, и т. д.

Именно поэтому Раиса Максимовна, когда ее дочь ждала ребенка, запрещала ей делать флюорографию и рентген — у стоматолога. Потому что это — тоже облучение, пусть оно и незначительно.

Горбачева, посещая больницы, держала на руках умирающих детей… Она видела окружающую ее нищету и старалась делать все, что было в ее силах, для этих маленьких страдальцев. И каждый раз верила в чудо. И вот сама заболела той же самой болезнью, что и ею опекаемые дети. За что? Почему? Нет ответа…

Знала? Предвидела свою участь? Предчувствовала ее? Вот еще один довод в пользу создания хосписов…

О причинах болезни

«Я убеждена: насилие над природой, ее оскудение ведет и к оскудению, к деформациям человеческой души. Имеет отношение и к взрыву насилия в человеческом сообществе. Спасать природу сегодня — значит, спасать человеческое в человеке», — считала Горбачева.

Откуда было взяться болезни? «Высвечиваются» по меньшей мере несколько версий. Но обратите внимание — все они связаны с неблагополучной радиационной обстановкой!..

В газете «Московские ведомости» высказано следующее предположение — скорее всего, не лишенное оснований. На Семипалатинском полигоне с конца 40-х годов в обстановке строжайшей секретности проводились ядерные испытания. Пострадали жители ряда населенных пунктов. В том числе и родной город Раисы Максимовны — Рубцовск — накрыло радиоактивное облако. Область поражения радиацией была не меньшей, чем во время Чернобыльской катастрофы. Точную дозу, полученную людьми в результате семипалатинских испытаний, как и в случае чернобыльского взрыва, вам, разумеется, не назовет ни один специалист… Оценивают, только прибрасывая «на глазок…» А как же в таком случае качество лечения?

Сегодня Рубцовск — похоже, единственный город в мире, где появляются на свет так называемые «желтые дети». Достоверного объяснения этому феномену пока нет. Вполне возможно, это все последствия только лишь одного из многих страшных экспериментов государства над своим народом… Авторы публикации «Тайна смерти Раисы Горбачевой» В. Ушакова и И. Гурьянова считают — ребенком Раиса Максимовна облучилась. Это и вызвало впоследствии лейкемию.

И хотя лечащий врач Горбачевой Томас Бюхнер отрицал такую возможность, мы-то с вами, уважаемые читатели, лучше него знаем нашу непредсказуемую страну!

В статье кандидата философских наук, научного руководителя центра демографии Института социально-политических исследований РАН Г. Ф. Морозовой «Здоровье человека в свете экологии» как бы суммируются последние научные данные в этой области. И автор, в частности, повторяет вслед за другими учеными — серьезные изменения в организме вызывают высокие доли стронция, они поражают систему кроветворения, снижают иммунитет, ведут к злокачественным перерождениям крови.

Как сообщили «Комсомольской правде» в городском комитете

здравоохранения Рубцовска, откуда родом Раиса Максимовна, «количество онкологических заболеваний в районе не превышает среднероссийского уровня, никакой патологии по раку крови у нас не наблюдается». Но это — официальная точка зрения. И потом, так и хочется спросить: а как обстоит дело с другими онкологическими заболеваниями?

Правда, директор краевого онкоцентра Александр Лазарев считает, что Рубцовский район — один из самых неблагополучных в крае по онкологии. Если в целом по России средняя численность онкологических больных — 292,2 человека на 100 тысяч душ населения, то в Рубцовске — 360 человек.

Алтайский край вообще не самый благополучный, онкобольных здесь примерно на 10 процентов больше, чем в других регионах России. В основном люди страдают раком щитовидной железы; рак крови — не такое массовое заболевание. Чуть ниже здесь средний возраст больных: среднестатистическая женщина, болеющая каким-либо видом рака, на Алтае младше на три года.

Как полагает Александр Лазарев, семипалатинские испытания вполне могли повлиять на здоровье Раисы Максимовны, хотя в 49-м облако радиоактивности лишь краешком задело Рубцовск. Это могло стать лишь фактором предрасположенности Горбачевой к онкологическому заболеванию. Если бы она поменьше нервничала, жила бы большую часть жизни в более здоровом регионе, вполне возможно, что раком крови она не заболела бы.

Писатель и журналист Георгий Пряхин, а он на протяжении последних восьми лет знал семью президента, выдвигает свою версию о причинах болезни. В своей документальной книге о Горбачевых он утверждает: роковой могла стать инспекционная поездка Михаила Сергеевича в июле 1991 в места, пострадавшие от взрыва на Чернобыльской АЭС. По своему обыкновению, он взял с собой жену.

«Ей не следовало ездить в Чернобыль», — утверждает Пряхин…

Рак постоянно находится в центре самого пристального общественного внимания, поскольку он — вместе с болезнями сердца и психическими заболеваниями — является наиболее страшной болезнью нашего времени. И еще — примером бессилия и неэффективности современной симптоматической медицины.

М. С. Горбачев рассказывает: «Вы знаете, мы с дочерью проводили возле нее все время. Она иногда говорила — давай уедем, я хочу домой, я не могу больше. Я отвечал — помнишь,

как в любимой нашей песне «В лесу прифронтовом»: «И каждый знал, дорога к ней лежит через войну»? А у нас с тобой через трансплантацию, и эту дорогу надо пройти. И она могла бы, но ей выпала горькая судьба — трудная форма лейкемии, самая сложная, редко встречающаяся и малоизученная. Тем более в нашем возрасте это вообще сложно. И все же надежда была».

Примеров тому, что «эксклюзивный» образ жизни (хорошее питание, наблюдение в лучших клиниках и т. д.), по статусу положенный сильным мира сего, вовсе не является гарантией от болезней, вполне достаточно. За жизнь знаменитого испанского тенора Хосе Каррераса, 10 лет назад заболевшего раком крови, врачи боролись 13 месяцев. С помощью специальных, очень сложных приборов ткани костного мозга очистили от раковых клеток, здоровые стволовые клетки были заморожены и затем — после химиотерапии — пересажены Хосе Каррерасу. Он победил болезнь, и больше того — продолжает свою блестящую карьеру. «Главное — не терять надежду», — считает Каррерас, пожертвовавший на борьбу с лейкемией несколько миллионов долларов.

Фактором, однозначно способствующим раку крови, в первую очередь называют радиоактивное облучение в высоких дозах. Первой жертвой болезни пала известная исследовательница славянского происхождения Мария Склодовская-Кюри. Есть также мнение, что вызвать это заболевание может непосредственный и длительный контакт с некоторыми химическими веществами: инсектицидами (средствами для уничтожения насекомых) и растворителями бензол и бензопирен. Среди возможных причин злокачественного изменения крови называют также длительный прием лекарственных препаратов. Генетический фактор при лейкемии не «работает», и в принципе заболевание непредсказуемо — может коснуться кого угодно и в любом возрасте. К счастью, сегодня диагноз «острый лейкоз» уже не является приговором. Вот мнение директора онкологической клиники города Нюрнберга, вице-президента немецкого Общества помощи раковым больным, доктора медицинских наук, профессора В. Галльмайера и заведующего отделением трансплантации костного мозга, доктора медицинских наук Х. Вандт:

— Современные методы лечения позволяют во многих случаях добиться стойкого улучшения. Однако без терапии это заболевание неизбежно приводит к смерти пациента, причем за короткий период.

Острый лейкоз развивается очень быстро, и первые его симптомы — неспецифические: утомляемость, склонность к

инфекционным заболеваниям, кровоточивость десен и боль в суставах. Окончательный диагноз можно поставить только на основании анализа крови, часто необходимо исследование костного мозга. Это довольно редкая форма рака, составляющая 1–2% от других онкологических заболеваний. Первым шагом в лечении в любом случае является интенсивная химиотерапия — назначение цитостатиков, препаратов, убивающих раковые клетки. Обычно первый курс длится около недели. Но одного курса недостаточно — даже если после него не обнаруживается злокачественных клеток в крови и костном мозгу. Если на этом этапе прекратить лечение, рецидив болезни неизбежен. Поэтому принято проводить многократные курсы химиотерапии с перерывами.

У детей удается добиться излечения в 70–80 % всех случаев. У взрослых больных первоначальные результаты аналогичны, но позже приблизительно у половины пациентов раковые клетки снова появляются в крови. Благодаря специальным исследованиям сегодня возможно определить группы риска, у кого опасность рецидива особенно велика. В таких случаях помочь может только трансплантация костного мозга.

Только один из 30 тысяч человек может стать подходящим донором для больного лейкемией. И это — в лучшем случае. В худшем — один из нескольких миллионов. На настоящий момент в мире имеется около 3,5 миллионов зарегистрированных тестированных доноров; так что примерно в 80 % случаев больному можно найти совместимый по генетическим характеристикам материал для трансплантации. Вопреки широко распространенному мнению об опасности, связанной с забором донорского костного мозга, он берется вовсе не из позвоночника, а из бедренной кости — под общим наркозом. В результате у донора остается только небольшое синее пятно — место укола, которое исчезает навсегда за несколько дней. Но есть и еще один — новый метод, который начали использовать всего 4 года назад: из крови донора отфильтровываются стволовые клетки. Трансплантация позволяет дать шанс на выздоровление 50 % больных лейкемией, которых иным способом спасти нельзя. Но риск осложнений достаточно высок и составляет 20–30 %.

В настоящее время в клинической практике апробируются новые методы лечения лейкемии: мини-трансплантация (более щадящий способ) и терапия специфическими антителами. Специалисты возлагают большие надежды на эти методы, хотя однозначно заявлять об их практической эффективности пока преждевременно.

В Великобритании опубликованы сенсационные материалы —

результаты исследований по лейкемии. Группа ученых из университета Ньюкасла во главе с известным специалистом Ричардом Доллом (он первый установил зависимость между курением и раком легких) утверждает, что недуг является инфекционным заболеванием.

До того главными причинами лейкемии считали радиацию и негативное воздействие окружающей среды. Исследования проводились около 20 лет, и под наблюдением врачей было почти 200 тысяч детей. Более половины из тех, кто страдал от рака крови, имели контакты с людьми из других регионов страны или иностранцами, либо их родители сами были неместные. Это и навело ученых на мысль, что лейкемия — внешняя инфекция. Правда, неясно, каким образом ею заболели вирусоносители. Кроме того, эксперименты касались только детей, а причины появления рака крови у взрослых людей фактически не рассматривались.

В последнее время появились предположения о вирусном происхождении болезни. Но оно далеко не считается доказанным.

Из интервью Горбачева: «Вот вечером сижу возле нее, и вдруг она говорит: я хочу домой, я хочу в нашу спальню, я не могу уже смотреть на все это, уедем… Я говорю: ты не можешь уехать, не поправившись, я не могу, ты должна поправиться. Она спросила меня: какой диагноз? Я сказал: лейкоз. Она говорит: рак крови? Я говорю: да. Она спрашивает: значит, конец? Я говорю: нет. И она замолчала. И час мы молчали. Боролась она потрясающе. Мужественно все выдержала. На моих глазах все…

И когда прошел первый этап лечения, боли отступили, мы часами разговаривали, возвращались ко всей нашей жизни. Я и подумать не мог, что мы не выберемся! А уж раз это случилось, я думаю: хорошо, что мы эти месяцы не расставались…»

Раисе Максимовне была сделана пункция костного мозга. Этот важный тест-анализ, по результатам которого судят об эффективности курса химиотерапии, был проведен на несколько дней позже, чем первоначально намечалось. Задержка была связана с преодолением возникшего после первой фазы лечения у пациентки осложнения — нарушилась работа органов пищеварения.

На следующий же день в газете «Бильд» было помещено сообщение о том, что медики из Мюнстера якобы в срочном порядке ищут для Раисы Максимовны донора, необходимого для проведения операции по пересадке костного мозга. На этот призыв в Германии моментально откликнулись несколько добровольцев.

Ситуацию был вынужден прокомментировать лечащий врач

Горбачевой профессор Бюхнер. Он заявил — первый этап лечения завершен. Чтобы закрепить позитивные изменения, в ближайшие дни будет начат второй курс химиотерапии. Вслед за этим предполагается операция. Выступить в качестве донора должна 61-летняя младшая сестра Горбачевой. Она живет в Уфе и работает врачом-логопедом. С медицинской точки зрения возможность использования при трансплантации костного мозга близкого родственника — наиболее приемлемый вариант. Клетки совпадали идеально — довольно редкий случай.

Однако возникли некоторые сложности с отправкой Людмилы Максимовны из России в Германию — у нее не был оформлен загранпаспорт. По этому поводу Михаилу Сергеевичу пришлось звонить в приемную российского премьер-министра и даже, по некоторым данным, лично разговаривать с Владимиром Путиным. Проблема была решена на высшем уровне.

В тот же день в Мюнстере побывал гость из Бонна — сотрудник российской консульской службы, с помощью которого и был улажен вопрос о продлении виз членам горбачевской команды. Они истекали 28 августа.

В Мюнстере с концертами выступал Мстислав Ростропович — он лично поддержал Горбачева в трудную минуту…

После курса химиотерапии Раиса Максимовна ожидала операции по пересадке костного мозга.

Но больной стало хуже. Операция была перенесена. Позже наступила смерть в результате сердечного приступа.

Из интервью Михаила Сергеевича Горбачева: «Ирина у нее дежурила. Она увидела, что Раиса Максимовна задремала. Вышла в комнатку с аппаратурой и вдруг увидела, как все показатели на мониторах начали меняться. Она быстро пригласила врача, позвонила мне и говорит: «Сейчас маму в интенсивное отделение переведут». Когда я примчался, ее уже перевезли в это отделение. Вот когда ее стали подключать к аппаратам поддержки жизнедеятельности, тогда и был мой последний разговор с ней. Надо было ее как-то отвлекать, пока что-то быстро делали врачи. Они Рае сказали: «Мы сейчас сделаем немножко снотворного, подключим искусственное дыхание». Позже она уже не вышла из-под наркоза. И через неделю ее не стало.

Мы сидели с Ириной возле нее последние семь часов, но общаться уже не могли».

С воскресенья на понедельник, 20 сентября, в три утра без пяти минут, Раисы Максимовны не стало. Михаил Сергеевич держал руку жены и продолжал с ней говорить. Знал, что сознание к Раисе Максимовне так и не вернулось, но продолжал говорить, перешагнув порог обыденного общения, веря, что они

вместе даже там, куда унесла ее горестная доля.

Из интервью Михаила Сергеевича Горбачева: «Я вам знаете что скажу… Сегодня ночью вдруг звонит телефон, я беру трубку, она говорит: «Привет». Я говорю: «Ты откуда?» На этом все прервалось, я проснулся. Вот мой последний с ней разговор».

* * *

Непонимание основных принципов строения мира делает медицину неспособной излечить, а тем более предотвратить даже такое ничтожное заболевание, как бородавка. Всякое медикаментозное лечение, как правило, направлено на излечение отдельно взятых, изолированных симптомов. Введение в организм любых сильнодействующих агентов извне обязательно нарушает равновесие внутренних систем организма, и даже, может быть, сильней, чем болезнетворный агент. Ведь очень трудно предусмотреть, учесть и соразмерить соотношение пользы и вреда, которые мы приносим нашему организму, принимая жаропонижающие средства, анальгетики и витамины, не говоря уж о более активных средствах. Например, против любого заболевания микробного, а часто и вирусного происхождения безоглядно пользуются антибиотиками и при этом широкого спектра действия, убивая все живое в организме и фактически не устраняя того, что способствует возникновению и развитию болезни. Например, с помощью хирургии или удаляют, или разрушают страдающие органы, не затрагивая реальной причины болезни. А она часто заключается «всего-то» в неправильном питании.

Самый же темный тупик, куда зашла симптоматическая медицина, не учитывающая многообразия и взаимообусловленности всех жизненных процессов, — это болезни сердца, психические заболевания и рак.

* * *

Президент России послал за телом покойной жены первого президента СССР спецсамолет. Венок на церемонию прощания передала Наина Ельцина. Премьер-министр России лично выразил соболезнование Горбачеву.

Проститься с первой леди пришли видные политики, журналисты, не иссякал поток простых людей.

Фильм Светланы Сорокиной «Первая первая леди» из цикла

«Новейшая история» (именно так: дважды первая!) задумывался летом, когда стало известно о болезни Раисы Горбачевой, и показ планировался к ее возвращению из Германии. Врачи давали благоприятный прогноз. Биографической ленте суждено было стать мемориальной. Но воспоминания людей, близко знавших Раису Максимовну, далеки от официоза. В числе рассказчиков не только Егор Яковлев и Георгий Шахназаров, но и однокурсница Раисы Максимовны по философскому факультету МГУ, ставшая подругой на всю жизнь, коллеги по работе в Ставропольском сельхозинституте и даже повар, работавший в президентской резиденции в Форосе во время «заточения» Горбачевых в августе 91-го.

Сны

Да разве раньше возможно было политику сердце иметь? Если появились слезы, если боль одного материализовалась в сознании миллионов его сограждан — значит, мир уже изменился. Значит, он уже стал лучше.

По сути, подобное неприятие Горбачевой значительной частью нашего общества означало и то, что ей отказывали в праве любить свою страну. Между тем она, вслед за безвременно ушедшим замечательным композитором Валерием Гаврилиным, могла бы признаться: «Моя бессмертная душа и в глубинах Вселенной будет болеть за то, что делается в России».

Как рассказывает Михаил Сергеевич, однажды Раисе Максимовне приснился странный и вещий сон. Она упоминает о нем в своих личных записях: «Будто она и муж — на дне глубокого, темного колодца, и где-то там, высоко наверху, пробивается свет. Мы карабкаемся по срубу, помогая друг другу. Руки ранены, кровоточат. Раиса срывается вниз, но я подхватываю ее, и мы снова медленно поднимаемся в верх. Наконец, совершенно обессилев, выбираемся из этой черной дыры. Перед нами прямая, чистая, светлая, окаймленная лесом дорога. Впереди на линии горизонта — огромное, яркое солнце, и дорога как будто вливается в него, растворяется в нем. Взявшись за руки, мы идем навстречу солнцу…»

Раиса Горбачева как общественный деятель

Кроме женщин нет на Земле силы, способной помочь падающей цивилизации.

Лариса Васильева

(предисловие к книге Риан Айслер «Чаша и клинок»)

Быть «первой леди» — искусство или наука?

Появление Нины Хрущевой убедило американцев, что и коммунисты чувствовать умеют, что коренастым дядькам, в надвинутых на лоб фетровых шляпах, ничто человеческое не чуждо.

Годы перестройки и постперестройки подарили нам одно далеко не сразу замеченное нововведение. Трудно сказать, политическое или не политическое. События вывели на авансцену жен политиков. И несмотря на всю противоречивость этого подарка, на все те страсти, которые сопровождали каждый шаг Раисы Горбачевой, нововведение прижилось.

Не проходит уже и дня, чтобы в СМИ не появилось интервью с женой кого-либо из политиков — с Батуриной, Нарусовой, Бабуриной и так далее. Были даже серии — вроде интервью с женами «гэкачепистов».

Готовность наших людей разглядывать чужую личную жизнь всегда казалась мещанской слабостью. В начале перестройки даже досада брала на Горбачева: ну зачем он из личного делает общественное?

Но не все так просто. Что-то здесь есть неискоренимое, что кроется в самой природе человека, от чего нельзя отмахиваться. Что надо брать в расчет как данность. А именно: людям бесконечно любопытно, как выглядит, чем занимается и что думает жена того или иного политика… Это миф, что мужчины презирают сплетни, всякие досужие домыслы. Интерес к женам известных людей — общий удел. Почему? Одному Богу известно. Это следствие закомплексованности наших граждан, их неумения ценить и уважать окружающих. Но что есть, то есть. Это жизнь…

Мы не меньше и не больше, чем Запад, относимся с предубеждением к выдающимся женщинам. Мы не лучше и не хуже в этом смысле. Согласно одному исследованию, проведенному во Франции, главные черты мужчины — это самостоятельность, результативность, компетентность, дружба. Женщине всегда отказывают в компетенции, женская дружба — вроде как и не дружба. К женщинам другой подход, другая мерка.

И у нас, и на Западе женщине в процессе воспитания прививают боязнь успеха. Если мужчина обычно объясняет свой успех профессионализмом, то женщина — удачей. Поэтому существует подсознательное недоверие к успеху женщины — люди всегда думают, что она добилась его не сама, что кто-то

обязательно за ней стоит, ее продвигает, за нее думает.

В 20-30-е годы Россия была весьма феминистской страной. Скажем, в уголовном кодексе существовала даже статья за изнасилование мужем своей жены. Откат произошел в 30-40-е годы, в связи с милитаризацией политики и сознания, с подготовкой к войне, насаждением культа мужественности. Мы долгое время оставались закрытым, милитаристским обществом, что не способствовало осознанию современной роли женщины. Сегодня подходы меняются. Роль женщины, видимо, будет возрастать и развиваться.

Ольга Здравомыслова — социолог, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН: «Все лидеры Советского Союза до Горбачева были женаты, но никто не знал в лицо жен ни Громыко, ни Кириленко, ни Черненко. Их весьма редкие появления на публике случались только за рубежом. Как встретил бы их сам советский народ, никто на самом деле не знает. В народном понимании — жена — это хозяйка, это опора. («Добрая жена дом сбережет, плохая рукавом растрясет»; «Худо дело, коли жена не велела».)

В этом народном идеале скромной, терпеливой — всегда «глаза долу» — жены, к которой можно возвратиться как в тихую гавань, — в этом идеале, бесспорно, много мудрого.

Когда появилась Раиса Максимовна, это был вызов. Западное общественное мнение приняло Горбачевых «на ура». На Западе их — именно как пару — до сих пор вспоминают с восхищением. А у нас все наоборот. Глупый народ? Отнюдь нет.

Все дело в том, что это был эксперимент над нашей культурной традицией, поставленный совершенно неожиданным образом. Когда наши люди увидели, что женщина, жена генерального секретаря может играть свою роль рядом с мужем и не скрывать этого, произошло резкое отторжение. Мне кажется, что если бы Раиса Максимовна купалась в роскоши, втихую скупала бриллианты, а на публику выходила бы скромной, безмолвной, с опущенными глазками, два шага позади мужа или вообще не выходила бы, то это всех бы устроило.

Горбачев предпочел иной путь. Он демонстрировал, что считается с женой, и это было воспринято как полный кошмар. А больше всего раздражало то, что Горбачев не скрывал — Раиса Максимовна ему нравится. Это обстоятельство задевало нашу публику, и больше всего женщин.

Роль Раисы Максимовны была определена заранее — жена большого начальника. А то, что она — человек образованный, социолог, проводивший научные исследования, преподававший,

защитивший диссертацию, написавший книгу, — этого никто не желал замечать.

Мне кажется, что чем больше «рос» Горбачев, тем больше Раиса Максимовна вынуждена была играть роль именно жены начальника. Для нее лично здесь был скрыт конфликт. Судя по всему, Раиса Максимовна в конце концов выбрала роль жены, и не исключено, что именно в этом была ее ошибка.

Она стала как бы зримым символом перестройки, ибо до нее ни одной подобной — образованной, элегантной, стройной и по европейским понятиям красивой — жены в СССР не было. Это обстоятельство открывало навстречу Горбачеву умы и сердца западных лидеров. ТАМ Раиса Горбачева свою политическую эффективность доказала на все сто.

А у нас? Именно Раиса Горбачева в России первой испытала на себе, что завоевать на всю жизнь восхищение мужа гораздо легче, чем завоевать сердца наших людей. Это уже политическая роль и политическая задача с совсем другими неизвестными. И чтобы решить ее сейчас и здесь, надо обладать выдающимся талантом.

Судачили о гардеробе Раисы Максимовны, о ее независимой манере держаться. Злые языки, в том числе жены ответственных сотрудников аппарата ЦК КПСС, в домашней обстановке высказывались примерно следующим образом: «Как можно так щеголять, каждый раз появляться в новом платье, когда вся страна…», «Да кто она такая? — она же всего лишь жена».

Главное для жены политика в России — знать свое место. То есть помнить, что она — при муже, а не он — при ней. Во всяком случае, на публике. Она должна быть к нему лишь дополнением, должна его выгодно оттенять, но не больше. Ни в коем случае не затмевать, не намекать, что она умнее, образованнее его, что это она его воспитала и «сделала» (даже если это правда), ни в коем случае не подчеркивать, что он ей на самом деле многим обязан.

Феномен народной любви не раскрыт и не разгадан до сих пор и в случае мужчины-политика. А уж как вести себя его жене? Может быть, как раз избегать ситуаций, когда люди могли бы приревновать лидера, — то есть понять, что жена политику дороже любви народа…

Жене любого политического деятеля надо иметь крепчайшие нервы и выдержку, уметь держать удар, знать, что ты, согласившись на карьеру мужа, будешь находиться под пристальным разглядыванием, что тебя ждут и придирчивое внимание к твоим словам, и злословие, сплетни и недоброжелательство. А как все это обратить в уважение и любовь, и может быть, поклонение? Неизвестно. Хотя в истории

такие случаи бывали.

Народная любовь непостижима. И от нее Раису Максимовну отделял какой-то миллиметр. Его надо было увидеть и найти способ преодолеть. От недоброжелательного: «Чего выпендривается?» до восторженного: «А наша-то лучше всех!» — одно мгновение. Найди она тот ход, излишним было бы объяснять, что жена политика — раба дипломатического протокола, предписывающего неукоснительную смену туалетов.

В нашей стране Раиса Максимовна первой прошла по минному полю. Из ее пути политики извлекли уроки, но жены в тень задвинуты все же не были и сами туда не ушли.

Наверное, потому, что все — и сами политики, и внимающая им публика, и освещающая весь процесс журналистская среда — все чувствуют богатый, еще не задействованный потенциал жен политиков, их еще не тронутый политический капитал. А уж в преддверии парламентских и президентских выборов тем более!

В случае «первой леди» отделить личное от общественного невозможно. Очевидно, это аксиома политики. Влияние жены всегда огромно…

Можно посмотреть на дело и с другой стороны. Задайтесь вопросом: можно ли представить себе, что президентом выберут человека холостого? Для Америки такой поворот событий стал бы еще большей революцией, чем темнокожий президент. Но и для России холостой президент — это… А разведенный, живущий одиноко? То же самое. Присутствие где-то рядом жены служит гарантией социальной полноценности.

Сами политики также не могут не видеть, что жена способна принести им несколько дополнительных очков в рейтинг. И как же они могут такой шанс упустить! Тогда они не были бы политиками… Конкуренция на политической сцене все круче, надо придумывать все новые и новые способы «ловли» избирателей.

Жены могут влиять на общественное мнение совершенно самостоятельно. Бесспорно, что интервью жен гэкачепистов («ах, он такой добрый, детей обожает, мухи не обидит, мне ни слова дурного»), этакая «домашняя» правда независимо от политических деяний — вызвали сочувствие в обществе и настроили на снисходительный лад.

Иногда читателя или зрителя может завоевать и растрогать просто беззаветная преданность мужу — вне всяких политических аспектов. Но она способна принести вполне политический результат. Вообще всякое упоминание, всякое слово о политическом деятеле, в том числе и слово его жены, и даже слово о его жене, — это реклама, это пропаганда, это плюс.

Владимир Вольфович недаром не только выпустил в свет сборничек анекдотов о Жириновском, но и представил в нем отдельный раздел — анекдотов о Жириновском и Галине Александровне, его супруге.

Из трех составляющих: глубокой заинтересованности общества, средств массовой информации и самих политиков — и складывается нынешняя политическая тенденция в отношении жен политических лидеров. Их не оставят в покое.

Так что жены наших политиков должны сегодня учитывать: политическая карьера мужа — это политическая карьера двоих. Сопротивляться этому бесполезно. Разве что еще до замужества ставить нареченного перед выбором: либо политика, либо семья.

По наблюдениям последних лет, жен наших политиков можно предварительно разделить на две группы — на тщеславных и на нетщеславных. Кто охотно становится вместе с мужем под свет софитов и кто избегает этого. Так что женой тоже можно быть на благо России…

Раиса Максимовна доказала своим существованием, что совместить роль жены политического лидера и собственные амбиции в России нельзя, что надо как-то менять рисунок как одной, так и другой роли. Раиса Горбаче-ва продемонстрировала конфликт, тупик, каким и была, собственно, сама Перестройка.

У нас нет традиции первой леди. Но у нас глубоко укоренилась традиция жены начальника. Есть мужик-начальник, который может и покуролесить, и стукнуть кулаком по столу. Есть жена, которой как никому известны его слабости и которая умеет на них играть. Она научилась управлять мужем, как компьютером, она точно знает, где нажать, чтобы там включилось. Она действительно руководит, но никогда не проявляет этого открыто… В общем, «муж — голова, жена — шея». Такое семейно-политическое устройство органично и удобно. Люди с трудом от него отказываются.

Не удивлюсь, если наши первые леди и не захотят играть видную политическую роль. Потому что самостоятельная роль — это ответственность.

Но существующее положение дел будет подвергаться переменам. Горбачева говорила: «Во всем цивилизованном мире права и обязанности первой леди как-то очерчены. Если не нормативными документами, то определенными традициями.

В Белом доме для помощи в исполнении женой президента США ее официальных обязанностей существует персонал. Свой шеф канцелярии, свой офис в Белом доме.

Госпоже Миттеран секретариат традиционно помогает в благотворительной и общественной деятельности.

Госпожа Коль, активно занятая весьма многообразной общественной и попечительской работой, также рассказала мне о специальном бюро, оказывающем ей необходимую помощь.

В моем же распоряжении оказалась только одна традиция, со времен Сталина, — отсутствие права на гласное, официальное существование.

Какого-то опыта у меня не было. Все осваивалось по ходу событий, делалось на основе жизненной логики и интуиции».

К сказанному Раисой Максимовной добавим следующее. Вспомним, как учили принцессу Диану, как она с трудом постигала в Виндзоре «дворцовые науки». Прошла в том числе «курсы» умения держаться перед телекамерами.

Супруги так вспоминали о том, как была решена проблема.

Раиса Максимовна:

«По традиции в других странах супруги руководителей участвуют в различных общественных, а также протокольных мероприятиях. В опыте же наших предшественников этого не было. Как быть? Михаил Сергеевич сказал: «Пусть все идет естественно». Так сама собой и у нас стала приживаться практика, принятая во всем мире: у супруги руководителя государства стало появляться и свое общественное лицо».

Михаил Сергеевич:

«Она меня спрашивала: «Слушай, как я себя должна вести?» Я говорил, ничего менять не будем. Мы люди уже сложившиеся. Мы вели себя так, как привыкли. А это почему-то вызывало осуждение».

* * *

Когда ей, преподавателю сельхозинститута с многолетним стажем, пришлось поменять статус жены партийного руководителя на статус супруги президента страны, она столкнулась с необходимостью проявить дар импровизации и считала, что это ей в общем-то удалось.

Подобная демонстрация чувств, как у Горбачевых, была не в традициях старой номенклатуры. Кремлевские жены между собой не дружили, а если и собирались в тесном «семейном» кругу, то лишь чтобы посплетничать или сыграть в карты. Один из первых уроков кремлевского этикета преподала Горбачевой, тогда еще жене секретаря ЦК, первая «статс-дама Кремля» — жена Кириленко, указав Раисе пальцем, где она должна стоять во время

приема женской иностранной делегации 8 Марта: «А ваше место — вон там… В конце».

Но это, так сказать, драматическая сторона дела. Подчас доходило просто до анекдота. Ельцин упоминает в своей книге об «инструктаже», который получила семья, когда Борис Николаевич стал кандидатом в члены Политбюро:

«Забавно, что вся эта циничная по сути своей Система вдруг дает циничный сбой по отношению к родным главы семейного клана. Например, когда охрана проводила инструктаж с семьей и детьми, было потребовано, чтобы они не давали мне овощи и фрукты с рынка, поскольку продукты могут быть отравлены. И когда дочь робко спросила, можно ли есть им, ей ответили: вам можно, а ему нельзя. То есть вы — травитесь, а он святое…»

Вот примерно в таком же положении оказалась и Горбачева… «Не было ни одного пособия по протоколу, мне не с кем было посоветоваться, как одеваться и как себя вести, я старалась прислушиваться к собственной интуиции и стала заказывать русским портнихам такую одежду, в которой чувствовала себя комфортно и достойно».

Она не обращалась к знаменитостям, ни тем более к европейским модельерам. «Я считала своим долгом одеваться у женщин, живущих в моей стране». Она читала «женскую» прессу и организовала издание журнала «Бурда» на русском языке, в приложении к которому печатаются выкройки модной одежды.

«Мне хотелось, чтобы соотечественницы могли сами сшить себе хорошую одежду». К изделиям модных стилистов она относилась скорее как к произведениям искусства. Особенно ей нравилось творчество Ива Сен-Лорана, чья выставка прошла в Москве в 1986 году.

О своих «коллегах» Раиса Максимовна отзывалась с известной долей критичности. «Госпожа Рейган была прежде всего актрисой. Она играла на сцене и, я думаю, в жизни. Ее отличала особая скрупулезность во всем, что касалось протокола». Тут же припомнила, как перед каждым официальным визитом ей присылали бесконечные и подробнейшие списки необходимых нарядов. «На такое-то мероприятие необходимо длинное платье, в котором я не умею ходить, на другое — меховое манто…»

Французы удостоились хорошей отметки за то, что не слишком злоупотребляли строгими предписаниями. «Можно было держаться естественно, что гораздо больше подходит мне по характеру». Особенно отметила скромность и высокую культуру Даниэль Миттеран.

Да, были случаи, когда она манкировала протоколом. В

Финляндии в 1990 году инкогнито убежала смотреть церковь в скале и побродить по улицам Хельсинки. В Сан-Франциско предприняла вылазку в Chine town и побывала в семейной бакалейной лавке. На площадке прогулочного трамвайчика побеседовала с кондуктором. А во Франции в Буживале в маленьком кафе пила кофе с француженками и имела с ними совсем не дипломатический, а чисто женский разговор…

В Европе восхищались первой леди Советского Союза. Американцы видели в ней русский вариант Джекки Кеннеди. Англичане — российскую леди Диану. Но давайте иметь в виду — Диана наживала политический капитал для своих сыновей. Не забывая ни на минуту, ни на секунду о том, что воспитывает наследников престола. И потому прежде всего — работала на их королевское будущее, жертвуя деньги на борьбу с проказой, раком, СПИДом.

Горбачева, в отличие от нее, как истинно русский человек, занималась благотворительностью совершенно бескорыстно. И не искала от своих благодеяний ровно никакой выгоды…

У Михаила Сергеевича вырвалось в дни траура: «Она бы сделала в два раза больше!» Сомневаться в этом не приходится.

«Комсомольская правда» намеревалась взять у нее интервью, а НТВ — сделать о ней фильм. Увы, судьба распорядилась по-своему. Материалы о Раисе Максимовне появились, но только уже после ее ухода из жизни.

Благотворительная деятельность

Это печально, но приходится признать — до самой ее смерти просуществовал и другой миф — якобы о страсти к стяжательству. На самом же деле все обстояло с точностью до наоборот. Она была очень щепетильным человеком.

Сегодня в такое верится с трудом: в 30-50-е годы в Рубцовске, не только в Алтайском крае, но и во всей Сибири, скорее всего, не знали слова «взятка». Об этом пишет Раиса Максимовна. Об этом приходилось слышать самой. Об этом приходилось читать. В Ростовской области, к слову, после Великой Отечественной и вплоть до середины 60-х годов в деревнях и хуторах не закрывали двери на замки, отлучаясь из дома. Незачем было — не воровали!.. Это не столь далекое прошлое — как же быстро оно забыто нами.

Не отсюда ли родом эта чистоплотность Горбачевой? К этому ее качеству так и не смог привыкнуть даже ее муж. Даже Михаилу Сергеевичу, человеку, который знал ее столько лет, подобная щепетильность казалась просто невероятной. И в личном, и в общественном. Она не могла больше трех дней задержать деньги, взятые в долг.

«Я попросил поехать купить лекарство — она тут же: а деньги отдал? — вспоминает Михаил Сергеевич. — Человек даже в мелочах обязательный. Мы приехали из Ставрополья и расставляли библиотеку — часть книг взяли, остальное раздали в школы. Г ода два назад разбирали старые вещи, и вдруг я папку старую нахожу — А это старье зачем притащила? Она говорит: это самая важная папка — все квитанции, которые платила за свои заказы, когда ты стал секретарем. И еще здесь хранила их! Это старье!.. Я говорю: — Выбрось немедленно!

Хранила для того, чтобы, не дай Бог, кто-то не заподозрил, что мы воровали или пользовались чем-то корыстно. Не возвел бы напраслины. Начали распространять про нее разные слухи… то сережки, то платья от Сен-Лорана… Да, она человек культуры, понимает суть прекрасного и ценит. Когда Сен-Лорана спросили: ваши костюмы? он ответил: я был бы счастлив, если бы мадам Горбачева что-нибудь у меня заказала, я бы сшил ей бесплатно.

Но нет, она шила много лет у Тамары Мокеевой. Теперь, я думаю, это все смешно. И тем, кто предъявлял ей счет, должно быть стыдно».

Жаль, что мы никогда не узнаем фамилий других замечательных мастеров, женщин, которые шили для Горбачевой. Только лишь на том основании, что это было спецателье… Но

ведь руки эти модельеры имели просто золотые!.. А кроме них — Зоя Васильевна Каретникова, Ксения Михайловна Ефремова.

Любопытно заметить, что даже Иосиф Сталин не был безразличен к женской красоте, как можно было думать. Светлана Аллилуева вспоминает, как однажды он потребовал от жены снять слишком обтягивающее платье, которое ей не шло. И заметил при этом: «Носи то, что шьет Гуцало». (Нина Матвеевна Гуцало была модельером спецателье и одевала Елену Булгакову, жену писателя, Марину Ладынину, популярную киноактрису.)

П. Джонсон тоже находится под властью мифа: «…Но он оставил привилегии нетронутыми, и в СССР продолжали существовать две нации: управляющий класс и массы, так же, как и в античном обществе. Семья Горбачева пользовалась привилегиями в той степени, как и все остальные. Во время встречи на высшем уровне Горбачева и Рейгана, состоявшейся в Вашингтоне в декабре 1987 года, госпожа Раиса Горбачева делала покупки в Нью-Йорке золотой кредитной картой «Американ Экспресс», обладание которой в России считалось незаконным и каралось длительным тюремным заключением. Но она стояла над законом — супруга номенклатуры».

Кредитной карточки, как настаивает Горбачев, у них тогда не было. Но зато от тех драгоценностей, что ей дарили, зашлось бы сердце у любой женщины. Мастерство ювелиров, тщательно подобранные камни… Всю несказанную красоту, к примеру, бриллиантовые гарнитуры стоимостью в десятки тысяч долларов, что она сдавала в Госхран, ничего не стоило выкупить у государства. Как это делали все высокопоставленные лица. Сдав ценные подношения, тут же выкупали их за бесценок, написав заявление.

Она ни разу этого не сделала. Закон, по которому первые лица государства не имеют права на дары, стоимость которых превышает 50 рублей, был издан при Сталине и действует до сих пор. Но теоретически… Сотрудники Госхрана точно знают: за все эти годы только два человека его соблюдали — это сам Иосиф Виссарионович и Раиса Максимовна. Из подарков Сталину был создан когда-то целый музей… Появится ли когда-нибудь подобная экспозиция, составленная из подарков Горбачевой, неизвестно.

В Госхране хранится маленький ажурный ее саквояжик, сотканный из золотой нити. Он оценен в миллион долларов. На аукционе «Сотби» похожая сумочка Жаклин Кеннеди было продана ровно за миллион.

Еще один раритет, сданный Раисой Максимовной, — кинжал, оцененный в 2 миллиона долларов. Цена столь высока не из-за

рукоятки из слоновой кости, украшенной золотом и самоцветами, а из-за клинка из уникального булата. В мире таких изготовлено всего несколько. И были подарены бывшим президентом Индонезии Сухарто.

Список подарков, сданных Горбачевой, занимает две страницы. Часть вещей у нее в свое время «попросили» работники Музея революции. Трудно сказать, что помешало им устроить обещанную выставку, но ценные экспонаты с тех пор куда-то сгинули. Не помогли и расписки в получении, которые Горбачева предусмотрительно взяла с хранителей революционного прошлого.

Подобных расписок накопилась целая папка. Ее нашел Горбачев у себя дома уже после ее ухода из жизни…

Александр Коржаков, сравнивая двух первых леди, в частности, утверждает, что по своим запросам Раиса Максимовна была куда скромнее: «Наина Иосифовна плачет, что она пострадала от кризиса. Да ложь это! Посчитайте, сколько у нее шуб. Она ни в чем себе не отказывает и не отказывала. Она Раису Максимовну перекрыла в 10 раз. А между тем она формально — простая пенсионерка с пенсией в 300 рублей…»

Все это к тому говорится, чтобы было ясно, *какие* установки она исповедовала, работая в фондах…

Подобное активное участие в благотворительной деятельности — общемировая практика для жен первых лиц государств. И она вполне соответствовала устремлениям Раисы Максимовны: «Сама я издавна люблю книгу, театр, живопись. Чрезвычайно ценю проникновенное творческое слово. Преклоняюсь перед самобытным, одаренным умом, человеческим благородством, мужеством и самоотверженностью. Восхищаюсь красотой человеческого лица, красотой ландшафта, цветка, травинки. И верю: спасая красоту в любом ее проявлении, человек в конечном счете содействует спасению собственной души».

Сегодня в стране существуют уже сотни неправительственных общественных фондов и организаций. Фонд культуры создан одним из первых. «Его появление, — продолжает далее Раиса Максимовна, — было связано с благородным стремлением к непосредственному участию в демократических преобразованиях, начатых перестройкой, стремлением к духовному обновлению нашей жизни. Он начал свою жизнь под девизом: хранить, осваивать, приумножать. Его задачами стали: активизировать интерес, внимание к культуре и духовным ценностям, к таланту, расширять круг энтузиастов, подвижников, развивать культурный диалог между народами нашей страны, культурные связи с народами других стран. Через культуру — гуманизировать

отношения между людьми. Особой заботой, на мой взгляд, должна стать забота об «экологии культуры», сохранении, охране культурного слоя цивилизации, в который на равных входят творения и человека, и природы.

Фонд возглавил Дмитрий Сергеевич Лихачев, которого я раньше знала как специалиста по древнерусской литературе и как автора «Заметок о русском», размышлений о культуре России, об особенностях русского национального характера, о природе России, о русской пейзажной живописи. Дмитрий Сергеевич делился со мной: «Очень хочется, чтобы Фонд культуры был фондом высокой культуры. Надо «подтягиваться» к небу, к вершинам».

На счету фонда уже немало доброго. Фонд явился родоначальником благотворительности в стране, внес свой вклад в ликвидацию «белых пятен» в литературе, истории искусства, а также в восстановление и развитие различных видов творчества.

Под его эгидой родились целевые программы: «Краеведение», «Уникальные исторические территории», «Возвращение забытых имен», «Великий шелковый путь», «Новые имена», «Сохранение и развитие культур малочисленных народов».

«Через культуру к здоровью и милосердию» — такая программа у нас недавно создана… Стали действовать Пушкинское общество, ассоциации коллекционеров, колокольного искусства, реставраторов. Масса усилий, энтузиазма была потрачена на реализацию идеи создания музея личных коллекций. Сейчас осуществляется замысел музея современного искусства.

Очень популярен — и это тоже приятно мне — журнал фонда «Наше наследие»…

Почему-то в связи с творчеством Рерихов все время вспоминаю судьбу Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева. Впервые я оказалась там несколько лет назад и пережила целую гамму чувств. Невозможно недооценивать то высокое воздействие, которое оказывает на человека искусство древних, будь то предметы зодчества, быта, фрески или, как в нашей отечественной духовной культуре, — иконы.

Увидела я и то, что трудностей у музея больше чем достаточно. И не могла остаться равнодушной. К сожалению, вызволить его из бед оказалось непросто. Но, уверена, необходимо. Такие уникальные музеи, своеобразные центры истории русской культуры, — наша общая патриотическая забота. У нас их немного. Мы — не Италия. Когда ездишь по Италии, только и слышишь: X век, XII, XIII… Здания, музеи, целые города. И потому, думаю, нам должны быть еще дороже все наши

исторические памятники.

Фонд культуры стремится выйти на конкретные полезные дела во всех уголках страны. В связи с этим вспоминаю поездку Михаила Сергеевича в Свердловск в апреле 1990 года. Она дала мне возможность побывать в местах моего детства, в Алапаевске, и при содействии фонда поддержать инициативу уральцев о развитии Алапаевско-Синячихинского культурного комплекса, в том числе о создании Алапаевской детской школы искусств. Это меня очень радует.

Огромное удовлетворение доставило мне участие в создании Фонда Рериха. Николай Рерих — великий русский художник и мыслитель. Последние десятилетия жизни его, как известно, прошли в Индии, но он не порвал связи со своей Родиной. Благословением судьбы считаю я личное наше с Михаилом Сергеевичем знакомство со Святославом Николаевичем Рерихом — сыном Н. Рериха, известным художником, и его женой — Девикой Рани, индийской киноактрисой, племянницей Рабиндраната Тагора».

Вот строки из письма Н. А. Бенуа, внука Николая Бенуа — замечательного русского художника, представителя знаменитой династии, столько сделавшей для русской культуры (писано 23 февраля 1988 года из Италии): «…Цель этого письма заключается не только от всего сердца поблагодарить Вас за тот интерес и внимание, которые Вы проявляете к созданию музея семьи Бенуа в Петродворце, в окрестностях героического Ленинграда, откуда родом почти все члены «творческой части» нашей обширной художественной семьи…»

Да, что и говорить, Фонд переживает в наши дни нелегкие времена, с потерей и академика Лихачева, и Раисы Максимовны… И будет ли теперь реализовано все то, что намечалось?.. Подсчитано, что сегодня на всю огромную страну осталась всего только тысяча книжных магазинов. И это лишь один подобный горестный факт — а таких множество…

Раиса Максимовна оказалась причастной также к созданию Фонда социальных изобретений. Об этом упоминает первый помощник Ельцина Лев Суханов в своих мемуарах «Три года с Ельциным»: «Вернувшись из отпуска, узнал, что уже ведутся переговоры о поездке Ельцина в США. И что к этой поездке имеет какое-то отношение вновь испеченный Фонд социальных изобретений, который возглавляет ученый из Новосибирска Геннадий Алферен-ко. Располагался этот фонд в здании «Комсомольской правды», под эгидой которой, собственно, и учреждался.

…Еще будучи в Новосибирске, Алференко опубликовал

убедительную статью о социальных изобретениях, рождающихся в недрах народа, но совершенно экономически не защищенных. И потому нежизненных. Хорошо бы, — развивал дальше свою мысль Алференко, — создать фонд социальных изобретений… И как часто бывает, этой публикацией господин Случай распорядился по-своему. «Комсомольская правда» со статьей Алференко попала на глаза Раисе Максимовне, и та, увлекшись проектом новосибирского ученого, обратила на проблему внимание своего высочайшего супруга. Горбачев поддержал идею создания фонда. Так судьба фонда и самого Алференко, по существу, была решена».

Ее беспокоила нарастающая в обществе агрессивность, и Горбачева стремилась снять ее через деятельность и свою, и своих сторонников — во благо детей, стариков, женщин.

«…Жена популярного народного депутата в интервью журналу «Огонек» с гордостью сообщает, что ее малолетняя дочь по лицу выступающего по телевидению, по тому, как он говорит, интуитивно определяет: «наш» он человек или «наш» враг. И я разделяю позицию писателя Анатолия Алексина — президента советской ассоциации «Мир — детям мира», изложенную им в газете «Советская культура»: «Семена вражды и ненависти, национализма и шовинизма, заброшенные сегодня в детскую душу, никогда не взойдут порядочностью и интернационализмом. Мы забрасываем трагедию и конфронтацию, груз и скверну прошлого в будущее, в наш общий завтрашний день…»

…Во время выборной кампании она сопровождала супруга, предпринявшего настоящий марафонский забег по 22 областям бывшего Советского Союза. И она была готова с такой же решимостью следовать за ним в новый крестовый поход, на сей раз организованный Международным объединением «Зеленый крест». XXI век будет веком экологических катастроф. «Мы обязаны сделать все возможное, чтобы их предотвратить». «Зеленый крест» уже создал филиалы более чем в 30 странах мира. Так перед Раисой Горбачевой открывались перспективы новых путешествий.

Ее больно задевало, что в стране знали исключительно о ее зарубежных поездках. Зато многочисленные поездки по России оставались как бы в тени.

В общественной работе она обретала, как признавалась, некоторое успокоение:

«Общественная деятельность помогла мне в Москве не столь остро переживать необходимость оставить преподавание, науку. Сегодня мне кажется, что главнее всего — и карьеры, и славы — семья. Семья для меня всегда была на первом месте.

Постоянно куда-то спешила, а дочка смотрела вслед в окно. Я до сих пор помню этот крошечный носик, расплющенный о стекло. Уборки, обеды, магазины — все это тоже было. Хотя, конечно, во власти женщина гораздо больше ограждена от повседневных забот…»

Одна из главных благотворительных программ Горбачев-фонда — «Детские лейкозы в России». Через фонд в НИИ детской онкологии и гематологии поступили лекарства, собранные за рубежом, на 600 тысяч долларов. Отправили на лечение в Германию пятнадцатилетнего московского художника Никиту Курдюкова. Там же была организована и выставка его работ.

Поэт Виктор Стрелков создал впечатляющий образ как бы ожившего царя древности Ирода, по приказу которого убивали младенцев:

Царь Ирод не ушел в века,
Не отыскав в былом Мессии.
Занесена его рука
Теперь над будущим России.
И эту руку не отсечь
С размаху изданным указом,
Младенцев слезы будут течь
И кровь… Пока народа разум
Не прояснится, чтоб понять
Глубь бездны, что пред ним предстала:
Что для детей Россия-мать
Жестокой мачехою стала…

Свою лепту сегодня в гибель детей вносят болезни, в том числе и онкологические. По данным НИИ детской онкологии и гематологии, у одного из каждых 15 детей в России в возрасте до 15 лет диагностируют рак. Самому маленькому пациенту института всего два дня от роду. До 80–90 процентов пациентов по некоторым видам заболевания можно спасти.

Страшные цифры: каждые 10 дней у шестерых детей в Москве возникают различные злокачественные опухоли. По России в целом около 250 малышей в год заболевают саркомами, лейкемиями и опухолями центральной нервной системы. За последние 5 лет частота онкологических заболеваний у детей увеличилась на 13 процентов, болезней эндокринной системы — на 22,5 процента, болезней крови — на 35,4 процента, астмы — на 40 процентов…

Онкология молодеет с каждым днем, и уровень заболеваемости в последние годы постоянно растет.

«Раковые заболевания — это вовсе не фатальный диагноз, тем более у детей, результаты лечения которых в несколько раз лучше, чем у взрослых, — считает академик Лев Дурнов, директор НИИ детской онкологии и гематологии. — 90 процентов наших пациентов выздоравливают, если, конечно, вовремя обращаются за помощью. Беда в том, что четверть малышей поступают к нам в очень запущенном состоянии, поэтому их шансы оцениваются как 50 на 50».

Больные упускают возможность излечиться вовсе не из-за небрежности родителей или некомпетентности специалистов. Просто жителям российских регионов обратиться практически не к кому: столичный НИИ детской онкологии и гематологии — практически единственное специализированное учреждение в этой области медицины. Есть еще отделение в Московской больнице, где занимаются исключительно лейкозами, и два исследовательских института, в которых имеются детские отделения. Но и они находятся в Москве, до которой не всякая семья сейчас может добраться.

В стране существует всего 2–3 центра, где детей лечат исключительно от рака крови.

Такое катастрофическое положение связано, естественно, с недостаточным финансированием. «Бюджетных денег нам хватает только на самые дешевые лекарства, очень скверное питание детей и весьма скромную зарплату персоналу, — рассказывает Лев Дурнов. — Так что часто приходится просить родителей хотя бы медикаменты покупать самостоятельно». (Для справки: лекарства онкобольным полагаются бесплатно. На практике же это требование закона соблюдается далеко не всегда.)

Государство дорогостоящие методы лечения проплатить не может: ребенок со сравнительно легким раковым заболеванием обходится в среднем в 250 долларов в день, а, например, операция по пересадке костного мозга стоит 100–150 тысяч долларов.

Тем не менее лечение остается бесплатным, да и постоянных спонсоров у детских центров нет. «Ко мне как-то обратились родители, которые хотели сначала лечить своего ребенка за границей. Они попросили помощь у «Газпрома», и им выделили 150 тысяч долларов. Но когда узнали, что операцию будут делать в России, не дали даже 15 тысяч, которых нам хватило бы», — жалуется Лев Дурнов.

Так рождаются мифы о том, что онкологические заболевания могут лечить только за рубежом. Но результаты у наших специалистов ничуть не хуже, да и методы совершенствуются день ото дня. Недавно создана служба социально-

психологической помощи больным детям и их семьям. Официального статуса она пока не имеет и работает бесплатно, на общественных началах. Тем не менее психологи стараются даже праздники для детей проводить. «Они должны понять, что они все-таки живы», — говорит организатор социально-психологической службы Евгения Моисеенко.

Клуб Раисы Максимовны

Делала Горбачева, как мы теперь понимаем, не так уж и мало. Но ей все казалось — недостаточно. Именно потому появился Клуб.

Он был создан в марте 1997 года. К Раисе Максимовне обращались женщины с просьбой о помощи. Проблемы требовалось как-то решать.

С большим трудом инициаторы Клуба уговорили Горбачеву на то, чтобы ему было присвоено ее имя.

Организационный период был достаточно сложным. Шел поиск задач и целей, направлений его работы. Клуб проводит широкие общественные дискуссии, научно-практические конференции, а также благотворительные акции и выступает в качестве спонсора.

Клуб открыт для любых обсуждений не только так называемых женских тем, но и для тех проблем, которые волнуют все общество и связаны с идеями мира и демократии. Клуб — это прежде всего высокий профессиональный уровень экспертов и участников заседаний. В Клубе обсуждаются практические, общественно значимые проекты и частные инициативы… Все это должно способствовать в конечном итоге становлению гражданского общества в России.

В состав Клуба входят литераторы, преподаватели вузов, ученые и журналисты, сотрудники государственных учреждений, депутаты Государственной Думы России.

Следует подчеркнуть, что и в Клубе, и среди его друзей немало мужчин. Установка создателей — в замкнутой женской организации подчас невозможно решать проблемы общечеловеческого звучания. Только объединенными усилиями можно подойти к их решению.

Темой первой общественной дискуссии, проведенной Клубом, была «Современная Россия: взгляд женщины». Она состоялась 30 октября 1997 года. В процессе обсуждения ее участники пытались ответить на следующие вопросы: существует ли специфический «женский» взгляд на современную ситуацию в нашей стране, и если да, то чем же все-таки он отличается от «мужского»? И может ли женщина через свои общественные движения и участие в политике и предпринимательстве выразить свою точку зрения и отстоять свои позиции, может ли вестись речь о ее духовном развитии или же стоит вопрос лишь о физическом выживании?

18 февраля 1998 года проводилась широкая дискуссия на тему: «Наши дети: образ будущего и практика воспитания».

Главными вопросами при этом стали — что мы делаем для будущего наших детей? Чего мы больше всего боимся, воспитывая наших детей? Чего мы ждем от наших детей и какие модели счастья и успеха мы им предлагаем? Были обсуждены проблемы образования, в частности, влияние экономического кризиса на систему образования в России, а также на воспитание детей в условиях современных реалий. Речь шла об опасности наркомании, алкоголизма, проституции, криминализации общества. Участники собрания рассмотрели ряд проектов детских общественных организаций — образовательных, клубов по интересам и т. д. На конкурсной основе были отобраны три проекта. Это школа «Возможность» для детей-инвалидов (г. Дубна), Клуб старшеклассников «Бегущая по волнам» и Клуб им. Джерри Рубина, работающий с наркоманами, несовершеннолетними правонарушителями и детьми из групп риска. Все эти организации получили поддержку во время благотворительной акции — она была организована совместно с «Общей газетой» 31 марта 1998 года.

Самые острые споры шли по проблемам беспризорности в России. Число детей, живущих на улице, как известно, достигает двух миллионов человек. И это только согласно официальным данным. Беседовали участники на эту тему с Институтом ЮНЕСКО «Молодежь за культуру мира и демократию» и «Новой газетой». Обсуждались общественные проекты помощи беспризорным детям из шести регионов России.

В результате было подготовлено совместное обращение к президенту России, органам законодательной и исполнительной власти, средствам массовой информации.

Судя по письмам, которые все последние годы приходили в адрес Горбачевой, она многих научила верить, надеяться и побеждать.

«Наконец-то совсем недавно смогли, пройдя бесконечную цепочку бартеров, заключить договор на поставку позиционно-эмиссионного томографа, который для меня всегда будет связан с вами, — спасибо вам за помощь…» (От Натальи Бехтеревой — директора НИИ экспериментальной медицины, руководителя отдела нейрофизиологии человека.) «Дорогая Раиса Максимовна! Я отныне имею право Вас так называть, ибо дороже Вашего имени для меня нет. У моего сына был тяжелейший абсцесс мозга. Искусные руки врачей и Ваше доброе участие в этом моем горе совершили чудо. Сын поправляется. Помните, что на нашей земле есть человек, готовый отдать за Вас все, даже жизнь». (От Владимира Судакова, бывшего летчика, офицера запаса.)

В этом же ряду — письмо Горбачеву от Бриков-скиса из

Литвы: «Вы, конечно, атеист, но несмотря на это, Ваши дела и Ваши поступки говорят о том, что некоторым верующим надо поучиться у Вас. И поэтому знайте, что я, находясь каждое воскресенье в костеле с 9 до 13 часов, буду молиться Богу и за Вас, и за Вашу семью».

Воспоминания

И Барбара Буш, и Хиллари Клинтон оставили воспоминания о своем пребывании в Белом доме. Написаны они «от лица» домашних любимцев — собаки и кота, живущих в резиденции на правах членов семьи президента. Знающих, как они полагают, о своих хозяевах если уж не все, то почти все… Книжки дипломатичные и остроумные, рассчитанные на массового читателя.

Воспоминания же Горбачевой — явление совсем иного толка. Хотя, безусловно, конечной цели служат той же — дать представление о президенте и его домашнем окружении. Я бы назвала эту книжку «Я надеюсь…» неожиданной.

Прежде всего, они написаны по «подсказке» из-за рубежа, по просьбе воспитанниц престижного американского колледжа Уэлсли. Но, конечно, Раиса Максимовна писала не только для них… По сути — это ее отчаянная попытка объясниться со своим народом, ее, в большинстве своем, не принимавшим..

И вновь — как и в диссертации — через определенный догматизм видны очень серьезные моменты… Это раз.

Кроме того, в России женщина, так или иначе приближенная к государственной власти, со второй половины XVIII столетия, со времен Екатерины Великой и Екатерины Дашковой, не бралась за перо… Да и то государыня-императрица выступала как драматург и журналист, но вот проявить себя в биографических записках не рискнула. Помимо того, как литератор, она имела псевдоним…

Крупская, как утверждают некоторые историки, была слишком запугана после смерти вождя. Даже последнюю волю Ильича, быть похороненным рядом с матерью, выполнить она не сумела. Не то что выступить с правдивой книжкой воспоминаний, когда ей уже было очевидно, КТО пришел к власти… Оставленное ею следует читать между строк. Впрочем, нам в России не привыкать к «эзопову» языку еще со времен Салтыкова-Щедрина, не так ли?

Пыталась ли жена Ленина что-либо предпринять, чтобы быть услышанной? Скорее всего, мы никогда так и не получим ответа на этот вопрос. Сколько еще подобных «белых пятен» в нашей истории!

Было что сказать и Александре Коллонтай, и Инессе Арманд. И не только, надо полагать, о Ленине. Не случилось…

Сегодня воспоминания не пишет только, наверное, самый ленивый политик. Может, в чем-то и благодаря Горбачевой тоже — случился этот прорыв, и вошли в практику нашей

общественной жизни беллетризированные мемуары.

К сожалению, в большинстве случаев книжки становятся прежде всего средством наживы. Мало того, укоренилась порочная практика «двойных стандартов», когда «для них», т. е. для зарубежных изданий, политик готов откровенничать как угодно и сколько угодно. Зато к его собственному народу, изголодавшемуся по правде, к народу, который он представляет, эти книги доходят во-первых, с большим опозданием, во-вторых, отчего-то «куцыми», с изрядными купюрами…

Этому «парадоксу наших дней» решительно воспротивилась Раиса Максимовна. Хотя рукопись и создавалась под напором зарубежных издательств, Горбачева настояла, чтобы печатались воспоминания одновременно — ив России, и за рубежом… Текст зарубежных изданий полностью идентичен тому, что читают в России. Разве вот только иллюстрации подбирает каждый издатель по своему вкусу, где-то фотографий меньше, а где-то больше.

Если бы только все остальные мужчины-политики последовали ее примеру, прислушались к ее голосу. Увы!.. А ведь требования Горбачевой куда как справедливы. (Женщин, заметьте, среди «новопишущих» нет ни одной! Асламова, понятно, не в счет).

Образ женщины

О чисто дамских вещах — как удается так потрясающе выглядеть, и прочая, прочая — с ней так и не решился побеседовать ни один российский журналист. Осталось только несколько реплик, брошенных ею вскользь.

Из всех московских театров, судя по наблюдениям лиц, достаточно близко знавших семью, Раиса Максимовна выделяла Таганку. Горбачевы посещали ее чаще других. Замечательная актриса этого театра Алла Демидова — кстати, коллега Раисы Максимовны, у нее также философское образование — высказала в свойственном ей стиле свое мнение, очень образно и точно, как она видит Настоящую Женщину.

Актриса привела тогда в пример такую историю. Актер и режиссер А. Д. Дикий говорил ученикам: «Если вы играете цветок, допустим, розу, и если зритель не почувствует ее аромата, то тогда вы плохие актеры».

И Демидова продолжает:

— Я бы хотела, чтобы, глядя на меня, зритель подумал об орхидее…

Александр Коржаков в своих воспоминаниях представляет нам Горбачеву как этакую самодуршу:

«Недели две я поработал у Горбачева — ему только начали подбирать постоянную охрану. Нескольких дней хватило, чтобы почувствовать — у Горбачевых свой, особый климат в семье. На госдаче, например, было два прогулочных кольца — малое и большое. Каждый вечер, в одно и то же время, примерно около 7 вечера, Раиса Максимовна и Михаил Сергеевич выходили погулять по малому кольцу. Он в это время рассказывает ей обо всем, что случилось за день. Она в ответ говорила очень тихо. Для нас сначала было неожиданностью, когда Раиса Максимовна вдруг спрашивала:

— Сколько кругов мы прошли?

Не дай Бог, если кто-то ошибался и отвечал неправильно. Она, оказывается, сама считала круги и проверяла наблюдательность охранника. Если он сбивался со счета, то такого человека убирали. Коллеги быстро усвоили урок, и поступали очень просто — втыкали в снег палочки. Круг прошли — палочку воткнули. Когда Раиса Максимовна экзаменовала их, они подсчитывали палочки. Так было зимой. А уж как охрана летом выкручивалась, я не знаю. Был еще эпизод, характеризующий экс-первую леди СССР. Ей привезли в назначенное время массажистку. А госпожа Горбачева совершала

в этот час моцион. Сотрудник охраны остановил машину с массажисткой и предупредил:

— Подождите, пожалуйста, Раиса Максимовна сейчас гуляет.

Во время сеанса массажистка поинтересовалась:

— Ну как Вы, Раиса Максимовна, погуляли?

Начальника охраны тут же вызвали, отчитали, а сотрудника, сообщившего «секретную» информацию, убрали…

Основным критерием отбора у Раисы Максимовны считалась внешность. Ни профессионализм, ни опыт работы во внимание не принимались».

Ненаписанная книга

В своей биографической книге она упоминает о предложении известной художницы Йоко Оно написать совместную книгу. Судя по всему, проект не успели реализовать. Но то, что в последние несколько лет она всерьез подумывала засесть за новую книгу, несомненно.

В июне 1996 года Раиса Максимовна, отвечая на вопросы корреспондентов «Комсомольской правды», не возникает ли у нее желания самой развеять многочисленные мифы о себе, сказала:

— Недавно ко мне обратился один талантливый журналист, которому я очень доверяю. Он сказал: Раиса Максимовна, я хочу написать вместе с вами книгу о мифах и антимифах Раисы Горбачевой. Я думаю, это будет интересная книга.

И вот свидетельство Михаила Сергеевича: «Я сейчас разбираю ее бумаги. У нас кабинет был разделен на две части: одна моя, мой стол, мои шкафы с документами, другая — ее. И вдруг я обнаружил целый полиэтиленовый мешок записных книжек! А три дня назад нашел то, о чем мы с ней говорили… а я говорил: ты должна писать книгу, должен быть твой стиль, твой взгляд женщины, которая многое знала и пропустила через себя… И я нашел: она уже 23 главы обозначила!

Квинтэссенции наших разговоров. И название: «О чем болит сердце». Я воспринимал происходящее в значительной мере как политик: плоды перемен через поколения появятся. А она как человек страдала: что я им сделала, что они меня распинают?»

Остается только ждать и надеяться, что семья, оправившись, доведет начатое ею дело до конца, и восстановит по уже имеющимся записям и наброскам всю рукопись, и что книга обязательно увидит свет…

Убеждена: дело это нужное.

Что завещала нам Раиса Горбачева

При внешнем благополучии ее жизнь была насыщена испытаниями и потрясениями.

Возможности жены президента, преимущества первой леди государства — это очевидно. А вот сколько пришлось пережить Раисе Максимовне и ее мужу — понятно не сразу и далеко не всем.

Журналист Егор Яковлев размышляет: «Никогда не доводилось мне уловить непосредственной связи между тем, что говорил, как поступал Горбачев, и наущениями Раисы Максимовны. А влияла на мужа несомненно и влияла колоссально. Многое, характерное для Михаила Сергеевича, — уважительный интерес к людям интеллектуального труда, и постоянное общение с литературой, и непременные вылазки, едва оказывались в Москве, на спектакли «Таганки», — определялось близостью Раисы Максимовны. Думаю, что она прежде всего направляла духовную жизнь семьи, определяла ценности, которые в ней принимались.

А почему все-таки недолюбливали, за что? Всюду появлялась вместе с Горбачевым, всегда ездила вместе с ним. Так это же ради нас всех, стараясь взломать принятый идиотизм нашей жизни… Приехала с мужем в Ленинакан после землетрясения и была, оказывается, слишком хорошо одета. Но приехала же сразу, отозвавшись на беду, — это важнее…»

Михаил Сергеевич в одном из интервью тоже обратился к этой теме:

«Проблемы были. Согласитесь, неудобно жене генсека все время появляться в одном и том же платье. Надо было менять, а значит, покупать, но денег-то было не жирно. Поэтому Раиса Максимовна и сдавала в комиссионки свои прежние вещи. Не сама, конечно, через подругу. Платье продавали, следующее заказывали. А люди думали, что гардероб ее конца не имеет, как у царицы — тысячи платьев. Ерунда все это».

Раиса Максимовна недоумевала: «У нас так — если рядом с Рейганом его Нэнси, это совершенно нормально. А если Горбачев появился с женой — это революция. Когда Михаил Сергеевич стал главой государства, в России в отношении жен руководителей страны была одна традиция — не существовать. И эта традиция была сформулирована еще со времен Сталина. Жена главы государства такого понятия вообще не было. Поэтому мое появление рядом с Горбачевым и было воспринято, как революция».

Горбачев никогда не соглашался с тем, что ей приписывали всевозможные кадровые перестановки в Кремле: «Говорили, она кадровые решения принимала, какая глупость! Она до конца жизни так и не узнала, что такое Политбюро и как оно там работает по-настоящему. Это домыслы, демагогия и болтовня».

…Она сделала себя, она помогла мужу стать Горбачевым. Те, кто говорили, что Раиса Максимовна вертит своим мужем, невольно накручивали общество, подготавливали общество к взрыву.

Изучение общественного мнения показало, что продвижению женщины во власть в России препятствует сама женщина. И это в «женской» стране, где на протяжении ста лет — в совокупности — на престоле восседала императрица!

К сожалению, наша женщина с трудом расстается со своим ущемленным самосознанием. И главное — она себя не любит, уверяют социологи, у нее сильно занижена самооценка. Ее трудно заставить полюбить себя.

Меж тем определенные исследователи предрекают: «Ближайшее десятилетие пройдет под знаком женщин. Мы увидим, как они управляют такими большими корпорациями, как IBM, SHELL, крупными банками и страховыми компаниями, промышленными конгломератами.

Приход женщин к власти принесет меньше рискованных решений, больше объединения, меньше агрессии, больше сочувствия, деликатности и терпения. Для мира, который несется с большой скоростью, совсем неплохо — он станет более безопасным».

То, что более всего меня поражает, когда я смотрю видеорепортажи, показывающие истощенные жертвы голода в Восточной Африке, это не столько несчастье людей, сколько расточительная трата их энергии и таланта, что является потерей для них, для нас, для всего мира. Ум, творческие способности и воображение, чувствительность и вкус, может быть, 2/3 человечества используются неполно, а в иных случаях целиком пропадают.

…Когда женщины начнут продвигаться вверх и станут во власти более многочисленными, мы увидим легкие, но радикальные перемены в отношениях.

Все большую популярность приобретают идеи Риан Айслер, суммированные ею в книге «Чаша и клинок» (Издательство «Древо жизни», 1993).

О чем книга Айслер?

«О нашем ближайшем прошлом, в котором фантомы власти и силы достигли почти что апогея, и по всему видно, что близка

бездна, куда властвующий мужчина может шагнуть с неоглядной смелостью, увлекая за собой детей и женщин.

О том, какое возможно будущее, если женщина поможет мужчине на общественном уровне избегнуть бездны.

О том, что от общества господства и насилия мы должны перейти к обществу партнерства мужчин и женщин. Роль женщин состоит в том, чтобы помочь мужчине в этом, помочь понять необходимость этого, но совершить этот переход они могут только вместе».

Вот и Раиса Максимовна была с ней, по сути, согласна: «… принижение женщины ущемило и роль мужчины…», — считала она.

В свое время Ельцина пугала растущая популярность Елены Батуриной-Лужковой, как утверждает А. Коржаков. «Еще никто не забыл кипучей деятельности Раисы Максимовны в Кремле, и никто не желал повторения подобного опыта». И добавляет при этом: «Тема властных жен в отечественной политике могла бы стать основой для серьезного исследования».

Структура нашей психики заточена на мужчину во власти. Женщина у власти — это все равно что микроскопом забивать гвозди в стену, полагают некоторые. Как бы там ни было, но фактически Горбачева в значительной мере подготовила почву для возможного взращивания в политике России женщины-президента. Другой вопрос — захотят ли сами женщины воспользоваться этой предоставленной им возможностью.

Самой природой женщина предназначена для решения совсем иных задач в материальном и «тонком» мирах. Станет ли президентом нашей страны в обозримом будущем женщина, еще большой вопрос. Тем не менее такие попытки, как известно, предпринимались. Благодаря журналистке Светлане Бестужевой, трагически погибшей Галине Старовойтовой. Они по доброй воле оказались в «мясорубке» предвыборной президентской кампании, ими были наработаны очень перспективные программы, в частности, по материнству и детству. Вот только заинтересуются ими или нет новый состав правительства и Госдумы?

О чем думала Раиса Максимовна, озадачив писателя, поэта Ларису Вавильеву своей фразой: «Боюсь, за четыре года мы не успеем…»?

Михаил Горбачев: упражнение в демократии

Опыт параллельного чтения

Ни один современный политик не удостаивался такого — поражающего воображение — обвала публикаций. Историк Дмитрий Волкогонов насчитал в библиотеке Конгресса США 250 (!) брошюр, книг, эссе о Горбачеве. Первая биография Михаила Сергеевича вышла в свет в Нью-Йорке в… день избрания его Генеральным секретарем. Об этом упоминает Михаил Геллер в своей многотомной «Истории России». За первой, с нарастающей быстротой, последовали другие книги. Их писали журналисты — немецкий, индусский, французский, биолог и социолог. Книги с неизменным заголовком «Горбачев» выходили в Гамбурге, Лондоне, Париже, Дели и других городах мира. Как правило, благожелательные. И только Александр Зиновьев, автор знаменитой «Катастройки», назвал свое эссе «Горбачевизм, или силы иллюзии».

Один лишь Ленин удостаивался подобного внимания. Значит, зацепило? Значит, это политик достоин внимания?

Понятно, что проанализировать все эти тома — десяти человеческих жизней не хватит. «Нельзя объять необъятное»…

Есть подход — исторический. И есть — журналистский. С позиций «генсековедения» — так предлагают назвать еще одно ответвление в новейшей истории России… Или, иначе, секретареологии.

Слово неизящное, но наука эта только рождается. С тем, чтобы анализировать черты сходства в поведении всех секретарей, аналогии и различия в их подходе к кризису, который неизменно ожидал каждого после избрания.

В политической деятельности Горбачева заключен, помимо всего прочего, благодатный материал для осмысления классической, но и порядком подзабытой проблемы «личность и история». Каковы возможности и пределы воздействия личности на историю, когда и почему эта личность берет верх, а в каких случаях и почему терпит поражение в противоборстве с историей? И кто, в конце концов, является вершителем наших судеб — великие личности или набившие оскомину «объективные закономерности»?

Дать исчерпывающие ответы на эти вопросы в случае Горбачева, пока, конечно, затруднительно. Одна из главных причин — узость источников, характеризующих политическую борьбу Горбачева с механизмом торможения.

Мы ведь не располагаем сведениями о содержании тысяч и тысяч заседаний в горкомах и обкомах, в центральных комитетах

КПСС республик и СССР, в структурах военно-промышленного комплекса.

Становление политика и приход его к власти

— Как вы можете до сих пор все это выдерживать? — спросили однажды у Горбачева. — Ведь это слалом по минному полю…

Горбачев в ответ пожал плечами:

— Наверное, все вместе (сошлось. — Е.В.)… Здоровье — от родителей и крестьянских корней, а крепость духа — от Раисы Максимовны, и, главное, от веры.

* * *

В нем была — не могла не быть — затаенная обида на государство. Мать работала всю жизнь, работала за копейки, дед репрессирован…

Он смог преодолеть негативные последствия пребывания в оккупации. Орден за трудовые достижения и активная комсомольская работа перевесили анкетный «минус». Он стал студентом, но ему приходилось оправдываться.

Из романа Евтушенко: «У крестьянского сына был особый тайный страх — как бы не узнали, что он был в оккупации. Вопрос: «Находились ли вы на оккупированной территории во время Великой Отечественной войны?» — исподволь торчал изо всех анкет, словно капкан из-под снега. В такой капкан мог попасть даже тот, кто в то время был ребенком. А вдруг он оккупантам сапоги чистил, унижая достоинство советского пионера? А вдруг он из вражеских рук аморально шоколад принимал?..»

Когда он учился, тон в университете задавали фронтовики. Их привилегированный статус и армейские нравы общежития ставили его в положение молодого, как и крестьянское происхождение. И это тоже приходилось преодолевать.

Западные журналисты и политологи, изучающие жизненный путь Горбачева, с большим трудом находят черты будущего реформатора в комсомольском функционере юридического факультета МГУ или в первом секретаре Ставропольского крайкома КПСС. Он кажется таким, как все. Скромен, услужлив — по отношению к вышестоящему начальству. «Идеологически выдержан». «Проводит политику ленинской партии в массы»…

На кадрах кинохроники — молодой энергичный функционер

выступает на всевозможных митингах с «правильными» речами. Но это лишь одна сторона медали. Другая, глубоко скрываемая до поры до времени правда о нем состоит в том, что душа-то вся в синяках и ссадинах… Что ох как нелегко презирать тайком Систему, по ночам поносить ее и в то же время служить ей верой и правдой при свете дня. Подобно Молчалину из «Горя от ума», тратить весь свой талант и все способности на то, чтобы *молчать* в ожидании своего часа… Или изредка поддакивать.

«Встреча четырех генсеков», или «Смотрины»

Понятно и по-человечески объяснимо: некоторым исследователям хотелось бы видеть, пусть на одно мгновение, Горбачева рядом с Хрущевым. Но достоверных данных о том, что им приходилось видеться во время работы Горбачева на Ставрополье, нет. Однако ряд аналитиков продолжают придерживаться такой версии. Хотя бы только в качестве предположения, красивой легенды… Н. С. Хрущев бывал на Ставрополье и ездил по краю, и якобы благословил начинающего аппаратчика на дальнейшую успешную деятельность.

Зато вот в общении с другими руководителями Советского государства, и в скором будущем — «коллегами» Горбачева на самом высоком и ответственном посту в государстве — Михаилу Сергеевичу повезло несколько больше.

Вечером 19 сентября 1978 года на железнодорожной станции Минеральные Воды на Северном Кавказе сделал непредусмотренную остановку поезд специального назначения. В нем из Москвы в столицу Азербайджана Баку ехал генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев в сопровождении своего помощника Константина Устиновича Черненко. (По другой версии, оба возвращались с отдыха на Черном море.)

На перроне курортного городка их встречали председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов, проходивший курс лечения в соседнем Кисловодске, и партийный хозяин Ставропольского края, в который административно входил город Минеральные Воды, Михаил Сергеевич Горбачев. К слову сказать, Андропов и Горбачев были уроженцами здешних мест. И это землячество послужило пусть не единственной, но одной из причин их если не дружбы, то довольно длительного и тесного знакомства, хотя между ними было почти 17 лет разницы. А укрепили эти отношения регулярные наезды Андропова в ставропольский санаторий «Красные Камни» — таинственный шеф тайной полиции предпочитал лечиться в родных местах. По долгу службы и на правах хозяина Горбачев обхаживал своего высокого гостя, но делал это деликатно, ненавязчиво, со свойственным ему тактом и с учетом отличия Андропова от других кремлевских олимпийцев. Андропов не пил, не охотился, шумным компаниям предпочитал уединение, даже отдыхая и лечась, продолжал работать, поддерживая круглосуточную связь с Москвой. Вот и сейчас он вынужден был прервать свой отдых, чтобы встретиться

с Брежневым и его ближайшим другом и доверенным лицом Черненко. По протоколу и субординации ни Андропов, ни тем более Горбачев не могли манкировать этой встречей. Да и не в их интересах было ее пропустить.

Перрон очистили и оцепили. Поздним осенним вечером четверка неторопливо прохаживалась под тусклыми фонарями. Длинный спецпоезд терпеливо ждал отправления. «Политические смотрины» Горбачева состоялись.

Брежнев мог проехать в Баку и не останавливаясь на станции Минеральные Воды. В этой остановке дорожной необходимости не было, вопрос о ней был решен в самую последнюю минуту перед отъездом из Москвы. Организатором встречи был Андропов, а ее бенефициантом — Горбачев. За время этой краткой остановки и решилась его судьба — к концу года он уже был в Москве. А так как сам факт этой встречи был отмечен в советской прессе, то ее следует считать исторической — 19 сентября 1978 года на перроне маленькой кавказской железнодорожной станции сошлись четыре человека, которые в разное время являлись официальными руководителями Советского Союза — Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев.

У прозаика и поэта Евгения Евтушенко в его романе «Не умирай прежде смерти» есть «глава гипотетическая» — о Горбачеве. В сокращении ее опубликовала «Литературная газета»: «…Однажды на станции Минводы он встречал сразу трех генеральных секретарей — одного действующего, с трудом шевелящего челюстью, полуразвалившегося бонвивана, а также двух следующих — поедаемого тщательно скрываемыми болезнями мрачноватого обладателя компроматов на этого бонвивана и на весь его разложившийся антураж и желто-седого от вечного страха быть снятым, рыхлого, безликого кадровика, полузадыхающегося от астмы, полученной им, наверно, от непрерывного вдыхания в течение всей жизни пыли от анкет и всяческих других бумажонок…

При виде этих трех мастодонтов в голове Восходящего Аппаратчика сверкнуло, как молния: они все развалины и долго не продержатся. Настал его час. В Москве наверху нет молодых с его энергией, хваткой.

Еще три банных веника — и он оказался в Москве…»

Политическое вознесение Михаила Горбачева явилось результатом, а точнее, побочным продуктом «больших кремлевских игр», которые в 1978 году вступили в решающую стадию. Для того чтобы Горбачев попал в Москву, судьбе пришлось столкнуть в жестоком поединке двух его главных покровителей — Юрия Владимировича Андропова и Федора

Давыдовича Кулакова. Поединок закончился победой первого и гибелью последнего. Впервые после расстрела Берии в 1953 году борьба за власть в Кремле привела к убийству.

Вот как это было. Неожиданный рывок в карьере Горбачева — правда, в пределах его ставропольских пенатов, где он прозябал более двадцати лет после окончания Московского университета, — произошел, когда руководителем Ставропольского края был назначен присланный из Москвы Кулаков. Лицо историческое, независимое, с собственными идеями преобразования России, он оказался в Ставрополе по капризу Хрущева, который использовал здешние места в качестве «Сибири» для опальной кремлевской элиты. (До Кулакова сюда был сослан маршал Булганин, член Политбюро, премьер и еще совсем недавно постоянный спутник Хрущева в его поездках за границу; отсюда анекдот, что иностранные лидеры ездят в другие страны с женами, а Хрущев с Булганиным.) Какова бы ни была причина высылки Кулакова из Москвы в Ставрополь, она явно не носила характера идейных разногласий с Хрущевым, скорее личных. Ведь сам Кулаков был человеком хрущевского склада — не бюрократ, он чувствовал личную ответственность за бедственное положение экономики страны и, как Хрущев, осознавал острую необходимость радикальных перемен. Волевой, реформаторский, с большой долей импровизации, стиль кулаковского правления оказал глубокое воздействие на молодого Горбачева, и позднее, пребывая на высших и даже высочайших постах, он попытается многое заимствовать у Кулакова.

Именно под началом Кулакова Горбачев проделал значительную эволюцию от идеологического ортодокса-сталиниста, каким он был в Московском университете, до реформатора-хрущевца, что, безусловно, должно было ему помочь сориентироваться в непредсказуемые хрущевские времена. Откуда было знать Горбачеву, что неожиданно для мира, страны и для самого себя этот реформатор-самоучка и «реорганизатор» советской системы уйдет на пенсию «ввиду преклонного возраста и по состоянию здоровья» — такова была официальная формулировка отставки Хрущева. Любопытно, что именно в Ставропольском крае, когда там секретарствовал Кулаков, окончательно вызрел приведший к падению Хрущева заговор бывших его соратников во главе с Брежневым.

Осенью 1964 года Кулаков принимал кремлевских заговорщиков «у себя» на юге, в Тебердинском заповеднике. Во время прогулок и за вечерним столом план переворота был выверен до последних деталей и готов к исполнению.

Кремлевские гости полностью доверяли Кулакову, поскольку он числился среди жертв хрущевского самодурства и его поддержка заговора считалась сама собой разумеющейся.

И в самом деле, поддерживая практические реформы Хрущева и его примитивный, грубый демократизм, Кулаков все более приходил в отчаяние от непоследовательности и необузданной импульсивности Хрущева. К тому же, загнав Кулакова в ставропольскую глушь, Хрущев лишил этого масштабного человека какой-либо политической перспективы, и в случае снятия Хрущева у Кулакова появлялась надежда оказаться в Москве, в центре власти, к которой он тайно стремился. Вот почему кремлевские конспираторы могли полностью положиться на своего гостеприимного ставропольского хозяина.

Горбачев в это время ведал в Ставропольском крайкоме кадрами и к заговору по «малолетству» и по номенклатурной незначительности не примыкал. Однако не знать о заговоре он не мог, будучи доверенным лицом Кулакова и наблюдая небывалое скопление кремлевских тузов в их глухой провинции. В таком случае это был усвоенный Горбачевым урок борьбы за власть, хотя настоящая школа интриг была у него впереди, когда его непревзойденным учителем станет Андропов.

Уже через два месяца после падения Хрущева Федор Кулаков, участвовавший в заговоре явно на вторых ролях, был тем не менее вызван из своей ставропольской вотчины в столицу, в Центральный Комитет, в качестве «главного агронома» всей страны — путь, аналогичный тому, который спустя 14 лет проделает его протеже Горбачев. Так Кулакову удалось выправить тяжелый вывих, причиненный его государственной карьере четырьмя годами ставропольской «ссылки», и возобновить свою реформаторскую деятельность. Впереди его ждали крупные удачи, неуклонное приближение к власти и трагическая смерть…

Горбачеву повезло с вотчиной, доставшейся ему в партийное владение, ибо хотя все административные единицы в СССР теоретически равны между собой, но некоторые «равнее», как сказал бы писатель Джордж Оруэлл, «английский Салтыков-Щедрин». В частности, далеко не во всех из них имеются лечебницы для высшей партийной элиты…

В одну из них, «Красные Камни» под Кисловодском, и зачастил Юрий Владимирович Андропов, чтобы подлечить почки и диабет, а отчасти из ностальгических чувств: санаторий находился в нескольких десятках километров южнее станции Нагутской, где будущий шеф КГБ и генеральный секретарь родился 15 июня 1914 года. (Казачья станица Привольная, где спустя 17 лет родился Горбачев, расположена на северо-западе от

Кисловодска.)

По воспоминаниям пациентов этого элитарного санатория (к примеру, двух невозвращенцев — Аркадия Шевченко и Михаила Восленского), Андропов жил в уединенном коттедже (фактически навсегда закрепленной за ним казенной даче) и ни с кем не общался, если не считать регулярно приезжающих к нему из Москвы сотрудников организации, которую он возглавлял. Его пребывание в «Красных Камнях» было окутано тайной и вызывало острое любопытство у других отдыхающих, которое никак, однако, не могло быть удовлетворено, ибо его дача днем и ночью охранялась переодетыми агентами КГБ. Единственный, для кого Андропов делал исключение, был Горбачев — его машину со ставропольским номером охрана таинственной дачи пропускала беспрепятственно. Однажды небольшой кортеж автомобилей, включая один ставропольский, отправился в сторону станции Нагутской — это гостеприимный хозяин здешних мест устроил своему высокопоставленному земляку сентиментальное путешествие. Нам неизвестно, удалось ли тогда Андропову обрести, как сказал бы Марсель Пруст, «temps perdu» (утраченное время), или хотя бы испытать несколько приятных мгновений, связанных с детскими воспоминаниями.

Впрочем, судя по фотографиям из семейного архива Горбачевых, где Андропов беззаботно улыбается, он чувствовал себя неплохо. Вскоре укромная дача в «Красных Камнях» из лечебно-лирического места превращается в плацдарм, с которого Андропов начинает свой крестовый поход против коррупции, приведший его в конце концов к верховной власти в стране. И произошло это, скорее всего, по подсказке его молодого друга и земляка Михаила Горбачева.

Горбачеву в соревновании с соседним Краснодарским краем была заранее уготована роль побежденного — не только потому, что земля в Краснодарском крае тучнее, чем на Ставрополье, но прежде всего потому, что Медунов был старым приятелем Брежнева, а потому никому, кроме самого генсека, не подотчетен. Он мог фальсифицировать показатели своей деятельности, не опасаясь проверки. А Брежнев, как известно, старался своих друзей в обиду не давать и жалобы на них считал злыми наветами. Эта система покровительства, выручки, протекционизма и продвижения приятелей и являлась основным механизмом его власти. Для председателя КГБ Андропова это было очевидно. Свой пробный подкоп под Брежнева он начал через подставное лицо — Медунова. Именно на него у Андропова имелось компрометирующее досье, составленное, видимо, не без помощи Михаила Горбачева.

«При всех недостатках Андропова — я не хочу идеализировать его (и его идеологические позиции, и участие в борьбе с диссидентством — это мне все было ясно), это был человек, решительно настроенный против коррупции. Я с ним связан был долго. Не скажу, что у нас с ним были близкие отношения, но я его хорошо знал, и мы встречались регулярно», — много позднее скажет М. С. Горбачев в своих воспоминаниях.

Как установило ведомство Андропова, в Краснодарском крае, а особенно в Сочи, коррупция и взяточничество в партийном и государственном аппарате получили официальный статус. Чтобы купить машину, приобрести квартиру, добиться повышения по службе и даже достать на ночь номер в гостинице, требовались взятки. Более того, именно Краснодарский край оказался транзитным пунктом многомиллионной валютной операции по продаже за границу черной икры в банках из-под тихоокеанской селедки.

Понимая, что просто положить на стол Брежневу «дело Медунова» нельзя, Андропов организует поток «писем трудящихся» из Краснодарского края в ЦК, КГБ и «Правду» с жалобами на местное руководство и отчаянными призывами «разобраться и наказать». С помощью своей всесильной организации и при активном содействии Горбачева он собирает компрометирующие факты против сочинского мэра, чтобы возбудить против него судебное преследование, разгоняет Министерство рыбной промышленности за операцию с черной икрой, а заместителя министра приговаривает к смертной казни, снимая тем самым иммунитет с номенклатурных брежневских выдвиженцев. Цель Андропова — прорвав первую, провинциальную оборонительную линию Брежнева, приступить к штурму второй — кремлевской.

В самом Кремле в это время происходит событие из ряда вон выходящее — убийство. (За несколько месяцев до того, как в Москве появился Горбачев.) Ставропольский покровитель Горбачева Федор Давыдович Кулаков, приняв косвенное участие в антихрущевском заговоре и оказавшись в Москве, проявил себя самым решительным, энергичным и принципиальным человеком в брежневском Политбюро.

Бывший председатель колхоза Петр Абовин-Егидес рассказывает, как Кулаков, тогда еще работавший в областном руководстве, спас его от крутой расправы за критику местного партийного начальства. Однако еще больше, чем защита Кулакова, Абовина-Егидеса поразили его откровенные высказывания и тайные амбиции. Он вспоминает: «Это был

неожиданный для меня сюрприз, и я не мог, да и не хотел скрыть своего волнения.

— Думаете ли вы, что, окажись в Политбюро, смогли бы повернуть дело? — спросил я тогда Кулакова. Он криво усмехнулся:

— Это почти невозможно.

— Что?

— Оказаться в Политбюро. Степень вероятности бесконечно мала.

— Ну, а повернуть дело?

— Если окажусь в Политбюро, такая вероятность несколько большая, но и риск бесконечно больший. Но тогда бы я уж на него пошел, правда, не сразу… Иначе ведь жизнь потеряла бы смысл, если человеку выпала бесконечно редкая судьба, то надо оказаться достойным ее. Не попытаться использовать ее — это уже преступление».

«Невозможное» случилось: Кулаков был вызван в Москву, стал секретарем ЦК и членом Политбюро. Во второй половине 70-х годов в кремлевском истеблишменте рассказывали о независимости и принципиальности Кулакова — качествах крайне редких на партийном Олимпе. Один из журналистов «Правды» назвал его даже «вторым Хрущевым», и тут же добавил: «…но без его закидонов».

В это время Брежнев был уже тяжело болен, в январе 1976 года кремлевским врачам с трудом удалось вывести его из состояния клинической смерти… Именно в это время было решено с почетом отправить Брежнева на пенсию, а на его место назначить Кулакова.

По другому, более позднему варианту московских слухов, за Брежневым должны были сохранить только что обретенный им номинальный пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, а пост Генерального секретаря партии передать Кулакову. Слухи успели пересечь океан и проникнуть в американскую прессу («Нью-Йорк тайме», 5 января 1975 г., «Крисчен сайенс монитор», 30 июля 1975 г. и т. д.).

Но предсказаниям одних и надеждам других не суждено было сбыться.

В ночь с 16 на 17 июля 1978 года Федор Кулаков, как сообщил ТАСС, «скончался от острой сердечной недостаточности с внезапной остановкой сердца». Одновременно КГБ распространяет слухи, что крестьянский сын Федор Кулаков после неудачной попытки захватить власть перерезал себе вены.

Люди, близко знавшие Кулакова, опровергали оба сообщения, утверждая, что он был здоров как бык, не знал, что такое

головная боль либо простуда, был неисправимым оптимистом. Детальный и в то же время путаный отчет специальной медицинской комиссии во главе с главным кремлевским врачом Евгением Чазовым вызвал еще большие подозрения. Они были косвенно подтверждены тем фактом, что ни Брежнев, ни Косыгин, ни Суслов, ни Черненко не явились на похороны своего коллеги по Политбюро — случай беспрецедентный в разработанном до мелочей церемониале похорон на Красной площади. По Москве поползли зловещие слухи о том, что в Кремле появился убийца, который сам метит на место больного Брежнева.

А осведомленный лондонский «Совьет Аналист», который за несколько дней до загадочной смерти Кулакова предсказывал, что именно он сменит Брежнева на посту генсека, спустя два дня после гибели неудачливого претендента на кремлевский престол заканчивал свой, скорее криминальный, чем политологический, анализ естественным в данном случае вопросом: кто следующий?

«Следующего» долго ждать не пришлось — именно с Кулакова начинается кампания Андропова по политическому либо физическому устранению соперников и врагов. Это время загадочных опал и не менее загадочных смертей. Из этой многочисленной группы «устраненных» номенклатурщиков следует особо выделить четверых членов Политбюро, которые активно обсуждались в партийных кулуарах и на страницах западной прессы в качестве кандидатов на высшую власть: удаленных из руководства без видимых на то причин Кирилла Мазурова и Андрея Кириленко, а также погибших Петра Машерова (в автомобильной катастрофе) и Федора Кулакова.

Что касается Кулакова, с которого началась эта «цепная реакция», то трудно сказать, действительно ли он замышлял переворот, когда главные кремлевские вожди во главе с Брежневым проводили свои отпуска на пляжах Черного моря и Андропов как шеф тайной полиции его вовремя пресек, или же последний просто устранил опасного соперника, к которому власть сама шла в руки без всякого переворота. Увы, нам это неизвестно, и вряд ли кому станет известно, несмотря на объявленную гласность.

19 июля на похоронах Кулакова на Красной площади, где демонстративно отсутствовали кремлевские лидеры, с надгробным словом об умершем выступил его ставропольский, а вскоре и московский преемник Михаил Горбачев. Это его первое выступление с трибуны ленинского Мавзолея прошло незамеченным. Спустя семь лет, на похоронах другого его предшественника, Константина Черненко, Горбачеву будет внимать весь мир.

Такова ирония судьбы: смерть Кулакова помогла Горбачеву больше, чем его покровительство, в Кремле освободилось то единственное место, на которое Горбачев мог претендовать, — пост секретаря, по сельскому хозяйству. В тесный круг кремлевской элиты, редко доходящий до дюжины лиц, Михаил Горбачев попал благодаря не собственным интригам, а чужим — своего нового патрона Юрия Владимировича Андропова. Именно Андропов устроил Горбачеву встречу с Брежневым на железнодорожной станции Минеральные Воды. Здесь в келейном порядке и было все решено.

При умирающем Андропове Романов и Горбачев были единственными претендентами на пост руководителя партии, а значит, и страны. Оба — секретари ЦК, оба сравнительно молоды (хотя и с разницей в 8 лет).

О чем думал Андропов, давая им параллельные, равные посты и уже тем самым невольно сталкивая друг с другом?

Если Горбачев благодаря своему покладистому характеру и искусному приспособленчеству был всеобщим любимцем в Политбюро, хотя некоторые и догадывались о его роли в «медуновском» деле, то Романов, напротив, многих смущал своей резкостью и жесткостью.

Романова, которому все доставалось его собственными, иногда тяжкими трудами, не мог не раздражать такой баловень судьбы, как Горбачев. Будучи в Политбюро на 4 года дольше Горбачева, Романов попал в столицу на 5 лет позже его, что не мешало ему смотреть на соперника свысока: Романов был как-никак ленинградцем. Уклончивость и покладистость Горбачева также вызывали глухое раздражение у прямолинейного и невежливого Романова.

Мертвый Андропов лежал в щедро убранном цветами и венками открытом гробу в Колонном зале Дома союзов — на том самом возвышении, где 15 месяцев назад покоился его предшественник и где спустя еще 13 месяцев будет лежать его преемник, и десятки тысяч москвичей проходили мимо, чтобы отдать последний земной поклон, и многие искренне плакали, тогда как на панихидах Брежнева и Черненко не плакал никто, если не считать прямых родственников. А в это время шла борьба за оставленный Андроповым пост генсека.

Согласно протоколу, ежедневно наведывались к гробу и члены Политбюро, чтобы, постояв несколько минут в торжественном карауле, вернуться к сложным закулисным маневрам. Один раз в частном порядке зашел и земляк покойного Михаил Горбачев и недолго, как-то по-семейному посидел у гроба с вдовой покойного Татьяной Филипповной, Игорем и Ириной

Андроповыми, подтвердив тем самым перед миллионами советских и зарубежных телезрителей личную преданность своему покровителю, без которого он бы, скорее всего, по сию пору прозябал в глухой провинции.

Многие на похоронах не просто радовались, а открыто ликовали. Увиденное повергло Раису Горбачеву в шок…

Мы не знаем — и скорее всего никогда не узнаем — всех подробностей политической дуэли Романова и Горбачева у гроба их общего патрона. Достоверно известно только, что Гейдар Алиев, Виталий Воротников, Николай Рыжков, Егор Лигачев и шеф КГБ Виктор Чебриков пытались урезонить кремлевских дуэлянтов, призвать их к разумности, уступчивости и альтруизму. Не тут-то было! Оба оправдывали свои бескомпромиссные позиции не личным честолюбием, а высокими идеалами: Романов боролся под популярными знаменами неосталинизма, национал-шовинизма и имперства, в то время как Горбачев, будучи идеологически скорее нейтрален, предлагал укрепить отживающую свой век империю с помощью скромных, паллиативных экономических реформ, частично памятных ему с бурных хрущевских времен, а частично заимствованных у своих учителей Федора Кулакова и Юрия Андропова. Оба выступали спасителями Отечества и ни один не собирался уступать.

Романову удалось еще больше усилить свои позиции благодаря отсутствию Горбачева в решающий момент борьбы за власть, когда в связи со смертью министра обороны Дмитрия Устинова и ухудшением здоровья Константина Черненко политический баланс в Кремле был нарушен. Узнав о последних событиях в Москве, Горбачев прервал свой визит в Англию и немедленно вылетел в Москву.

Председателем траурной комиссии был объявлен Григорий Романов. В отсутствие тяжелобольного Черненко он возглавлял процессию членов Политбюро на всех траурных церемониях и стоял во главе членов Политбюро на ленинском Мавзолее.

…Но выдержанный Горбачевым экзамен в Великобритании окончательно склонил на его сторону Андрея Громыко, для которого, в силу его профессии, дипломатическое мастерство и умение расположить к себе иноземцев были единственными критериями оценки политического лидера.

…Вопрос о новом Генеральном секретаре был решен окончательно, когда в дело вмешался КГБ в лице его председателя Виктора Чебрикова, хотя он был только кандидатом в члены Политбюро. Именно его голос решил дело в пользу Горбачева. Произошло это еще при живом, хотя и умирающем Черненко.

Падение Романова показало, как близок он был к кремлевскому престолу. Роковой ошибкой Романова было то, что, опираясь на маршала Огаркова, он переоценил роль армии и одновременно недооценил роль КГБ и его количественный и качественный перевес над всеми остальными центрами власти.

Горбачев был объявлен Генеральным секретарем с беспрецедентной скоростью — через четыре часа после сообщения о смерти Черненко.

При восшествии на престол он произвел весьма благоприятное впечатление. Видеть на посту генсека ЦК не мумию, а вполне нормального человека было непривычно.

* * *

На Западе чувство симпатии и доброжелательного интереса к новому лидеру СССР довольно быстро перешло в любовь, любовь столь страстную, что ее стали называть «горби-манией», не отдавая себе отчета в том, что любая мания есть патология. Он избавил Европу от страха перед танками и ракетами.

Народ и Генсек

Отношения Горбачева со своим народом с самого начала складывались не столь благополучно. В первые два года многие, подавив недоверие ко всему, что исходит из Кремля, склонны были соглашаться с Западом. Но ведь мы, в отличие от Запада, видели не только и не столько освобождение Европы, сколько нарастающий хаос и рост напряженности. Дольше всех сохраняла ему верность либеральная интеллигенция, получившая от него то, о чем мечтала — свободу слова.

«Сейчас ругать генсека легко, — говорил поэт Давид Кугультинов, — никто не посадит, а глядишь, еще политический капитал приобретешь. Мне в моем возрасте такой капитал не нужен. Я считаю Горбачева одним из тех людей, чье имя останется в истории человечества…» Реформы в конечном итоге разбились о средний уровень массового сознания. Об этом хорошо сказал Лев Троцкий: «Быстрые изменения массовых взглядов и настроений в эпоху революции вытекают… не из гибкости и подвижности человеческой психики, а наоборот, из ее консерватизма. Хроническое отставание идей и отношений от новых объективных условий, вплоть до того момента, как последние обрушиваются на людей в виде катастрофы, и порождает в период революции скачкообразное движение идей и страстей, которое полицейским головам кажется результатом деятельности демагогов».

Главная заслуга Горбачева — это, разумеется, гласность. Он пишет:

«Гласность — это также возвращение с «полок» запрещенных к показу фильмов, публикаций острокритических произведений, переиздание в стране практически всей «диссидентской» и эмигрантской литературы.

Пробным камнем стали, пожалуй, романы Рыбакова «Дети Арбата», Дудинцева «Белые одежды», Бека «Новое назначение».

Анатолий Рыбаков прислал мне письмо, а затем и рукопись. В художественном отношении она не произвела большого впечатления, но в ней воспроизводилась атмосфера времен сталинизма. Рукопись прочли десятки людей, которые стали заваливать ЦК письмами и рецензиями, представляя книгу «романом века». Она стала общественным явлением еще до того, как вышла в свет. Располагало и имя автора, с творчеством которого я был знаком по «Екатерине Ворониной» и «Тяжелому песку». В общем, я считал, что книга должна выйти в свет, поддержал ее и Лигачев. Эпизод с романом Рыбакова помог

преодолеть опасения последствий разоблачения тоталитаризма.

К такого рода преодолениям относится и реакция руководства на кинофильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние». Он создавался под «прикрытием» Шеварднадзе, появился на экране сначала в Доме кино для «узкого круга», потом начал демонстрироваться в других закрытых залах. Фильм произвел впечатление разорвавшейся бомбы, стал явлением не только художественным, но и политическим. Идеологи предлагали обсудить в Политбюро, пускать ли его в широкий прокат. Я воспротивился, считая, что вопрос этот должны решать сами кинематографисты, творческие союзы. Там только этого и ждали. Так был установлен прецедент, и скоро с полок посыпались произведения, задвинутые туда цензурой…»

О перестройке

«Перестройка для меня началась в Ставрополе в 1970 году», — скажет Горбачев.

А не годом ли раньше, там, в не принявшей его Праге? В городе, так живо помнившем советские танки? «В 1969 году мы ходили в Брно по оборонному заводу, и я чувствовал себя, словно мы в мебельном магазине, среди мебели ходим… Настолько все мертво. Это и был, по сути, переворот…»

«Изменения и улучшения в России могут произойти лишь от внутренних процессов в русском народе», — писано Бердяевым в 1947 году.

«Мы со Зденеком Млынаржем ведем диалог и записываем его. Пытаемся разобраться сами в себе. По-моему, это должно быть важно. Для нас самих».

И далее из книги М. С. Горбачева: «…Сила бюрократии в тайне. В тайне же состояла и сила старого, тоталитарного строя. Чтобы разрушить эту силу, открыть людям правду и тем самым расчистить путь к сознательному политическому действию, нужна гласность. Политика гласности пробивала себе дорогу с трудом, через сопротивление старых структур и привычек».

Причем на Западе гласность получила большее признание, чем в России. Раиса Максимовна так описывает одну из встреч советской делегации за рубежом:

«Италия. Земля Данте и Петрарки. Россыпи памятников великой культуры. Соборная площадь Милана: мраморный, удивительно красивый ажурный собор. И столь же удивительный и незабываемый всплеск чувств многих и многих тысяч собравшихся здесь людей. Миланцы приветствуют Михаила Сергеевича и делегацию. «Горби, Горби, Горби!» — несется над площадью. Э. А. Шеварднадзе и я — рядом. Мы отстали от Михаила Сергеевича и пробиваемся через плотную массу народа. Смотрю на него: на глазах у него, как и у меня, слезы. «И ради этого, — сказал он мне тогда, — тоже стоило начинать перестройку…»

«Что оно с нами-то будет?»

Эх, страна-самородок, кто тебя выдумал? Неслась душа твоя птицей-тройкой по бескрайним просторам, да забуксовала в грязи.

Мужичонка — невзрачный на вид, но крепенький, с обветренным лицом, стоял как влитой на широкой проселочной дороге. Изъезженной колесами телег, так похожий на Владимирку Левитана. И, сдвинув кепку на затылок, ерошил волосы мозолистой пятерней: «Щось оно будэ?» да все вглядывался в небо. Кто его только не наказывал и не обводил вокруг пальца?

Руль управления Державой был брошен и болтался на ветру, словно флюгер. Власть сама шла в руки. Отчего было не предпринять такую попытку тем, кто к ней стремился?

Система рождалась ночью. Вьюжной февральской ночью на одной из конспиративных квартир Рабочего Подполья. Оповещали только своих, опасаясь провокаторов. Приглашали послушать «приезжего волжанина». Внешне все это должно было выглядеть вполне невинно — молодежь празднует масленицу, угощается блинами… Все были прекрасные конспираторы — свои тайны Система умела хранить с самого начала. Пришла сюда ради волжанина и дочь губернского чиновника — девушка с густой длинной косой. Так же, как и все остальные, она слушала этого молодого человека затаив дыхание. Только теперь наконец-то она обрела то, чего так долго искала: смысл жизни. И возможность применить свои недюжинные способности в деле. Знакомство позже переросло в деловой и семейный союз…

Волжанин для победы Мировой революции нуждался именно в такой подруге — сильной, стойкой и терпеливой. Через 20 лет с небольшим они окажутся первыми лицами государства, которое сами же и построили.

Но скоро Волжанин обратился в мумию. Став ею, родил не только Номенклатуру, но и Погост.

И снова наступила глухая ночь, нетронутая весной. Из белокаменной, из бывшей резиденции царей, вновь потянуло запахом тления. Властители Державы спешили уйти с грешной земли — один за другим… Мгла выдалась студеной, повсюду еще лежал снег. И совсем другие женщина и мужчина смотрели на звезды и говорили о Кожаном Кресле…

Завтра утром решалось, станет ли он, один из Больших чиновников, подающий надежды, Первым. А вчера один из Больших чиновников повторил вслед за кем-то из мужиков: «Так дальше жить нельзя». Круг истории замкнулся.

Первую женщину Революции звали Надеждой. Последнюю — Раиса от слова «рай».

…Рождались и умирали властители. А мужичонка так и застыл, как раньше, на проселочной дороге, со своим вечным вопросом, обращенным к небу; впиваясь в него своим острым взглядом: «Щось оно будэ?»

О Ленине и социализме

Анн Сенклер развивала тему: «Вы изменились. От чего наиболее важного Вы отказались? От чего было труднее всего отказаться? Готовы ли Вы отказаться от Ленина на Красной площади и готовы ли Вы к переносу тела Ленина в другое место?»

— Я исповедую социалистическую идею. В христианстве тоже вижу стремление к лучшей жизни. Вижу ее в исканиях Кампанеллы, Томаса Мора и других мыслителей, в разных общественных течениях. Пока люди думают о своей судьбе, о смысле пребывания в этом мире, они будут продолжать искать ответы на вопрос, как улучшить жизнь. Если они перестанут искать, они перестанут быть людьми. Я лично думаю, что это — самое главное в социализме. Это — поиск лучшей жизни, более справедливой. Я — за такой поиск. В этом смысле я неистребимый социалист. Глубоко уважаю Ленина и знаю драму этого человека. И в словах, сказанных им, в его последних словах о том, что он изменил точку зрения на социализм коренным образом, мы видим, что этот великий человек осознал, увидел под конец жизни, что происходило под его руководством, что происходило такое, чего он никоим образом не хотел и не должен был делать, будучи социалистом.

Знаю очень много фактов, которые могут сделать Ленина менее популярным, но это не снимает того, что он был величайшей фигурой, великим мыслителем, выдающимся политическим деятелем. Даже его ошибки служат важным уроком.

А что касается Мавзолея… знаете, я вообще категорически против каких бы то ни было актов вандализма, особенно гробокопательства.

Когда я нахожусь в Испании и вижу памятник Франко, понимаю испанцев, потому что это — их история. У нас тоже своя история состоялась. И Ленин является ее частью. Если бы я жил в то время, если бы участвовал в принятии решения, я бы был на стороне тех, кто хотел, чтобы тело Ленина, его прах был захоронен по-русски.

Горбачев неоднократно сетовал на недостаточную научную, теоретическую базу для своих преобразований. И повторял вслед за Лехом Валенсой: «Никто не знает пути из социализма в капитализм».

«Социалистическая идея не должна основываться на чистом отрицании, иначе она посрамит саму себя», — предупреждал Бердяев.

Горбачев в «Перестройке…»: «…уже не раз приходилось говорить, ссылаясь на Ленина, что если браться за частные вопросы, не уяснив общего, будешь все время натыкаться на это общее. С самого начала — и на июньском Пленуме 1987 года первостепенное значение мы придавали концептуальному подходу».

Две тенденции отношения общества к реформам великолепно выразил польский писатель С. Лем. Свою — оптимистическую, и другую — пессимистическую.

«Я уверен, — сказал известный фантаст Станислав Л ем, — что когда Михаил Горбачев начинал перестройку, он понятия не имел, к чему это приведет».

Историк Михаил Геллер пишет в парижской «Культуре», что он вообще ни во что не верит, что перестройка — это пыль в глаза… ничего не будет, все останется по-прежнему. Перестройка, мол, это шаг назад, чтобы потом сделать два шага вперед в прежнем направлении…

А я верю, что — будет! Просто сам не знал, как все делать, не было у него конкретной программы, он действовал методом проб и ошибок.

Скажем, такой советский диссидент, как Александр Зиновьев, который получил опять советское гражданство, написал книгу «Homo soveticus». В ней он утверждал, что в Советском Союзе никогда ничего не изменится, что никогда ничего демократического быть не может, что все закованы в панцири».

Что получилось в итоге — судить сегодня нам.

«Мы хотели лучшего…»

Один из помощников Горбачева, Печенев, считает, что если оттолкнуться от известных строк поэта: «Я не рожден, чтоб три раза Смотреть по-разному в глаза…», то М. С. Горбачев, наоборот, похоже именно для этого и был рожден. По одному вопросу он за три-четыре года менял свою позицию по крайней мере трижды.

Помню, где-то в начале апреля 1984 года на Политбюро ЦК КПСС встал вопрос об избрании нового Генерального секретаря партии и Председателя Президиума Верховного Совета СССР, т. е. главы государства (приближалась очередная сессия Верховного Совета СССР). Неожиданно председательствующий Черненко сказал: «А может, не стоит, товарищи, совмещать мне эти посты? Может, кого другого изберем?» Наступившую паузу быстро заполнил именно Горбачев. Он встал и с энтузиазмом, убежденно и убедительно произнес примерно следующее: «Товарищи! Я, конечно, высоко ценю скромность Константина Устиновича. Но, вспомните, ведь еще Ю. В. Андропов поднимал этот вопрос, и мы тогда немного повременили с его назначением на пост главы государства. Так что мы испробовали и тот и другой вариант. Но потом жизнь показала, что совмещение постов — необходимо».

Товарищи по Политбюро дружно поддержали Горбачева. Так что через несколько дней именно он, выступая по поручению ЦК КПСС на сессии Верховного Совета СССР, и пропев предварительно все необходимые в таких случаях дифирамбы по адресу Черненко… под продолжительные аплодисменты депутатов заявил, что ЦК КПСС «в обстановке полного единодушия признал необходимым, чтобы Генеральный секретарь нашей партии К. У. Черненко одновременно занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР». И, разумеется, убедительно обосновал это, ссылаясь на статью шестую брежневской Конституции СССР о руководящей роли КПСС (она была отменена в 1990 году), а также, понятно, «опираясь на нашу многолетнюю практику».

Через год с небольшим М. С. Горбачев, уже укрепив свои позиции в Политбюро и убрав из него трех своих главных конкурентов, выступая на очередной сессии Верховного Совета СССР, высказал мысль, что «дальнейшее укрепление руководящей роли партии в обществе», а также новизна стоящих перед нами задач требуют, чтобы генсек сосредоточился на организации работы центральных органов партии и не занимал высшего поста в государстве. Сессия единодушно одобрила и эту мысль и под продолжительные аплодисменты по его предложению избрала

(правда, ненадолго) Председателем Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко.

А через два с небольшим года, исходя из руководящей роли КПСС в обществе (статья шестая еще не была отменена), важных задач осуществления политической реформы, в том числе по разделению функций партийных и советских, государственных органов, XIX Всесоюзная партийная конференция (в июле 1988 года) в целом одобрила мнение Политбюро ЦК КПСС о необходимости… совмещения должности Генерального секретаря ЦК КПСС с должностью главы государства, полномочия которого предлагалось расширить, а сам «высочайший» титул именовать так: Председатель Верховного Совета СССР. Им после ухода Громыко в октябре 1988 года стал весной 1989 года М. С. Горбачев, а затем, через год, он был избран — правда, не народом, а лишь съездом народных депутатов СССР — уже и первым президентом. Против чего всего лишь год назад он энергично возражал. На XIX Всесоюзной партконференции М. С. Горбачев был против президентской формы правления, полагая тогда, что «она в условиях нашего многонационального государства неприемлема и не демократична, поскольку слишком большая власть сосредотачивается в руках одного человека» (XIX Всесоюзная конференция КПСС. Стенографический отчет. Т. 2. М, 1989).

Японская студентка спросила как-то Горбачева: «Гласность, демократия… А ведь это обернется тем, что в один момент будут выборы президента, и вас не переизберут. — Я говорю: «да». Абсолютно честно. Это глубокое убеждение. Для меня это самая большая победа. Значит, действует демократический процесс. А то, что сегодня я, а завтра вы, или кто-то — это не столь существенно…»

Уже в 1987–1988 годах Горбачев и его единомышленники стали употреблять понятие «общечеловеческие ценности», но делали это весьма неуклюже, так что в их истолковании эти ценности все равно превращались в социалистические. Провозгласив в качестве общечеловеческих ценностей рынок, плюрализм, правовое государство, затем говорили, что в СССР необходимо утвердить «социалистический рынок», «социалистический плюрализм», «социалистическое правовое государство» Почерпнув общечеловеческие ценности из практики буржуазно-демократических государств, открещивались как от наваждения от заемных «буржуазных» ценностей и пытались доказать их кровную связь с идеалами Ленина!

В беседе с корреспондентом «Униты» в мае 1987 года Горбачев не оставлял на этот счет никаких сомнений: «Попутно

замечу: в буржуазной прессе идущий у нас процесс демократизации толкуется превратно. Видно, кому-то очень хочется убедить своих читателей и слушателей в том, будто в Советском Союзе вознамерились наконец-то приблизиться к той демократии, которая на Западе. Дело обстоит, я бы сказал, совсем наоборот. Мы развиваем изначальную суть ленинских принципов советского социалистического демократизма с учетом накопленного политического и культурного потенциала советского общества и народа. Социалистическая демократия — и наша цель, и наше условие, и мощное средство перестройки».

И чем больше Горбачев клялся в верности марксизму, тем больше обнаруживалась практическая нереализуемость последнего. В России 1987 года марксистский идеал социализма оставался таким же «журавлем в небе», как и в России 1917 года.

Все экономические преобразования, предложенные Горбачевым — опережающее развитие машиностроения, антиалкогольная кампания, госприемка, школьная реформа, возвышение трудовых коллективов, — были на поверку только вариантами командно-административного социализма и мало чем отличались от волюнтаристских начинаний Хрущева начала 1960-х годов.

И только политические реформы, а среди них особое значение имели развитие гласности и закон об альтернативных выборах 1988 года, сдвинули Россию с мертвой точки. Укоренившийся идеологический и политический плюрализм стал высшим достижением Горбачева и тем рычагом, благодаря которому было перевернуто советское общество. Но этот переворот необычайно быстро создал смертельную опасность не только для командно-административной системы, но и для самого Горбачева.

Вопреки замыслам Горбачева и в соответствии с логикой социально-исторического развития, идейно-политический плюрализм очень недолго оставался «социалистическим». Уже в 1989 году, а в полной мере в 1990, значительная часть «шестидесятников» и еще большая часть людей, сформировавшихся в 70-е и 80-е годы, предпочли «социализму с человеческим лицом» либерально-демократические ценности западной цивилизации.

Выбор, совершенно неожиданный для Горбачева, был предопределен обыкновенным здравым смыслом: «социализма с человеческим лицом» еще никогда не существовало, в то время как либерально-демократическая западная цивилизация обеспечивала благополучие среднему классу и социальную защиту слоям населения с низким уровнем жизни, и в конечном

итоге — процветание всему обществу.

Этот выбор был обусловлен и примером восточноевропейских государств — на протяжении последних десятилетий они составляли систему «сообщающихся сосудов» с СССР.

Идеологическая эволюция Горбачева была поразительной и для лидера такого государства беспрецедентной. Что было ее первопричиной: внутреннее саморазвитие или желание приспособиться к демократическому процессу, который продвигался вперед намного быстрее инициатора перестройки? Очевидно — второе. И это обстоятельство объясняет, почему Горбачев перестал быть лидером процессов преобразования страны: «догоняющему» эта роль не по плечу.

Совершенно очевидно также, что полного слияния Горбачева со стихийно сложившимся демократическим движением не произошло и не могло произойти. Последнее все больше приобретало антикоммунистический характер. Для Горбачева это было неприемлемо.

В 1989–1991 годы Горбачев из просто коммуниста превращается в коммуниста, социал-демократа и либерала одновременно. В конце 1989 года в своей статье «Социалистическая идея и революционная перестройка» (Правда. 1989. 26 ноября) он включил ценности, бичевавшиеся прежде как «буржуазно-либеральные», в ряд общечеловеческих. Их надлежало перенять социализму: «В ажиотаже прямолинейного противостояния капитализму мы явно недоучитывали значение многого, что выработано человечеством на протяжении веков. К числу таких достижений цивилизации относятся не только простые нормы нравственности и справедливости, но и принципы формального права, т. е. равенства всех перед законом, права и свободы личности, принципы товарного производства и эквивалентного обмена, основанные на действии закона стоимости». Он одобрил использование достижений социал-демократии: «Накопленный социал-демократией богатый, разносторонний, хотя и неоднозначный, опыт мы с интересом изучаем, стремясь использовать в нем то, что подходит к условиям нашего общества».

Горбачев впервые указал на ошибки теоретического прогноза Маркса: «Сейчас мы можем сказать, что Маркс недооценил возможности саморазвития капитализма, который смог ассимилировать достижения научно-технической революции и сформировать такие общественно-экономические структуры, которые обеспечили его жизнеспособность, создать в странах развитого капитализма относительно высокий уровень благосостояния большинства населения, что, разумеется, не

отменило его глубоких внутренних противоречий».

Конечно, на общем фоне отрицания марксизма радикал-демократами подобная критика выглядела весьма робко, но для лидера КПСС она была тогда невероятно смелой.

В 1991, накануне своей отставки, Горбачев скажет: «Когда я стал генеральным секретарем, запас власти был так велик, что его хватило бы до конца дней моих. Не посчитавшись с этим, я начал перестройку».

Да, он не раз подчеркивал это. Но здесь он лукавит — иначе бы не стал возвращаться к вопросу о расширении полномочий генсека…

Да, перестройку начал он. Но рядом была женщина, которая не только приняла, но и разделила это всей своей жизнью…

Егор Яковлев: «Лишь однажды довелось мне побывать в доме у Горбачевых. Михаил Сергеевич пригласил меня вместе с Александром Николаевичем Яковлевым, и были мы с женами. В тот вечер Раиса Максимовна обронила, словно разговаривая сама с собой: «Мы всегда хотели лучшего, и делали для этого все, что могли. Неужели это непонятно?» Тягостно, когда вопрос, обращенный к самому себе, для тебя же остается без ответа».

* * *

Крайней формой административно-командной Системы является тоталитарная тирания. Как и в первобытных племенах, самым сильным страхом номенклатуры становится страх перед административными «джунглями», особенно в период становления Системы. На этом этапе культ личности заменяют вполне античные юбилеи, приношения, оды, бюсты в честь Вождя и мифы о его подвигах.

На другом полюсе Системы оказалась Перестройка, в которой на всех уровнях номенклатурные корпорации продолжают делить блага, приносимые свободными людьми вне командных консорций. Перестройка дополнила общий закон инверсии законом мимикрии. Она развивала все внешние формы Системы. Но вот только действовали они с точностью до наоборот. И поэтому Перестройку лучше всего изучать по Ильфу и Петрову, показавших нам чисто административную Систему времен нэпа.

Не только подпольный миллионер, но и сам Ос-тап Бендер не может войти в подпольные фирмы, которых нет. Перестроечная борьба с Корейко возможна, если только Остап возглавит «липовую» фирму «Рога и копыта». А бессмертный образ зиц-председателя Фунта! Мелькать. Демонстрировать «принятие

решений». Вот его задача. Его богатый опыт, судя по дням сегодняшним, берут на вооружение все новые и новые лица… Профессионал ведь в своем деле, ничего не скажешь…

Реальные же лидеры — в тени, о них, как о мертвых, либо хорошо, либо ничего.

Основной закон корпораций, собранных в Систему, следует из аналога физического принципа Гейзенберга, утверждающего невозможность одновременного управления энергией и информацией. Но из него же следует и невозможность одновременного членства в номенклатурной корпорации и лидерства в консорции, призванной ее изменить.

Август

Августовские события продолжают находиться в поле обостренного внимания нашей и мировой общественности. Предпринимаются серьезные попытки проанализировать ход и смысл происшедшего, причины и следствия. К сожалению, есть попытки иного рода — превратить эти события в предмет легковесных спекуляций для высвобождения низменных чувств и нездоровых настроений.

«Известия» писали: «Да окажись в Форосе журналисты, вся ложь развеялась бы в одно мгновение!..»

Горбачев не мог не размышлять о первопричинах тех или иных политических потрясений:

«Для старой России бедой, из-за которой Февральская революция зашла в тупик, а замысел Октябрьской революции провалился, была неграмотность миллионных масс, а значит, их отлученность от политики. В определении судеб страны они выступали как материальная сила, легко управляемая с помощью примитивных средств. Была возможность манипулировать массами…

Бедой Советского Союза оказалось то, что народу дали грамотность для того, чтобы навязать ему искусственную схему развития, возбудить ненависть ко всему, что не похоже на эту схему, изолировать от внешнего мира, от прогресса цивилизации. В результате в стране манипулировали политические авантюристы, для которых смыслом жизни была безраздельная власть, беспрекословное подчинение людей их воле, вопреки нормам морали и правам человека».

(Покаяние КПСС перед народом не состоялось. Показательный суд, превратившийся в фарс, не в счет. — Е.В.)

«Меня не оставляет мысль, что не будь сталинского термидора в середине 20-х годов, предавшего и поправшего идеи Великой революции, подлинно народной и для народа, еще можно было направить страну по пути демократического прогресса, возрождения и экономического процветания, исправить ошибки и несправедливости, допущенные в ходе гражданской войны, залечить духовные раны.

Увы, произошло худшее, что можно было бы предположить. Хотя уже тогда в обоих лагерях — ив красном, и в белом — были сделаны поразительные по глубине пророчества на этот счет… Мы только в начале открытия самих себя…»

Из книги Владимира Медведева: «Плеханов назвал прибывших — Шенин, Бакланов, Болдин, Варенников. Перечень

имен исключал всякие подозрения, больше того — успокаивал. Во-первых, сам Плеханов — доверенное лицо Горбачева.

Шенин. Личность сама по себе интересная, неординарная. Горбачев прилетал к нему, когда тот был еще первым секретарем Красноярского крайкома партии. И встреча, и проводы были теплыми, дружескими. Горбачев взял его в Москву и поставил не куда-нибудь, а заведующим отделом орг-партработы, то есть доверил все кадровые вопросы. В Москве оба сохраняли близкие отношения.

Бакланов. Секретарь ЦК, ведал военно-промышленным комплексом, космосом. Со всякой информацией звонил Горбачеву… И во время отпуска Горбачева поддерживал с ним связь.

Болдин. Начальник аппарата президента. Весь повседневный календарь — у него. К Михаилу Сергеевичу входил прямо, без доклада.

Генерал Варенников. Тоже из ближайшего окружения. Все — свои. Самые, самые свои.

Мне кажется, какой-то предварительный разговор о том, чтобы ввести в стране чрезвычайное положение, у них с Горбачевым был, может быть, в самой общей форме. Ведь они прилетели не арестовывать президента, а договориться с ним, уговорить его поставить свою подпись. Раз летели, значит, надеялись. Что же, в итоге не сошлись в формах и методах?… Чрезвычайное положение обещало и чрезвычайные полномочия. Так было в июне, когда глава кабинета министров В. Павлов, при поддержке Язова и Крючкова, пытался вырвать у Верховного Совета чрезвычайные полномочия. Так было и днем 18 августа.

…Тут еще и подвела отчужденность с охраной и вечная привычка советоваться с Раисой Максимовной.

Если бы Михаил Сергеевич хотел изменить положение!

Смешно, хотя и грустно: ни об угрозе жизни, ни об аресте не могло быть и речи. Прощаясь, обменялись рукопожатиями. Делегация вышла от Горбачева хоть и расстроенная, но, в общем, довольно спокойная: не получилось, и ладно, они этот исход предполагали. Что будет дальше, не знали ни Горбачев, ни те, кто к нему пожаловал.

Какая там физическая угроза устранения… Даже душевный покой президента в тот день не нарушили. Мы улетели, а он отправился… на пляж. Загорал, купался. А вечером, как обычно, — в кино».

Из всех интервью с Горбачевым, изученных автором этих строк, резко выделяется одно, с известным журналистом, Юрием Щекочихиным, в «Литературной газете». Неожиданно звучит это

признание Горбачева: «Каждый народ — это Божье явление». Больше такого упоминания о Боге от Горбачева мы не услышим нигде…

«И каждый народ — маленький или большой — это же Божье явление, и никто не вправе отказать народу, тем более малочисленному, в праве изучать и познавать себя. Плюс подавление инакомыслия и монополия на идеи».

Обозреватель «ЛГ» рассказывает президенту о своем расследовании, о роли КГБ и спецслужб в вильнюсских событиях, о том, что писал Горбачеву, пытаясь предупредить о возможности путча… Журналист направил Горбачеву письмо.

«— Пленум за пленумом — и все время изнурительные бои. Уже было видно, как поднимаются реакционные силы…

— Но я писал конкретно о Крючкове! Потом, спустя несколько дней, меня поддержали несколько академиков, направив вам письмо с аналогичными требованиями: Шаталин, Петраков, Арбатов, Рыжов.

…Требовали отставки Крючкова — как лидера будущих заговорщиков… Об этом сообщалось в газетах и в «Вестях». Может быть, до вас эти письма не дошли? Их от вас скрыли?

— Возможно. Но тема заговора все время возникала. Мне даже звонили руководители зарубежных правительств: к нам доходит информация, что будет переворот. — Кто, например, звонил?

— Вдруг срочный звонок от президента Буша: «Есть информация…» Ты извини, я не могу скрывать от тебя, должен сказать — может быть, это и несерьезно, но сегодня ночью будет переворот».

— Да все чувствовали, что они на это пойдут.

— Но все-таки и мы все свое дело сделали. Считаю, что свою миссию я выполнил: общество уже стало таким, что всякая попытка переворота была обречена. И потому думал, если у тех, кто намерен совершить переворот, присутствует хоть доля здравого смысла, даже ради собственных шкурных интересов они должны были просчитать на пять-шесть шагов вперед и понять: они будут посрамлены и разгромлены.

— Тем не менее, когда все случилось, это было для Вас неожиданным? Как Вы уже не раз говорили, Вы переживали не только из-за самой авантюры, а из-за того, что на нее пошли люди из Вашего близкого окружения.

— Безусловно. Я говорил и об огромном нравственном ущербе. Взять хотя бы того же Крючкова. Сейчас делаются попытки доказать, что это был ограниченный, недалекий человек…

— Ну нет… В результате работы комиссии по расследованию деятельности КГБ выяснилось, что он по-своему тщательно ко всему готовился. Так, стало известно, что постоянно прослушивались телефонные разговоры не только Яковлева и Шеварднадзе, но и людей из Вашего ближайшего окружения. Например, Виталия Игнатенко. Как мне стало известно, в сейфе Болдина были обнаружены целые тома записей разговоров Игнатенко с Яковлевым, Шеварднадзе, с Вами… Даже разговоры Лукьянова.

— И его подслушивали?

— Да. Не знаю, слушали ли разговоры в кабинете, в котором мы сейчас сидим?

— А черт его знает. Сейчас уже ни в чем нельзя быть уверенным, но тогда думал, что на это они не пойдут. Но я хочу продолжить о Крючкове лично. Для меня в значительной мере, помимо того, что знал я, имело значение, что его поддерживал Андропов… К Крючкову Андропов относился хороню, я поэтому его и взял. А где для этой сферы брать людей? Отношение Андропова к Крючкову было для меня критерием. Примитивизировать никого нельзя. Разве назовешь ограниченным человеком Крючкова, Лукьянова?

— Янаева я бы все-таки назвал.

— Янаева я знал не так хорошо. Но в конце концов дело не в этом. Главное все-таки — их политические позиции. Они почувствовали, что идет за новым проектом Программы партии, куда ведет ново-огаревский процесс, и в этой новой жизни они себя не видели. То есть выявились глубокие расхождения.

— Я до сих пор не понимаю, почему они полетели в Форос.

— Второй раз?

— Да, когда уже было все ясно. Зачем? Упасть в ноги? Или что? Я не вижу логики в этом поступке.

— Я тоже».

11 декабря. Виталий Третьяков:

«— Почему Вы не предприняли превентивные меры, получив через Бессмертных предупреждение от господина Бейкера о готовящемся путче, а президенту Бушу сообщили, что все спокойно?

— Для меня это сообщение не послужило новостью. Разве не видно было, как проходили последние партийные форумы, на которых постоянно провозглашали: «Долой Горбачева!» А последний пленум, где 32 секретаря составили протест против генсека?»

По мере того, как власть уходила от партии к народу,

сопротивление становилось более жестким.

«Самые последние события, — пишет Ельцин в своей книге «Исповедь на заданную тему». — По Москве бродят слухи, что на ближайшем Пленуме намечается переворот. Хотят снять Горбачева с поста Генерального секретаря ЦК КПСС и оставить ему руководство народными депутатами. Я не верю этим слухам, но уж если действительно это произойдет, я буду драться на Пленуме за Горбачева. Именно за него — своего вечного оппонента, любителя полушагов и полумер… Он единственный человек, который может удержать партию от окончательного развала…»

Клепикова: Командир группы «А» («Альфы») Виктор Карпухин вспоминает: «За каждым шагом Ельцина следили. Был готов к вылету спецсамолет, чтобы увезти его в неизвестном направлении. Но приказа штурмовать Белый дом так и не последовало. Путч оказался рецидивом скорее брежневизма, а не сталинизма».

Мы располагаем уникальным свидетельством начальника всего крымского филиала КЕБ Ивана Коломыцева. Оно было опубликовано спустя всего несколько дней после провала путча в экстренном выпуске крымской газеты.

На него была возложена ответственность за пребывание Горбачева в Крыму… Иван Коломыцев узнал о происшедших в Москве переменах, как и все советские граждане, рано утром 19 августа из телевизионных новостей. Естественно его беспокойство в связи с тем, что никаких специальных указании по секретным каналам он не получал.

Он немедленно связался с председателем КЕБ Украины, но оказалось, что и тот не получал никаких приказов из Москвы и велел Коломыцеву продолжать нести охрану Горбачева, но повысить бдительность и готовность с учетом непредсказуемой ситуации. Вконец изнервничавшись от всей этой неопределенности, Коломыцев стал связываться с другими родами войск, которые также были ответственны за безопасность президента. Товарищи из погранотряда сообщили ему, что никаких новых вводных они не получали и несут охрану президента в прежнем режиме. Особый отдел Черноморского флота тоже не имел никаких новых распоряжений, а моряки с кораблей береговой охраны и вовсе успокоили Коломыцева, рассказав, что видели в бинокли Горбачева, как ни в чем не бывало разгуливавшего по берегу. Потом стали поступать сообщения, что он подолгу плавает, что, конечно, было с его стороны легкомысленно, учитывая, что у него разыгрался радикулит. Однако Горбачев продолжал рисковать своим

здоровьем. После плавания с телохранителями он стал купаться с внучкой, что потом было подтверждено другими свидетелями и очевидцами, в том числе ближайшим помощником президента Георгием Шахназаровым. Судя по всему, московский переворот никак не нарушил покой Горбачева с женой, дочкой, зятем и внучками. При нем была вся обслуга и вся личная охрана, которой Горбачев, по его же более позднему признанию, дал приказ стрелять без предупреждения в любого.

«Но в таком случае получается, что президента СССР с его охраной никто не арестовывал?», удивляется корреспондент крымской газеты «Южный курьер».

…Мы знаем со слов самих Горбачевых — Михаила и Раисы, что личная охрана оставалась верна президенту. А майор из охраны дачи в Форосе в телепередаче «Взгляд» спустя несколько дней после путча прямо сказал, что «никакого домашнего ареста не было».

Тогда кто кого предал — заговорщики Горбачева или Горбачев заговорщиков? Где был главный пульт управления — в Кремле или в Форосе?

Конечно, причин для мандража именно 21 августа, когда путч выдыхался и был обречен, у Горбачева было более чем достаточно, даже в том случае, если он не был закулисным его режиссером.

…Даже если Горбачев был непричастен к заговору, он все равно несет всю полноту ответственности за им выдвинутых и ему подчиненных людей.

Сама идея чрезвычайных полномочий и чрезвычайного положения, так половинчато, кратковременно и бездарно материализованная во время путча, была давно выношенной, взлелеянной идеей самого Горбачева, его навязчивой идеей. Трудно сказать, когда она зародилась.

С резким падением горбачевского рейтинга и усилением ельцинского авторитета, с угрозой, а потом и реальным приближением прямых президентских выборов эта идея вызревала у Горбачева в нечто определенное и неизбежное: объективно — как единственная возможность самому удержаться у власти.

Недостаточно просто разобраться в августовских событиях, дегероизировать Ельцина и его соратников. Необходимо еще к этому хотя бы терминологически реабилитировать путчистов: из мировых злодеев — в обыкновенных людей…

Наш список опровержений постепенно растет — не было ни блокирования форосской дачи, ни отключения ее коммуникаций с миром, ни ареста Горбачева, ни его свержения. По сути, не было

никакого государственного переворота в его классическом смысле. А если был, то скорее превентивный в преддверии неизбежных свободных выборов президента, которым бы Горбачев ну никак не мог стать ввиду его непопулярности к этому времени по всей стране.

Что происходило со связью с Форосом? Есть данные в донесениях КГБ, что был приказ выключить телефоны во всех точках у Ельцина, а когда путч провалился, последовал соответственно обратный приказ: включить телефон Ельцина.

Аналогичных записей о выключении и последующем включении телефонов Горбачева нет. Несмотря на выключенный телефон, Ельцин в эти дни ухитрялся часами говорить по телефону — со своими родными, которых отговорил являться в «Белый дом» («Я в те дни мысленно навсегда уже простилась с Борисом Николаевичем», — скажет Наина Ельцина), с Собчаком, с Шеварднадзе…

Когда Беда и Волков (начальник управления правительственной спецсвязи КГБ и его заместитель) отказывали президенту США Бушу в разрешении на связь как с Горбачевым, так и с Ельциным, между Бушем и Ельциным уже была установлена регулярная телефонная связь. По словам его помощников, никогда Ельцин не говорил так много по телефону, как в эти три дня — с самым широким кругом абонентов: от самих путчистов до британского премьера Мейджора.

Отсюда следует, что не все системы связи у Ельцина были выключены.

Итак, завязка действия — разговор путчистов с Горбачевым вечером 18 августа и здесь же, в Форосе, его развязка — возвращение путчистов к Горбачеву с сообщением о провале заговора. Между ними — три дня интенсивных телефонных переговоров Кремля с Форосом.

Возвратившись в Москву, Горбачев неосмотрительно заявляет, что «никогда не расскажет обо всем». Выясняется, что он в сердцах обозвал путчистов мудаками.

Весь вопрос, когда он их назвал — и за что? Когда они доложили ему о готовящемся путче? Или когда стало ясно, что путч провалился? Почему Горбачев принял путчистов 18 августа и вел с ними регулярные переговоры 19 и 20 августа и почему отказался их принять 21 августа, предпочтя им прилетевших одновременно в Форос ельцинских гонцов?

В Минобороны и Генштабе задавались вопросом: каковы будут последствия введения войск в Москву? Язов тоже искал ответ на этот вопрос. Вице-президент «стратег» Янаев на одном из тайных совещаний в секретном объекте КГБ говорил, что

возмущенный политикой развала Советского Союза народ будет радостно приветствовать войска на улицах столицы. Убедил…

Для многих советских генералов развал страны стал личной трагедией, Язов стал первым из них. Генерал-полковник Леонид Ивашев признал:

— Разочарование… Пожалуй, так следует определить главную причину, заставившую министра обороны, уставника до мозга костей, выступить против Верховного Главнокомандующего. Разочарование в самом Горбачеве и в той линии, которую он вел. Она, по мнению Язова, провозглашенным некогда целям перестройки уже не соответствовала…

Через полтора года все обвиняемые по делу ГКЧП вышли на свободу.

Август-91 стал историей. И миллионы людей за это время поняли: вернуть ничего нельзя. Ни Союз, ни былые времена, какими бы притягательными они не казались…

Именно то, что Горбачев колебался, несколько странным образом и помогло как раз избежать кровопролития… Используя его политические колебания, пытались его скомпрометировать в глазах демократов. Так было в январе 1991-го, накануне событий в Вильнюсе. События в Литве стали репетицией путча…

К ним несколько туманным образом оказались причастны спецслужбы, о чем писал в своем журналистском расследовании «Литовская карта» в «Литературной газете» Юрий Щекочихин.

Примечательно, что здесь были образованы комитеты национального и общественного спасения, осуществлялся захват силами армии и КГБ объектов связи, телевидения, печати, предъявлялось требование о немедленном введении президентского правления. Этого требовал ЦК КП Литвы.

В последнем документе ЦК КП утверждалось, что урегулирование конфликта в Литве политическими методами уже невозможно, что наступил именно тот момент, когда на фоне ослабления саюдистского руководства и правительственного кризиса «введение в Литве президентского правления массового сопротивления не вызовет», и наоборот, дальнейшее промедление с введением президентского правления в Литовской ССР даст националистам время и возможность идеологической обработки населения, особенно политически незрелой молодежи, в шовинистическом духе…

«Кроме того, наши сторонники в случае задержки с принятием конструктивных решений могут утратить свой боевой дух и доверие к руководству Советского Союза», — подчеркивали коммунисты.

В своем письме Бурокявичюс представил детальный план

введения президентского правления. Он предусматривал приостановку деятельности Советов всех уровней, роспуск совета министров и передачу всей полноты власти в республике в руки президентского госсовета в составе 5–7 человек, который своим постановлением назначает уполномоченных ПГК в городах и районах, на предприятиях и основных объектах жизнеобеспечения.

В случае необходимости ПГК мог назначить любых других должностных лиц на территории республики. Кроме того, для оказания помощи ПГК в чрезвычайных ситуациях Бурокявичюс предлагал, чтобы Министерство обороны СССР назначило в республике собственного уполномоченного.

Этот сценарий государственного переворота в Литве был очень основательно и детально проработан. ЦК КП Литвы уже были подобраны кандидаты для включения в состав всех вышеперечисленных антиконституционных органов.

В письме также говорилось: «Нами продуманы и разработаны планы мероприятий:

а) в городах Вильнюсе, Каунасе, Клайпеде, Паневежисе определены объекты, подлежащие взятию под контроль, разработаны и планы их занятия, определены и ответственные за это лица;

б) установлены необходимые деловые контакты с представителями МО СССР, КГБ и МВД СССР и Лит. ССР, которые должны быть задействованы при введении президентского правления.

После введения президентского правления в крупных городах на территории Литвы вводится в действие Закон СССР о правовом режиме чрезвычайного положения от 3.04.90 г. Он будет реализован в той мере, в какой окажется возможным».

Как заявил на сессии Верховного совета СССР народный депутат от Латвии А. Дандзберг: «Опять компартии, опять вооруженные части против своего народа!»

За несколько месяцев до путча в Смоленской области собирались секретари комитетов КПСС городов-героев. Звучал как набат призыв — повести решительное наступление на хаос и беспорядок. Было принято обращение к коммунистическим организациям: «Мы отмечаем, что нерешительность, отдельные непродуманные действия президента СССР, одновременно являющегося и генеральным секретарем, подрывают авторитет партии и доверие к ней народа. Мы считаем необходимым немедленный созыв Пленума ЦК КПСС с отчетом руководства партии о сложившейся политической и экономической обстановке, на котором нужно наметить конкретные и реальные

пути выхода из кризиса».

Аналогичные заявления были приняты ЦК КП Белоруссии, на совещании секретарей обкомов КПСС Сибири и Дальнего Востока в Новосибирске. Особенно острая ситуация сложилась на апрельском (1991) объединенном Пленуме ЦК КПСС, где требование отставки Горбачева прозвучало в полную силу.

Экономика и политические игры

Задействованной в политической борьбе, увы, как всегда, оказалась и советская (пока еще) экономика. «Никогда еще тоталитарные режимы не опирались на общенародную собственность», — подчеркивал Горбачев. Не менее важны и показательны, чем военные, и финансовые «рычаги» путча. Его экономическая сторона. Не будем забывать: как раз тогда в стране уже фактически шел Большой Передел государственной Собственности. От КПСС она все дальше и все более мощными потоками уходила от народа к вновь созданным структурам. Их предварительной обкаткой стали кооперативы. (Ныне — АО, ТОО, ИЧП и т. д. Выше, над ними, финансовые олигархи.)

Горбачев сказал о приватизации: «Я понимаю, что это надо сделать. Но не могу. Делайте это без меня». И началось!.. Передел собственности — в масштабах всей державы.

Подготовка Скоковым и Малеем фронтальной приватизации в интересах регионально-отраслевой коалиции и реальная новоогаревская перспектива ее прихода на союзный уровень заставили потерявшую все иные шансы номенклатуру сплотиться вокруг союзного Минфина.

До сих пор Минфин и Госбанк выполняли вспомогательную роль при Госплане и Госстрое.

Состав ГКЧП отражает состав коалиции, похоронившей программу «500 дней», единственным содержанием которой было взятие финансовых рычагов. В тот момент лидером будущего ГКЧП был Павлов, занявший место союзного премьера и министра финансов. Далее: Язов, Бакланов, Ти-зяков, Стародубцев, чье лидерство строилось на участии в распределении финансов. Пуго и Ахромеев, судя по всему, были идейными защитниками прав номенклатуры. Плюс Янаев и Крючков.

В январе 1991 года лидерство Павлова исчерпалось, дело его жизни было сделано. Союзная финансовая система, о необходимости упразднения которой столько говорил Явлинский, разрушена. Обмен купюр стал сожжением моста через Рубикон, поскольку денежная реформа могла восстановить разрушенное.

После этого лидером гэкачепистов стал Янаев, известный как шеф Комитета молодежных организаций (КМО) при ВЛКСМ, а затем — председатель ВЦСПС. Лидер детей и внуков союзной номенклатуры, кончивших экономфак МГИМО или международное отделение экономического факультета МГУ.

Но оргработа была за Крючковым. Если вы думаете, читатель,

что он представлял интересы сотрудников КГБ, то ошибаетесь. Скорее, наоборот. На выборах 1989 года, по данным парткома КГБ, процент проголосовавших за Ельцина чекистов был выше, чем средние по Москве 90 процентов. Сразу после этого председателем КГБ назначается Крючков.

С задачей противодействия общим настроениям чекистов мог справиться лишь человек, защищающий более весомые интересы. Чтобы оградить номенклатуру и ее потомство от самих чекистов, требовалась все более мощная крышка на этом котле.

Так что не за себя страдали члены ГКЧП в «Матросской тишине» и не за СССР, а за светлое будущее детей и внуков номенклатуры ЦК. И они оправдали доверие, придя к власти ровно через два месяца.

Весна номенклатуры? Путч удался — разве это незаметно?..

Партократия осталась у власти. Кресла и привилегии за ней. Так что же мы наперестроили?

«Августовский путч… — безусловно, кульминационный пункт в бурном потоке событий последних лет. Реакционные силы потерпели поражение, демократия защищена. Тем самым от страны была отведена непосредственная угроза возврата к тоталитаризму, развязыванию жестокой катастрофы и гражданской войны. Ценой огромных усилий удалось в известной мере замедлить распад страны, выстроить какие-то хрупкие общественно-политические структуры», — читаем у Горбачева.

(С другой стороны — а надо ли было замедлять? Ельцин ускорил процесс — и что мы имеем? Стремительное обнищание народа, которое сравнимо разве что с послевоенным? — Е.В.)

Наступила наиболее тяжелая фаза экономического кризиса. Изнурительная и во многих случаях беспринципная политическая борьба парализует деятельность государственных институтов. Россия и другие государства СНГ стоят перед лицом труднейших проблем. И от их решения никуда не уйти.

Помнится, один из известных американских политологов, прибывший в Россию для того, чтобы своими глазами увидеть происходящее в нашей стране — демократизацию, плюрализацию и проч., и проч., наобщавшись с обитателями Белого дома, Кремля и Моссовета, в итоге заявил, что он ничего не понял в российской политике. «В вашей политике нет никакой логики. Вы — восток, даже хуже», — заявил заморский политолог.

Неправда! В хаосе российской политики есть своя железная логика, хотя ее не понимают сегодня не только зарубежные, но и наши российские «политологи».

Попытки объяснить то, что происходит сегодня в политической жизни России, время от времени предпринимаются,

но в этих попытках господствуют, как правило, примитивные парадигмы: одни объясняют все сложностями борьбы «демократических» сил против коммуно-патриотов, другие, напротив, — защитой Державы от происков зарубежных спецслужб и их российского лобби, третьи упаковывают свое «ни то, ни се» во фразеологию центризма.

Прямая, как известно, стройнее извилины. И, опираясь на политические мифы (зачем нужна методология, если есть удобные и примитивные простые конструкции), можно объяснить все, при этом ни на шаг не приблизившись к истине.

Специфическая российская социально-политическая Система не разрушена «до основания». (Во многом куда более ущербная, чем азиатская, имеющая в своей основе некие основания, скажем, в виде семейной организации. Впрочем, в последние полгода пребывания Ельцина у власти все газеты сочли своим долгом оповестить своих читателей о Семье (то есть о Ельциных и узком круге приближенных к ним лиц).

Прощай, СССР!.

Из беседы журналистов с Горбачевым:

— Михаил Сергеевич, Вы очень часто повторяете, что не мыслите себе Союза без Украины. Хотелось бы спросить — почему? Скажем, 70 лет Союз существует без Польши и Финляндии. Вот сейчас — без Прибалтики.

— Так мы сформировались. Производительные силы развивались на основе очень глубокой специализации. Украина теснейшим образом связана со всем комплексом страны.

Мои корни по линии матери — в Черниговской губернии, а по линии отца — в Воронежской.

Посмотрите, как вел себя Ельцин. Мы вместе руководили подготовкой Союзного договора и совместно с другими республиками направили проект на обсуждение в Верховные Советы.

А в Минске Ельцин предлагает совсем другое. Он даже мне не позвонил и в то же время он беседовал с Джорджем Бушем, хотя не было никакой необходимости вовлекать президента США в это. Это не только вопрос морали. Не можем оправдать такой стиль поведения.

Встречаясь в 1993 году с членами депутатской группы «Смена» в бывшем Верховном Совете России, я узнал от одного из депутатов, входившего в прошлом в круг рьяных сторонников Ельцина, следующее.

После возвращения из Минска в декабре 91-го Президент России собрал группу близких ему депутатов с тем, чтобы заручиться поддержкой при ратификации минских соглашений. Его спросили, насколько они законны с правовой точки зрения. Неожиданно президент ударился в 40-минутные рассуждения, с вдохновением рассказывал, как ему удалось «навесить лапшу на уши» Горбачеву перед поездкой в Минск, убедить его, что будет преследовать там одну цель, в то время как на деле собирался делать прямо противоположное. «Надо выключить Горбачева из игры», — добавил Ельцин.

А ситуация выглядела так. Проходит день, никаких новостей из Минска до меня не доходит, никому ничего неизвестно. Подумалось: решили «расслабиться» — так оно и было. Но потом я начал интересоваться, что же там происходит. Оказалось, через мою голову ведут разговоры с министрами, в том числе с Шапошниковым, а он, как и Баранников, не счел нужным меня информировать. Я позвонил министру обороны и спросил, что происходит. Он извивался как уж на сковородке, но все же сказал,

что ему звонили, спрашивали, как он смотрит на характер объединенных вооруженных сил в будущем государственном образовании. Ничего, мол, больше не знаю. Откровенно врал. (Шапошников сейчас «философствует» по поводу событий тех дней, но я-то, грешным делом, думаю, что он пытается замутить ситуацию с его поведением в те дни как министра обороны Союза.)

Наконец вечером раздался звонок Шушкевича, которому, оказывается, Ельцин и Кравчук поручили в их присутствии сообщить мне о принятых решениях. Он сказал, что уже был разговор с Бушем и тот «поддержал».

Я попросил передать трубку Ельцину и сказал ему: «То, что вы сделали за моей спиной, согласовав с президентом Соединенных Штатов, — это позор, стыдобища!» Потребовал более подробной информации. Была подтверждена договоренность о встрече завтра, в понедельник.

Вернувшись из Минска, Ельцин пришел ко мне. Небезыинтересно, что предварительно он выяснял по телефону, насколько безопасен его приход ко мне: понимал, что нашкодил. В беседе, как и намечалось, участвовал и Назарбаев, хотя Ельцину это не понравилось. Разговор был тяжелым: «Вы встретились в лесу и «закрыли» Советский Союз. Речь идет о своего рода политическом перевороте, совершенном за спиной Верховных Советов республик. Я остаюсь верен своей позиции, но буду уважать выбор, который сделают республики, парламенты. Если мы за демократию и реформы, то должны действовать по демократическим правилам. Ведь вы же не бандит с большой дороги!»

То, с чем мы столкнулись, — это уже политические амбиции, влияние сепаратистских сил. Но это не народные и не национальные интересы. Национальным интересам отвечает то, чтобы данное союзное государство было реформировано, но сохранилось как союзное.

С весны 1990 года я спорил и доказывал, что нам нельзя разделяться. Надо перераспределить полномочия.

Я был уверен, что решение надо было искать в рамках реформирования Союза. И соответственно действовал. К началу августа проект Договора был согласован и его решили подписать. А из-за путча многие решили, что самозащиту и самосохранение можно найти только в полной независимости. Усиление дезинтеграции оказало большое влияние на умы и настроения людей. Некоторые демонстративно начали трактовать независимость как отход от Союза — с целью, мол, оградить себя от того, что проявило себя в путче и что несло угрозу потери

суверенитета.

Последовавшие вслед за этим выборные кампании и политические шаги, сделанные политиками в атмосфере предвыборной борьбы, привели к тому, что кое у кого из них мосты уже сожжены: стремясь выиграть выборы, они изменили свои позиции.

Об этом мы тоже говорили с Юрием Щекочихиным. Было ли для меня неожиданным, спросил он, столь быстрое изменение позиции бывших товарищей по партии?

— Что наши с вами личные чувства, впечатления, переживания? Полтора года назад я говорил: не дай Бог, чтобы народ Украины поддержал сепаратистов, чтобы дело дошло до противостояния русских и украинцев. И вот такая угроза стала реальной. В чем тут дело? Прежде всего, конечно, сказались тяжелые последствия путча, его воздействие на общество. Но не только это. В дни путча и после него некоторые заявления и действия руководства России, которые подстегнули размежевание, подтолкнули дезинтеграцию. Недоверие стало усиливаться, а отчуждение нарастать. Сыграло свою роль и то, что политики в республиках сочли (я убежден, что это иллюзия), что социально-экономическая ситуация у них легче, а снабжение лучше. И провозглашение независимости даст им возможность на трудном переходе к рынку получить какой-то выигрыш для себя. Я же думал, что с выходом из Союза ситуация, наоборот, сильно усложнится и что это проявится в ближайшее время.

В беседе со мной 12 декабря среди редакторов газет и журналистов было немало тех, кто в распаде СССР не видел большой трагедии. Такое у меня сложилось мнение. И потому помимо собственных аргументов по поводу того, что сулит расчленение России, я сослался на доводы выдающегося мыслителя Ивана Александровича Ильина, высланного вместе с другими в 1922 году за границу: «Расчленение организма на составные части нигде не давало и никогда не даст ни оздоровления, ни творческого равновесия, ни мира. Напротив, оно всегда было и будет болезненным распадом, процессом разложения, брожения, гниения и всеобщего заражения. И в нашу эпоху в этот процесс будет втянута вся Вселенная. Территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения. И это перерастание будет совершенно неотвратимым в силу одного того, что державы всего мира (европейские, азиатские и американские) будут вкладывать свои деньги, свои торговые интересы и свои стратегические расчеты в нововозникшие малые государства, они будут соперничать друг с

другом, добиваться преобладания и «опорных пунктов», мало того, выступят империалистические соседи, которые будут покушаться на прямое или скрытое «аннексирование» неустроенных и незащищенных новообразований…»

И далее: «…Мы должны быть готовы к тому, что расчленители России попытаются провести свой враждебный и нелепый опыт даже в необольшевистском хаосе, обманно выдавая его за высшее торжество «свободы», «демократии» и «федерализма» — российским народам и племенам на погибель, авантюристам, жаждущим политической карьеры, на «процветание», врагам России — на торжество».

«Народы бывшей России, расчленяйтесь!» Если будет утверждаться этот лозунг, «то откроются две возможности: или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмет в свои руки крепкие бразды правления, погасит этот гибельный лозунг и поведет Россию к единству, пресекая все и всякие сепаратистские движения в стране, или же такая диктатура не сложится, и в стране начнется непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмщений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия».

…Думаю, что мы делаем ошибку, вот почему я так серьезно обеспокоен. Наблюдая за реакцией общества на минские соглашения, с ужасом и тоской осознал: наши люди еще не понимают, что лишаются страны. (Это повлияло и на саму церемонию передачи «ядерной кнопки». Точнее, на более чем скромную обстановку. — Е.В.)

Мне передали, что президент России возмущен и отказывается встретиться, как мы условились, в назначенное время. Предлагает встретиться «в нейтральном месте».(?!)

Пришли ко мне маршал Шапошников и офицеры, которые технически обслуживают систему ядерных команд. Никаких других процедур проводов президента СССР, как это принято в цивилизованном мире, не было…

Ни один из президентов суверенных государств, хотя с большинством из них меня связывали многолетние близкие товарищеские отношения — не счел возможным не только приехать в эти дни в Москву, но и не позвонил мне.

Ельцин же торопился. Некорректно, неточно по фактической стороне и в довольно грубой форме информировал журналистов о нашей с ним встрече 23 декабря. Потом последовали другие шаги, оставившие не только у меня, но и у общественности неприятное ощущение.

Иными словами, политики спасали свои посты. Устранить Горбачева любой ценой — пусть даже ценой устранения Союза.

Другого пути не было. «Эти люди не любят свою страну и потому никакой ответственности за нее нести не могут», — к такому выводу придет известный политолог Сергей Караганов.

И вот мы уже имеем поистине уникальную возможность наблюдать уход со своего поста Ельцина и сравнивать его с добровольной отставкой Горбачева, тоже случившейся под Новый год. Ельцин проведет праздник в кругу семьи. Горбачев одобрит его шаг — создан задел для преемственности власти…

* * *

Союз Советских Социалистических Республик вполне сравним с живым организмом, который был болен и нуждался в самом вдумчивом отношении к нему. СССР — не просто неодушевленный государственный организм. СССР — это, прежде всего, многие сотни миллионов людей с их судьбами и заботами. И те, кто приступил к лечению больной страны, не вправе были забывать, что их действия напрямую скажутся на судьбе ее многомиллионного населения. Но, видно, политикам недосуг думать об этом. И они взяли на вооружение издревле известный принцип: «Лес рубят — щепки (читай — люди) летят».

Вместо профилактики и терапии мы привыкли доверять хирургическому вмешательству. Но чтобы лечить организм путем отсечения головы?.. Такой практики человечество еще не знало. Ничто-же сумняшеся, они взяли и отсекли ей голову.

Но этим политики не ограничились. Ни один хирург не осмелится вскрывать тело пациента и делать ему операцию, если он не уверен в своих знаниях, а также в наличии необходимых инструментария и медикаментов. Политики же осмеливаются проделывать это с целой страной. Вскрыв тупым и ржавым политическим ножом тело страны, перерезав артерии и вены, другие сосуды и ткани, они отложили свой негодный инструмент на долгие годы, на десятилетия, и думают, как им быть дальше…

Естественно, из вскрытых кровеносных сосудов, как в переносном, так и в прямом смысле, брызнула кровь. Обезглавленный и развороченный организм великого государства на глазах всего мирового сообщества истекает кровью и угасает.

Могли после Беловежской пути прибежать к Горбачеву офицеры со словами: «Прикажи, и мы принесем к твоим ногам головы твоих злодеев. Не хотим быть государством притесненных». Этого не случилось… Руслан Хасбулатов позднее скажет: «Хотите знать, как бы действовал я на месте Горба-чева? Тут же выслал бы десант, и всех — в Лефортово!..»

И потом. Договор-то о расчленении Союза так и не был ратифицирован Верховным Советом… Вот так. На бумаге — СССР пока все еще существует… Как рожденный ошибкой писаря подпоручик Киже у Юрия Тынянова.

Президент Лир

А теперь обратимся к имперским проблемам. Сразу скажем: эти вопросы настолько сложны, что даже не только в отдельной главе, но и в отдельном исследовании можно коснуться их лишь отчасти. Именно — коснуться, а не рассмотреть глубоко. Но и обойти их молчанием тоже нельзя, так как и раньше, и сейчас эти проблемы влияют на настроение людей, на их поведение.

«А никакой империи и не было вовсе!», — скажет кто-то. Нет, была. Другое дело, что российская империя была особой. Вспомним Китайскую, Римскую, Османскую, Британскую и Австро-Венгерскую… Возможно, как по учению А. Тойнби существуют различные цивилизации, также и империи непохожи одна на другую. И здесь играют роль всевозможные факторы: время, территория, национальные особенности, отношения метрополии и окраин…

Россия никогда не грабила свои метрополии, как, скажем, британцы, испанцы, немцы. А в советское время, особенно в последние десятилетия, Москва помогала национальным окраинам иной раз больше, чем центральной России. Естественно, чтобы удержать их экономически. Но чем дальше, тем меньше у нее на это оставалось сил. И в этом — тоже одна из причин крушения СССР.

Сама Советская Россия была «задворками» великой империи, ее заложницей!

Распад СССР больно ударил по национальному достоинству россиян. Обрушилось то, во что многие свято верили, рухнуло то, что казалось незыблемым, что было всегда предметом национальной гордости. И еще важный аспект: беды сегодняшней России, неустроенность нашей жизни — подогревают сожаления об СССР. Жили бы мы богато и счастливо — и многое выглядело бы по-другому.

Прежний наш гимн начинался со слов: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь». Ну, а раз сказано, что республики — свободные, то чего тогда недоумевать, что они вышли из состава Союза? Сплотила их — навеки — великая Русь. Приходится без конца удивляться тем, кто слепо верит в различные лозунги, призывы, обещания… Особенно если они обещаны на века.

А ведь были же люди, которые предупреждали о распаде СССР. Возьмем для примера книгу А. Амальрика «Доживет ли СССР до 1984 года». Французская писательница, политолог, более 10 лет назад написала книгу «Взорванная империя» и за нее

получила высочайшее звание академика — «бессмертной». В этих работах дан глубокий анализ внутренних причин, тех процессов, предопределивших постепенный развал СССР, и в первую очередь — нежизненность, искусственность его политической системы. Эти процессы тлели изнутри.

Глобальная политика СССР, по сути, принесла русский народ в жертву этой идее. Оставшиеся «за рубежом» терпят унижения, о них государство вспоминает в лучшем случае только раз в четыре года — в день очередных выборов… Такова «железная поступь» истории. И безответственность «вождей», банкующих судьбами народов, здесь проявилась в полной мере.

Ситуация распада Союза обострялась тем, что никогда Россия не знала нормальной, цивилизованной передачи властных полномочий из одних рук в другие. Более того. Никто из руководителей огромной страны — на протяжении всей ее истории — не считал необходимым отчитываться перед миллионами людей о результатах своей деятельности. В том числе и о расходовании бюджетных средств. Попытки быть понятыми и услышанными предприняли единицы, разве что Екатерина Вторая, Ленин в своем «Завещании» (текст его десятилетиями тщательно скрывался), Хрущев. (Как вспоминает его сын, стенограмма заседаний Президиума ЦК от 13 и 14 октября 1964 года исчезла. Видимо, она была уничтожена во избежание ее изучения в будущем. Сохранились чудом фрагменты записей Петра Ефимовича Шелеста — он вел их во время заседаний. Хрущев был подавлен, изолирован, но нашел в себе мужество произнести: «Я благодарю за то, что все же кое-что сказали положительного о моей деятельности. Рад за Президиум в целом, за его зрелость. В формировании этой зрелости есть крупинка и моей работы».

Горбачев, в отличие от всех предыдущих руководителей страны, также постарался хоть как-то обозначить свою позицию — в «Обращении к народу» и своих биографических книгах…

Американский исследователь Леон Рестинг (он занимается психологией политики) полагает, что Горбачев — глубоко авторитарный человек. С оппозицией для него диалог невозможен. Горбачев так и не нашел в себе силы пойти навстречу Сахарову, сблизиться с ним и не использовал в полной мере политический капитал, который приобрел, освободив Сахарова и вернув его к активной политической жизни.

Авторитарность помогла признать факт поражения Советского Союза в «холодной войне», принять решение об уходе из Европы и Афганистана, начать процесс разоружения.

«Ничего не вижу», «Ничего не слышу», «Ничем не управляю»

— такую подпись дал своим карикатурам американский художник Арон Лайкин. Но американский же публицист Роберт Кайзер утверждает в своей книге «Лидер пролога», что Михаил Горбачев войдет в историю как великий реформатор. Р. Кайзер — заместитель главного редактора газеты «Вашингтон пост». Он был в 1971–1974 годах ее корреспондентом в Москве… Политическую роль Горбачева, считает этот публицист, истории еще предстоит оценить.

«Горбачев страдал от ряда личных недостатков. Один из них — неспособность правильно выбирать помощников… За исключением Яковлева и Шеварднадзе Горбачеву никогда не удавалось подобрать себе достойных коллег. Он сделал очень много неудачных назначений, от Лигачева, который был первым из его заместителей, и Рыжкова в качестве премьера, до Мураховского, коллеги по Ставрополю, на должность главы созданного в 1986 году агропромышленного комитета…

Горбачев никогда не чувствовал себя комфортно с нестандартными людьми — он предпочитал послушных партийцев… Их встревожило бы внезапное появление у Горбачева свиты из либерально настроенных интеллектуалов без какого-либо партийного прошлого».

Горбачев же говорил о своем окружении: «Меня тянуло к вольнолюбивой части общества, я многое прощал этим людям, то, в частности, что они как кавалеристы, ковбои…»

Одной из причин, объясняющей дефицит талантливых людей во власти, является избыточная самоуверенность Горбачева. Он ничуть не сомневался, что легко получит поддержку большинства делегатов XIX партийной конференции за счет введения демократических процедур делегирования, которыми, как оказалось, можно было легко манипулировать.

Опять-таки из-за излишней самоуверенности Горбачев пренебрег необходимостью создать новую систему взамен той, которую успешно демонтировал. Он, по-видимому, убедил себя, что может откладывать эту задачу — на три, четыре года, затем на пять. А на шестой год он столкнулся с результатами своего промедления.

Подвело его также и тщеславие. Он верил исключительно в свои собственные таланты и, в частности, преувеличивал собственную популярность. К чему это приводило, ясно. Вот что сказал президент Татарстана М. Каримов: «Это было его право объявлять о сложении с себя полномочий генсека. Но говорить о самороспуске партии, о судьбе ее имущества, собственности — это должен решать либо Пленум, либо съезд партии».

Горбачев позволил себе на некоторое время стать как раз

одним из тех, против кого он боролся с 1985 года, — упрямым чиновником, стремящимся во что бы то ни стало сохранить свою власть.

Его любовь к власти не должна представляться чем-то удивительным. Это был человек, потративший двадцать три года на Ставрополье для того, чтобы добиться доступа к власти в Москве…

Тщеславие также подогревало аппетит Горбачева к привилегиям, приносимым его креслом. Его новые огромные дачи в Москве и его роскошная вилла на мысе Форос на побережье Черного моря изобличают слабость к роскоши.

Сергей Григорьев долгие годы был его бессменным помощником. «Он был оторван от того, что происходило, настолько, что полагался на льстецов, и уделял больше внимания подхалимам, чем правдолюбцам, потому что они говорили неприятные вещи… Меня всегда удивляло, насколько он был уверен в том, что знает правильные ответы на все вопросы. Он бы не потерпел, если бы кто-то сказал: «Знаете, Михаил Сергеевич, люди по горло сыты этой историей с социализмом. Они его презирают». Когда он говорил, что социализм глубоко укоренился в наших людях и народ его обожает, каждый либо поддакивал — «О да, конечно, в самом деле», — или отмалчивался. Если ему противоречили, он приходил в бешенство».

1 мая 1990 года мимо Мавзолея шли уже не просто «представители трудящихся», а простые люди, уже познавшие свободу. Они в числе других несли лозунги — мягкие насмешки над лидером. Горбачев был так возмущен, что покинул трибуну, скомкав тем самым официальную часть праздника.

Как и другие его предшественники на посту руководителя страны, он был уверен в том, что без его соизволения никто не посмеет сделать ни единого шага…

…Складывается впечатление, что Горбачев никогда не чувствовал себя комфортно с новыми людьми, которых выдвигала его собственная политика, — прогрессивными либералами, которые действительно верили в демократию и вели себя соответственно…

Его нетерпимое отношение к межрегиональной группе депутатов, обострившееся в связи с дискуссией о его избрании на пост президента, усугубило ситуацию. Многие, кто подобно Юрию Афанасьеву вышел из партии в 1990 году, заняли резко антигорбачевскую позицию, утверждая, что он отстает от темпа перемен и превращается в помеху. После переворота многие демократы решили, что потребность в Горбачеве отпала. М. Горбачев оказался неспособным к практическому разрешению

государственных проблем. В связи с отсутствием четких представлений о будущих своих шагах, связанных с перестройкой государственного механизма, он плелся за событиями сзади, даже не пытаясь их догнать. Поэтому перестройка шла по воле складывающейся стихии, продиктованной агрессивной оппозицией.

…Каким бы ни было объяснение, последствия слепоты Горбачева очевидны. Только после пяти лет у власти он начал понимать масштаб и суть межэтнических проблем, которые в конце концов привели к тому, что Советский Союз распался. Может быть, такой союз изначально был обречен. Ирония истории заключается в том, что реформы Горбачева ускорили его конец.

Некомпетентность Горбачева в экономических вопросах также часто подводила его.

Бри Михаэль — профессор Берлинского университета имени Гумбольдта: «Блеск и нищета самоликвидации советского государственного социализма определили силу и слабость этой личности.

Такой подход дает возможность осознать, что Горбачев оказывался по преимуществу исполнителем уже вынесенного историей приговора государству и системе. Самобытность Горбачева в том, что он как человек и как политик был ярким представителем поздней советской элиты с человеческим лицом».

Добавим: чрезвычайно противоречивой личностью. Но был ли он только человеком разрушающим?

«Мы люди культуры борьбы. Культуры разрушения. Культуры баррикад. Культура борьбы, ее ценности, символика, мифы — сегодня главное препятствие к гражданскому миру. Сегодня никто не говорит о вечных загадках, о жизни, о смерти, о даре — быть. Даже интеллектуалы. Мы все говорим о ненависти», — в беседе с Горбачевым скажет писательница Светлана Алексиевич.

Результаты от перестройки в обществе хотели получить немедленно, «здесь и сейчас». А они-то все равно скажутся через поколение-другое… Не теперь. «Ваша главная проблема состоит в том, что сейчас закладываются новые формы жизни на 200–300 лет вперед, а люди живут и хотят жить сейчас. Как совместить то и другое?» — обратится к президенту Леонид Леонов…

Горбачееы на концерте Малера

Важным для понимания личности Горбачева автору этой книги показался его рассказ о посещении концерта Малера. Президент под эту музыку уходил со своего поста. Шел 1991 год.

«В последние два года жизнь набрала такой темп, что мне мало удавалось выделить времени для художественной литературы, для музыки, особенно симфонической, которую я очень люблю. Как-то во второй половине декабря, когда в Москве выступали оркестры под управлением Клаудио Аб-бадо, я решил все же пойти на концерт. Это был незабываемый вечер. Впервые, кстати, познакомился с музыкой Малера, да еще в таком прекрасном исполнении.

Оказывается, Малера у нас долгое время «не пускали», как и Вагнера. Поэтому практически он был недоступен нам… То, что исполнялось, — это потрясающая вещь! У меня было такое ощущение, что это о нас, о нашем перестроечном времени. Со всеми его страстями, борениями. Потрясающая музыка! Тут не только человеческие страсти, но и большие философские обобщения — на них построен весь этот концерт Малера.

Впечатление осталось очень сильное… Думал отдохнуть — не получилось. Было какое-то состояние полного отключения от всего остального, поглощенности лишь музыкой. Для меня это было как открытие… Наверное, мое тогдашнее состояние как-то соответствовало этой музыке. И Раиса Максимовна точно так же ее восприняла. Когда мы встретились после концерта с Клаудио Аббадо — он сам захотел этого, и мы тоже хотели, ведь это сейчас мировая величина, дирижер номер один, — то Раиса Максимовна ему сказала: знаете, я потрясена этой музыкой… И спрашивает: как вы трактуете финал? У меня, говорит, осталось ощущение безысходности… Он запротестовал — нет, нет, есть выход. Он понял ее состояние. И снова повторил: есть, есть выход.

Симфоническая музыка — это, может быть, наиболее высокая форма абстракции, философского обобщения. Я воспринимаю настоящую музыку как выражение философских позиций, размышлений, исканий. Там у Малера есть такие места, особенно в первой части, когда звучат виолончели и альты, и это потрясает, ты просто долго не можешь выйти из этого состояния. И это словами не выразишь, никогда не выразишь.

В музыке Малера звучит тема жизни и смерти — я так воспринял. Тема борьбы, трагической борьбы. Есть просветление, но все на фоне борьбы. И я думаю: так ведь и в жизни — если нет движения, то все, это конец. А раз есть движение — то всегда в

нем есть и противоборство, противоречие… Умение передавать это в музыке, свойственное таким композиторам, которые ощущают, воспринимают драму своего времени, своей эпохи, — это, конечно, огромное достижение человеческого духа. Малер это сумел. А Вагнер! Я ведь только в последние годы прослушал несколько вагнеровских записей. Какие вещи, какой композитор! Могут сказать, что оптимизма, уверенности он не прибавляет, скорее сомнений. Но человек остается человеком и способен сделать все, выбраться из любого кризисного состояния, пока может и ему позволяют размышлять, думать, творить. А мы вот были скованы, нас эта система держала в узде, мы были подавлены интеллектуально, закомплексованы, и, конечно, нам было не до Вагнера. Все должно было быть просто, как дважды два — четыре.

Если же говорить о чтении… Был такой исследователь, историк, хорошо владевший пером, — Валишевский, поляк. О нем высоко отзывался Лев Толстой. Так вот, как раз в декабре я читал его книжку «Смутное время». После Ивана Г розного страна осталась в таком состоянии, с такими страстями, с такими баталиями, что это время и государство требовали сильной власти. Г розный удерживал государство жестокостью. Старший сын погиб от его руки. Престол занял младший сын Федор Иоаннович, которого считали блаженным. А государство требовало колоссальной воли, огромных способностей. И вот начинаются процессы, которые получили название Смутного времени.

Для меня такое чтение — это процесс познания, размышлений. Иногда одна фраза может натолкнуть на далеко идущие выводы, раздумья. Потом к ним снова и снова возвращаешься, сопоставляешь, сравниваешь. Моя обычная привычка — читаю сразу несколько книг. Примерно тогда же читал интересную книгу нашего историка Авреха «Реформа Столыпина».

…Сейчас взгляды начали менять и западные эксперты, они сокращают в 2–3 раза сроки, нужные, чтобы человеку взять в руки и наладить народное хозяйство. То есть речь идет о том, что через 10 лет можно видеть хороший рынок и устойчивое, стабильное развитие экономики. Помните, прежде они говорили, что понадобится 25 лет, т. е. до 2030 года. Я разделяю их выводы. Но думаю, что чувство подлинной свободы утвердится в людях через два-три поколения…

Я глубоко переживаю в связи с тем, что нам не удалось добиться необходимой синхронности между разрушением старых и возникновением новых форм жизни. Уже в самом начале можно

было больше сделать для разрушения бюрократических структур. Но вместе с тем — гораздо энергичнее содействовать созданию новых, демократических механизмов управления экономикой и обществом в целом.

Я не верю в мистику, в предсказания… Но я думаю, что мы должны допустить, что человек — сложное явление, и его нельзя из природы вырвать, он подвержен воздействию не только условий жизни, бытовой стороне, но и каким-то другим вещам. Сознание исходит из той же природы, порождением которой мы являемся, но далеко ее не знаем, поэтому трудно поставить о себе последнюю точку…

…Всю мою жизнь сопровождает желание жить».

Горбачев и Ельцин

Никогда еще, наверное, мировая история не знала столь крупных и захватывающих политических драм, как эта. Запутанная история их нелегких взаимоотношений. Вечные союзники и вечные оппоненты… Тема поистине неисчерпаемая как для художников, так и для ученых…

Четко стоит только один вопрос, возникавший и при Горбачеве, и при Ельцине: «Кто управляет страной?»

История развивается по ей одной и Богу ведомым законам. Повторяясь при этом так, как посчитает нужным… Ни один, ни другой так и не смогут добиться согласия среди демократических сил… Оказавшись на вершине власти, Ельцин встал на путь повального нарушения действующих в стране норм права. В связи с этим многократно и совершенно объективно назревал вопрос об отрешении президента от занимаемой им должности. При исполнении своих обязанностей он действовал так же, как действовал бы вор в законе, которому поручили бороться с преступностью.

И теперь уже не Ельцин спешит на выручку Горбачеву, как в августовские дни 1991-го, а, наоборот, Горбачев заявит:

— Хочу помочь Ельцину. У него сейчас непростая роль. Я сказал ему: до тех пор, пока будут продолжаться демократические преобразования, реформы, я буду вам оказывать поддержку и защищать от нападок.

Были определенные опасения у первого всенародно избранного президента России: не возглавит ли Горбачев оппозицию? Но — против КОГО? Против какого курса? Какой политической линии? Этого не произошло.

Сам же Горбачев, кажется, сделал все возможное и даже невозможное, чтобы после его прихода к власти такая оппозиция возникла, во главе с Ельциным.

И Горбачев, и Ельцин стали героями передачи «Куклы», и это прекрасно. Но они за десятилетия своего пребывания у власти так и не стали героями настоящего художественного полотна. И вот это худо. Тут есть над чем поразмыслить. Как представляется, у нас все еще впереди, и что-то масштабное в искусстве обязательно должно появиться.

Одни писатели доказывают нам, что в Форосе Горбачев по-настоящему испугался именно Ельцина, его активности в те дни, а не гэкачепистов. Именно страхом перед своими, надо полагать, и был вызван тогда сердечный приступ Раисы Максимовны.

Но вот только что прочла в новой художественно-

публицистической книге Андрея Караулова следующее. Ельцин, «нашкодив», после «заговора троих» отсиживается в бункере Белого дома, глубоко под землей, и дрожит от страха. Он боялся Горбачева!.. Засылал гонцов, чтобы те выяснили, «в духе барин» или нет, можно ли показаться ему на глаза…

Сегодня, сейчас понятно, что все-таки Горбачеву досталось вынести от Ельцина неизмеримо больше, чем Ельцину — от Горбачева. По сути, ведь Ельцин был недолго в опале. Это все трюк, рассчитанный на штурм власти. А вот нападки на Горбачева после его ухода с поста президента — реальность. Он был вынужден даже заявить: «Если меня будут выгонять, я все равно не уеду из страны!»

Именно Горбачев один из тех, кто сделал Ельцина. Так что настоящего противостояния между ними не было и не могло быть.

Как ни покажется странным, нормальным отношениям между ними в чем-то невольно препятствовала… Горбачева. По версии Александра Коржакова, «в какой-то момент Ельцина стала раздражать болтовня Горбачева. Еще больше действовало на нервы возрастающее влияние Раисы Максимовны. Она открыто вмешивалась не только в государственные дела, но и безапелляционным тоном раздавала команды. Указывала, например, как переставить мебель в кабинете мужа.

Барсуков и Крапивин рассказывали, как она ходила по Большому Кремлевскому дворцу и пальцем показывала: это убрать, это отремонтировать, это заменить. В кабинете мужа по ее приказанию генерал Плеханов, руководитель охраны президента СССР, передвигал неподъемные бронзовые торшеры в присутствии подчиненных».

Вообще треугольник — Горбачев — Ельцин — государственная недвижимость — довольно любопытен, заслуживает отдельного рассмотрения. Коржаков приводит такой эпизод. Горбачев предложил Ельцину с семьей переехать на служебную дачу, с которой только что съехал сам. И тот, даже не дождавшись ремонта, перебрался. Такого еще за всю партийную историю не случалось. Обычно хоть косметический ремонт, но полагалось сделать. Горбачевы уехали. Сняли картины со стен, на обоях остались светлые пятна. Г де-то торчали гвозди из стены. И сразу же сюда приехал Ельцин.

Спешка Ельцина объяснялась просто — он хотел показать, что ничем после Горбачева не брезгует. Я думаю, что Борис Николаевич никогда бы не дошел до столь высокого поста, если бы у него не было беспрекословного партийного чинопочитания».

Дальше — больше. На приступ чинопочитания зато мало

походит ультиматум Ельцина в декабре 1991 года: Горбачевы должны «очистить помещения»… за два часа!.. К чему такая спешка? Понятно, что никакой необходимости в столь скором переезде нет. Впереди — четыре года пребывания у власти. Но нет, надо все-таки показать, кто здесь теперь хозяин…

«Духовность и как крайнее ее проявление — русская дурь — и есть наша отличительная черта, наше главное богатство», — не без ноты печали замечает известный литературный критик Лев Анненский.

…Ельцин стал известен после речи на XXVII съезде КПСС. Только что назначенный секретарь МГК довольно резко призвал к смене партийного стиля. Остальные обтекаемо хвалили курс партии, а Лигачев учил строить социализм. В кулуарах делегаты посмеивались над незрелым политиком, который точно сломает себе шею. Но дольше всех «на коне» продержался именно Ельцин.

Самым симптоматичным в событиях 19–22 августа (и главным отличием их от настоящих военных переворотов) было наличие в Белом доме всевозможной связи. Ельцину и его окружению не только дали проехать в Белый дом, но и оставили им «вертушки». Белый дом, окруженный двумя кольцами, армией и милицией, являл собой идеальную биржевую сессию. В кулуарах ее разыгрывались лоты квазисобственности. Невидимая рука рынка расставила всех по местам, соответствующим новым весовым категориям.

Для получения самого крупного павловского куска собственности, конвертации ее в приватизационную, внешнеторговую квазисобственность — ваучеры, квоты и лицензии — было необходимо упростить общественную структуру «Россия-Союз». Поэтому власти понадобилась голова, наиболее подходящая для выбивания замка на закромах Родины. Им стал верный марксист-ленинец, видный деятель антикоммунистического движения Бурбулис.

Невозможно удержаться от сравнения Ельцина и Брежнева. Оба сменили аграриев-миротворцев во главе политических сил, где доминировал ВПК. Обе победы превратили их из энергичных лидеров в затворников на госдачах — завидовской, Горки-9. Только Брежнева обуздала не финансовая, а госплановская номенклатура.

Об обвинениях в коррупции

Ельцин не преминул воспользоваться даже своим переездом на оставленную генсеком дачу и развернул целую крупномасштабную операцию по обвинению Горбачева в коррупции (ведь теперь он был не так для него опасен). Отрывок из книги «Исповедь на заданную тему»: «Про дачу — отдельный рассказ. До меня она принадлежала Горбачеву, он переехал в другую, выстроенную для него.

Уже снаружи дача убивала своими огромными размерами. Вошли в дом — холл метров пятьдесят с камином: мрамор, паркет, ковры, люстры, роскошная мебель. Идем дальше. Одна комната, вторая, третья, четвертая, в каждой — цветной телевизор. Здесь же, на первом этаже, огромная веранда со стеклянным потолком, кинозал с бильярдом… обеденный зал с немыслимым столом метров десять длиной, за ним кухня, целый комбинат питания с подземным холодильником. Поднялись на второй этаж по ступенькам широкой лестницы. Опять огромный холл с камином, из него выход в солярий — стоят шезлонги, кресла-качалки. Дальше кабинет, спальня, еще две комнаты, непонятно для чего, опять туалеты, ванные. И всюду хрусталь, старинные и модерновые люстры, ковры, дубовый паркет и все такое прочее.

Когда мы закончили обход, старший охраны радостно спросил: «Ну, как?» Я что-то невнятно промычал. Семья же была просто ошарашена и подавлена. Больше всего убивала бессмысленность всего этого…

А кто платит за все это? Платит Девятое управление КГБ. Интересно, по какой статье списываются эти расходы? Борьба со шпионами? Подкуп иностранных граждан? Или по более романтичной статье, например, космическая разведка?..»

Слухи возникали подчас самые невероятные. Михаил Сергеевич в открытую смеялся над тем, что якобы после 1991 года Раиса Максимовна живет на Багамских островах, и что у семьи семь дач. Раиса Максимовна расстраивалась и только тихонько плакала…

* * *

Фотографии, фотографии… Вот Горбачев кормит вместе с женой белочку на берегу Енисея (1986). Принимает Тэтчер в Кремле (1987). Вот Горбачев ведет полемику с академиком

Сахаровым на втором съезде народных депутатов (1989). Произносит присягу президента 15 марта 1990 года. Сажает в Токио Дерево Дружбы вместе с Тосики Кайфу. Толпа народа с «антигорбачевскими» транспарантами, и на одном из них написано: «Сусанин, куда ты нас завел?»

Горбачев о будущем страны

Судьба России предопределена ее географией. Окруженная наибольшим количеством соседей и отделенная от них холодами, Россия являлась естественным укрытием для кочевых племен. (Насколько они были «дикими», еще вопрос. Единого мнения на этот счет нет.) Выстроив многонациональное государство, Россия стала огромным «термостатом», вбирающим отрицательную энергию кризисов южных и западных соседей. В итоге сложилась глобальная общность, а инерция оказалась такова, что Европа и Азия оказались в водовороте общего кризиса.

И только с появлением у России партнера и противовеса, когда счастливо изолированные до этого США оказались втянуты в старосветские дела, динамика кризиса развернулась.

— Меня уже замучили вопросом: «Кто Вы, товарищ Горбачев?» — отмечает Михаил Сергеевич в беседе с журналистом «Литературной газеты» Юрием Щекочихиным. — Нередко спрашивают: «Удовлетворены ли Вы развитием событий в последние годы? И если бы Вам пришлось снова начинать перестройку, Вы действовали бы также?»

Мой принципиальный выбор — выбор в пользу глубокого реформирования общества, демократического преобразования страны — в любом случае был бы точно таким же, каким он был. И общий стратегический курс тоже был бы таким же.

Но вот что касается конкретного развития процессов в рамках этого выбора, тактики его осуществления, я бы, наверное, что-то уточнил, что-то сделал по-другому или в другом порядке.

Осмысливая пройденный путь, я бы сформулировал сейчас некоторые выводы, опирающиеся на уроки пройденного. Разумеется, они нужны прежде всего нам самим: ведь начатые преобразования далеко не окончены, очень многое еще впереди. Но эти выводы могут представлять интерес и для других — для международного сообщества в целом. Суть осуществленных изменений, как я их понимаю сегодня, — освобождение общества от несвободы, обеспечение условий для принятия людьми решений в собственных интересах, на основе здравого смысла, без давления официальной идеологии. Это относится ко всем сферам жизни — будь то экономика, политика, удовлетворение культурных потребностей. Каким бы я хотел видеть наше общество в идеале? Я хотел бы видеть общество свободных людей, общество человека труда и для человека труда, строящееся на принципах гуманизма, демократии и социальной справедливости.

Я хотел бы видеть общество, основанное на разнообразии форм собственности, обеспечивающих человеку положение хозяина и неограниченные возможности для проявления инициативы и способностей, в котором экономическое развитие базируется на саморегулировании при координирующей роли государства.

Я хотел бы видеть общество, обеспечивающее всевластие народа, всю полноту прав человека, вобравшее лучшие демократические завоевания человечества.

Я хотел бы видеть общество реального равноправия всех наций и народностей, создающее все условия для их всестороннего развития, гармонизации межнациональных отношений в рамках федерации или отношений конфедерации совершенно нового типа, усвоившее негативный опыт межнациональных отношений, накопленных мировым сообществом к концу XX века.

Никто и никогда не реализовывал специально разработанную концепцию по разрушению социализма. Нет, пока существует человек, и человек мыслящий, — он будет искать. И христианство — поиск, и Томмазо Кампанелла — поиск… Поиски будут продолжаться на основе сближения, а не противостояния, на основе синтеза опыта всех народов. И поиски будут нас подвигать к более демократическому, справедливому обществу. Элементы социализма — они везде присутствуют.

Горький опыт окончательно убедил меня в антигуманности и бесперспективности той модели «социализма», которая была навязана Сталиным и которая никаким социализмом на деле не являлась. Однако ценности, заключенные в социалистической идее — социальная справедливость, неотчуждаемые права и свободы человека, равноправие народов, мир, исключающий военные средства в межгосударственных отношениях, — эти ценности, по сути, смыкаются с общечеловеческими интересами и исчезнуть не могут.

Вообще мне представляется теперь изжившей себя утвердившаяся со второй половины XIX века антиномия социализм-капитализм. Перед нами стоит совсем другой выбор — общество, идущее к гибели, или общество надежды и спасения.

Хорошо помню свою встречу в ноябре 1985 года с делегацией конгресса ученых-лауреатов Нобелевской премии. Это были Дж. Уолд (США),Т. Книппенберг и С. Габриель (Нидерланды), А. Энглендер (Австрия), А. М. Прохоров (СССР). Присутствовали также академики А. П. Александров и Е. П. Велихов. Беседовал я с ними незадолго до поездки в Женеву на первую свою встречу с президентом Рейганом. (Нас ждал острый разговор.) Они

передали мне обращение от имени участников своего конгресса: о возможных последствиях применения ядерного оружия, о значении запрета на ядерные испытания, об опасности милитаризации космоса. Мы говорили о том, что путь к безопасности через вооружение взаимосвязан с усилиями по достижению достойного человека существования.

Вот эти слова — ключевые. И как же непросто это достойное существование достигается…

…Листаю одну презамечательную небольшую книжку — это сборник статей… О ней позже, прежде — цитата: «Представители власти, юнцы, вчерашние политические блондины, сегодня интенсивные рыжие… Ведь каждый из них, наверное, считает себя носителем новой, социально-гуманной справедливой власти, и каждый обязан ответить и лично за себя, и за всю армию строителей новой жизни. Ведь таково идеальное назначение, не правда ли? Ведь это именно они сменили старых сеятелей «разумного, доброго, вечного»? Что же именно нового, много ли разумного и доброго вносят они непосредственно в быт, в тяжелую жизнь голодных будней?»

А то и вносят, что: «Сейчас человек измотался, замучился, на тысячу кусков разрывается сердце его от тоски, злости, разочарований, отчаяния, замучился человек и сам себе жалок, неприятен, противен. Некоторые, скрывая свою боль из ложного стыда, все еще форсят, орут, скандалят, притворяются сильными людьми, но они глубоко несчастны, смертельно устали.

Что же излечит нас, что воскресит наши силы, что может изнутри обновить нас? Только вера в самих себя и ничто иное. Мы слишком многое забыли в драке за власть и кусок хлеба».

Кто же, кто же этот автор? Который так правдиво и чутко уловил атмосферу дня сегодняшнего? Трудно поверить, но это… А. М. Горький. «Великий пролетарский писатель», который, если верить совсем недавним хрестоматийно-литературоведческим всхлипам, отдал все силы служению революции. А книжечка его называется «Несвоевременные мысли», где собраны статьи Горького, написанные им в 1917–1918 годах, когда он был редактором газеты «Новая жизнь». И ни одна из цитат не подогнана к нашей действительности, не притянута за уши. Писатель верил в свой народ:

«По фигурности мысли и чувства, русский народ — самый благодарный материал для художника.

Я думаю, что когда этот удивительный народ отмучается от всего, что тяготит и пугает его, когда он начнет работать с полным сознанием культурного и, так сказать, религиозного, весь мир связующего значения труда — он будет жить сказочной

героической жизнью и многому научит этот, уставший и обезумевший от преступлений, мир».

О Фонде Горбачева (по материалам в Интернете)

Фонд ставит перед собой цель — всемерно содействовать развитию прикладных и фундаментальных исследований, использованию научных знаний в интересах укрепления нравственных, гуманистических начал в жизни человека и общества, становлению ученых и политиков нового поколения.

В работе Фонда принимают участие известные ученые политологи, социологи, специалисты ведущих направлений гуманитарных наук России, а также ряда стран Европы, США, Канады, Японии и др. Фонд имеет свои отделения и представительства в Германии, Швейцарии, США.

Наиболее существенных исследовательских проектов фонда несколько. Это «Проблемы безопасности России», «Урегулирование и предотвращение конфликтов в изменяющемся российском обществе» — комплексная программа, проводимая Фондом совместно с корпорацией Карнеги, направленная на выработку концепции национальных интересов и приоритетов России и практического налаживания конфликтологического мониторинга и менеджмента межнациональных отношений и устранение «болевых точек».

Ряд проектов в рамках совместного Траст-Фонда Университета Калгари (Канада) и Горбачев-Фонда посвящены таким актуальным вопросам, как послевузовская подготовка предпринимателей, фермерство и рынок, социально-экономическое развитие Южного Кузбасса, пенсионная система, система страхования от безработицы в России, реформа здравоохранения в Новосибирске, вопросы природопользования в районе проживания саамов на Кольском полуострове.

Новгородский проект «Прорыв в постиндустриальное общество» представляет собой попытку создания «пилотной» модели перехода России на рельсы постиндустриального развития путем радикального преобразования всей информационной, культурной инфраструктуры и образовательной среды. Проект осуществляется фондом совместно с администрацией Новгородского региона, американской компанией «Телеком», Школой культурной политики, Международным Банком Реконструкции и Развития, отечественными и зарубежными предпринимателями.

Программа социокультурного взаимодействия Запад — Россия после «холодной войны» представляет собой комплексную

программу встреч, подготовки монографий, создание международного Фонда поддержки русской культуры с участием М. Горбачева, Г. Киссинджера, Г.-Д. Геншера, подготовку выставки русских художников в Хильдесхайме в сентябре 1996 г., образование международного Института русских художественных ремесел в Гифхорне (Германия) — проект МОСТ. Сюда же можно отнести и системные разработки и публикации «Модернизация национальной культуры — поиски национальной модели перехода России к рынку и демократии», «Перестройка — 10 лет спустя», «Россия на рубеже XXI века».

В Фонде организованы лектории в помощь учителям истории и культуры, старшеклассникам. Он оказывает содействие лицею «Воробьевы горы», Российскому Центру демократической культуры, охватывающему учебные заведения более чем 20 регионов России.

Большое значение придается благотворительной деятельности. Так, на привлеченные средства и на личные пожертвования президента Фонда был построен и успешно работает первый в стране Центр трансплантации костного мозга для детей, создана национальная научная школа русской детской гематологии, поставляются медицинское оборудование и лекарственные препараты для НИИ детской онкологии и гематологии, детских больниц, роддомов и интернатов страны.

Для развития благотворительности создан и действует Международный Фонд в поддержку детского здравоохранения.

О Нобелевской премии

Не припомню, кто именно из журналистов сказал о русских лауреатах Нобелевской премии: «Стоит человеку стать лауреатом, ему с гарантией не найдется места под небом необъятной Родины!..»

Очень точно замечено — имея в виду Бунина и Пастернака, Сахарова и Бродского. И Горбачева — тоже, которого «выдавливали» из России.

Об уважении к истории (Вместо послесловия)

Город Ростов-на-Дону, год 1978-й. В выставочном зале на нынешнем проспекте Шолохова с большой помпой открылась экспозиция «Компьютеры в жизни США». Страна была иной, Америка далекой и неизвестной, и советским людям все это было в диковинку. Первых посетителей завлекали бесплатными броскими буклетами, значками, а главное — яркими (но непрочными) пластиковыми кульками… Уловка сработала безотказно — поток посетителей не иссякал. Сувениры закончились в первые же два-три дня. И некоторые, кому не хватило красивых пакетов, а слух о них быстро распространился по городу, очень возмущались и даже попытались было закатывать скандалы устроителям…

Впечатляли, конечно, возможности использования компьютерной техники и то, насколько тесно американцы с ней срослись. Но особенно поражали гиды, работавшие на выставке. Они мягко, ненавязчиво провоцировали посетителей на дискуссии. Внимательно выслушивали всех, и — в конце разговора, точнее, спора, от ваших аргументов не оставалось и следа. Блестящие психологи, все они неплохо владели русским языком. Лощеные, выхоленные.

Ничего не скажешь, знаниями — в первую очередь по истории России — «компетентные органы» их вооружили на совесть. Гиды цитировали — на память! — целые страницы работ Каменева, Зиновьева, Троцкого. И совсем другого Зиновьева — Александра. Статьи Бердяева и русских философов-эмигрантов «первой волны», Керенского и выступления депутатов Госдумы России за 1905–1917 годы. Споры велись в основном о революции 1917, или, по новейшей терминологии, об октябрьском перевороте.

Поговаривали, что некоторые из этих самых гидов были профессиональными разведчиками.

Речь заходила тогда и о книгах Андре Жида. В нашей стране творчество этого писателя мало известно читающей публике. Он был изгнан из страны Советов.

В июне-августе 1936 года он приезжал в СССР, где его принимали на самом высоком уровне. До этого он симпатизировал Советскому Союзу, считая, что именно в этой стране воплотятся евангельские идеалы всеобщего братства и справедливости, извращенные в буржуазном мире. Но, побывав в СССР, он в ноябре 1936 года выпустил книгу «Возвращение из

СССР», и в ней заявил о своем разочаровании советской действительностью. Книга была осуждена левыми кругами интеллигенции и некоторыми представителями русской эмиграции. Нападки на книгу вынудили Жида написать продолжение — «Поправки к моему возвращению из СССР». «Поправки…» были изданы в июне 1937 года и представляют ответ автора его критикам. В нашей стране обе эти книги были запрещены, как и другие произведения писателя, широко издававшегося в двадцатых — начале тридцатых годов.

Я бы лично не удивилась, если бы даже отдельные руководители партии и правительства СССР, что называется, «сели в лужу», довелись им встретиться и побеседовать с этими людьми. Что тогда говорить о простых рабочих, которые, интересуясь прошлым России из горячей, искренней любви к родной стране, терпели в споре сокрушительное поражение? Будучи абсолютно неподготовленными к дискуссиям столь высокого ранга? И пользовались только теми знаниями, что им давали в советских школах, ПТУ, вузах?

Проверить источник, уличить гидов во лжи было решительно невозможно. Куда ты мог обратиться? Архивы (а самое интересное и нужное всегда хранится в запасниках) для тебя закрыты. Ты ведь не побежишь завтра утром за справкой по материалам о Брестском мире, скажем, в библиотеку Конгресса США, где находится, как считают некоторые эксперты, одно из самых полных в мире собраний книг о России. И не пойдешь к полудню работать в библиотеку Ватикана, где, по утверждениям ряда публицистов и ученых, внимательно следят за развитием событий в России и могут по осведомленности своей в данной области соперничать с военными ведомствами США. И не побежишь уточнять в Пентагон, не там ли, собственно, родилась цитата, приписанная впоследствии, скажем, тому же Александру Керенскому или Родзянко…

Кстати, о Родзянко, известном российском думском деятеле (1859–1924). Он сказал однажды: «Потомство наше в назидание себе должно знать все прошлое своего народа во всех его подробностях, и в ошибках прошлого черпать опыт настоящего и будущего. Потому всякий, знающий более или менее интимные детали, имеющие исторический интерес и государственное значение, не имеет права скрывать их, а должен свой опыт и осведомленность без всякого колебания оставить потомству».

Сегодня создается впечатление — «потомства» у нас в стране просто нет. Судя по «трогательной» заботе о нем государства — в виде детских пособий в 53 рубля… Какое там «потомство»!.. И какая там «история»! Одна из дискуссионных книг по истории —

ответ авторам Э. Радзинскому и еще двум довольно известным исследователям — так и вышла с более чем красноречивым заголовком: «Памяти отечественной исторической науки посвящается». Вроде того, как некогда Игорь Угольников сделал для ТВ сюжет «Похороны отечественной еды»… Только у Угольникова пародия на демонстрацию вызывала смех. Зато в другом случае, увы, смеяться вовсе не хочется.

Но дело не в этом. А в том, что дважды — в 1956 и 1988 годах в стране отменялись в школах экзамены по истории. С Советским Союзом теперь очень даже все просто — нет страны, и нет проблемы. И нет истории… Вышвырнули собрания сочинений Ленина и иже с ним с библиотечных полок — но что же дальше?..

…В Государственную Думу для подробного отчета «о проделанной работе» был спешно вызван замминистра образования. Наконец-то власти спохватились о том, что назрел кризис в издании учебников. (До этого были потеряны годы.) И вот на слабое возражение зама на какую-то реплику из президиума — мол, история движется не одной только классовой борьбой — А. И. Лукьянов тут же отреагировал: «Только классовой борьбой!..» И это прозвучало, можно сказать, едва ли не вчера — в конце декабря 1996 года…

Но вернемся к разговору об американской выставке в Ростове-на-Дону. Достоверной и довольно полной информацией о твоей родной стране, получалось, владел почти весь мир! Но — только не ты и не эти толпы твоих соотечественников вокруг, изголодавшихся по истине… Получалось так, что ты приходил отдохнуть и расслабиться после трудовой недели, но тебя обманом вытягивали на ринг, под ослепительный свет софитов, и на виду у переполненных трибун заставляли драться. Тебе давали бой. И жестокий, надо признаться, урок. Ты не успевал еще осознать, что, собственно, произошло, как тебя посылали в нокдаун. Было больно до слез и обидно.

И не было ответа на главный вопрос — ЗА ЧТО? И почему тем, кто так жаждал знаний, доступ к ним был наглухо перекрыт? По какому праву меня и других лишали возможности — причем на протяжении долгих десятилетий — знать правду о моей земле, где я живу? Первая мысль, которая тогда пришла в голову, что я — тот же самый ЧСВН. Член семьи врага народа. В таком же каменном мешке. Только вот не расстреливают разве, а воздуха лишают… Мама тогда вздохнула в ответ на мою грустную реплику:

— Знаешь, в лучшем случае, правду о сегодняшнем дне мы все узнаем лет через 60.

И добавила:

— Если нам скажут, конечно…

…На выставке можно было за пять советских рублей и поиграть, и поработать самостоятельно на компьютере. Не вина была моих земляков, а беда, что они вели себя как дети и что временами за них становилось стыдно. Тяжелый осадок остался на всю жизнь.

Концовку очень хотела сделать оптимистической. Мол, сегодня, спустя два десятка лет, Бердяева и Лосева, Мамардашвили и Лотмана, прежде гонимых, читай сколько хочешь!.. Документы рассекречивают. Пусть и не все.

Не получилось. Эти строчки пишу как раз в тот момент, когда включен телевизор. Речь идет о Романе Абрамовиче. Комментатор говорит:

— Никому неизвестный юноша — все, что есть — маленькое фото с уголком — де-факто чуть ли не руководит огромной страной… Это страшно…

Неужели прав был Петр Чаадаев, когда в начале 1800-х годов писал: «В нашей крови есть нечто, враждебное всякому истинному прогрессу. И в общем, мы жили и продолжаем жить лишь для того, чтобы послужить каким-то важным уроком для отдаленных поколений, которые сумеют его понять…»

Десятый год мы все живем с паспортами страны, которой нет… Ну что же, обратимся, пожалуй, к Виктору Степановичу Черномырдину. А он сказал так: «Наш народ будет жить плохо. Но недолго». Оптимизма нашим руководителям всегда было не занимать… На том и остановимся. Повторим вслед за писателем Андреем Нуйкиным сказанное им еще в 1963 году: «Несчастливых — к ответу!»

Краткая хронология жизни Р. М. Горбачевой

1932, 5 января Р. М. Титаренко родилась в г. Рубцовске Алтайского края.

1949 Поступает в МГУ на философский факультет.

1953, 25 сентября Выходит замуж за М. С. Горбачева — студента юридического факультета МГУ.

1955 Уехала в Ставропольский край, где прожила с мужем 23 года, преподавала в местной школе, в Ставропольском сельскохозяйственном институте, и работала над кандидатской диссертацией.

1957, 6 января Рождение дочери Ирины.

1966, сентябрь М. С. Горбачев становится первым секретарем Ставропольского горкома КПСС.

1970, апрель М. С. Горбачев избран первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС.

1978 Семья вернулась в Москву. Горбачев назначен секретарем ЦК КПСС. Раиса Максимовна преподавала в МГУ до 1985 г.

1984 Первый официальный визит в Англию в составе правительственной делегации.

1985, март Пленум ЦК КПСС. М. С. Горбачев избран Генеральным секретарем ЦК КПСС.

ноябрь Первая встреча М. С. Горбачева и Р. Рейгана в Женеве. Вместе с Н. Рейган РМ. Горбачева принимает участие в закладке музея Международного Красного Креста.

1986 Смерть отца Максима Андреевича Титаренко.

1987 Читатели журнала «Уименз оун» выбрали Р. М. Горбачеву «женщиной года».

1988 Присуждена ежегодная премия «Женщины за мир» итальянской организацией «Вместе за мир».

1989 ноябрь Визит председателя Верховного Совета СССР М. С. Горбачева в Италию.

1989 14 декабря Умер академик А. Д. Сахаров.

1990. март— 1991 декабрь. М. С. Горбачев — президент СССР.

1990 Поездка в Америку. Посещение Р. М. Горбачевой вместе с Б. Буш женского колледжа Уэлсли. Визит М. С. Горбачева в Финляндию.

Поездка Президента СССР по Свердловской области.

Встреча М. С. и Р. М. Горбачевых с однокурсниками.

1990 12 июня Принята Декларация о суверенитете России.

1990 декабрь — 1991, апрель Работа Р. М. Горбачевой над ее книгой «Я надеюсь…»

1990 март. М. С. Горбачев стал первым президентом Советского Союза.

1991 апрель. Поездка в Чернобыль в составе рабочей комиссии.

1991, 17 марта. Впервые в истории страны проведен всенародный референдум. 80 процентов советских людей голосовало, 76,4 из них сказали «Да» Советскому Союзу…

1991, 5 июня Получение Горбачевым Нобелевской премии мира. В Осло он читает Нобелевскую лекцию.

1991, 26 августа. М. С. Горбачев сложил с себя после путча полномочия генсека и предложил КПСС объявить о самороспуске.

1996, весна-лето. М. С. Горбачев участвует в президентских выборах. Раиса Максимовна помогает ему, совершая многочисленные поездки по стране. Муж в шутку пообещал ей отпуск после окончания предвыборного марафона.

1999, 20 сентября. Умерла в университетской клинике города Мюнстер (Германия).

Основные использованные источники

Горбачев М. С. Августовский путч (причины и следствия). М.: Новости, 1991.

Горбачев М. С. Годы трудных решений. Избранное. 1985–1992 годы. М.: Альфа-принт, 1993.

Горбачев М. С. Декабрь-91. Моя позиция. —М.: Новости, 1992. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1988.

Горбачев М. С. Мораторий. (Сб. речей и выступлений Генерального секретаря ЦК КПСС по проблеме прекращения ядерных испытаний, янв, — сент. 1986 г.). М.: Изд-во АПН, 1986.

Горбачев М. С. Нобелевская лекция. Осло, 1991.

Горбачева Р. М. Я надеюсь… М.: Книга, 1991. (Беседы с Г. Пряхиным о себе, прожитом и настоящем.)

Горбачева Р. М. Быт колхозного крестьянства. (Социологический очерк). Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1969.

Горбачева Р. М. Автореферат кандидатской диссертации, 1970. Горбачева Р. М. XXIV съезд КПСС о дальнейшем развитии социалистической культуры. (В помощь лектору). Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1973.

Мемуары

Авторханов А. От Андропова к Горбачеву. Париж, 1986.

Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Вильнюс, 1992.

Белоусова Г. А., Лебедев В. А. Партократия и путч. М.: Республика, 1992.

Антонов М. Ф. Ложные маяки и вечные истины: Пути выхода страны из кризиса и русская общественная мысль. М., 1991.

Волкогонов Д. Семь вождей. Кн.2. М.: Новости, 1996.

Грачев А. Дальше без меня… Уход Президента. М.: Издательская группа Прогресс-культура, 1994.

Коржаков А. В. Борис Ельцин. От рассвета до заката. М.: Интербрук, 1997.

Корзун В А. Россия и только Россия. Записки растерянного человека. М.: Издательство «Совершенство», 1998.

Пастусиак Лонгин. Первые леди Америки. Ростов н/Д, Феникс, 1998.

Лигачев Е. К. Загадка Горбачева. Новосибирск, 1992.

Николаев И. В. Елавная ошибка Горбачева. СПб: Библиотечка «Советский бестселлер», 1994.

Магд-Соэп де Каролина. Эмансипация женщин в России: литература и жизнь. М.: 1999.

Медведев В. Человек за спиной. М.: Русслит, 1994.

Медведев Р. Неизвестный Андропов. Ростов н/Д: Феникс, 1999.

Павлов В. Август изнутри. М., 1993.

Печенев В. А. Горбачев: к вершинам власти (из теоретико-мемуарных размышлений). М.: Еосподин Народ, Феномен человека, серия «Политические мемуары», 1991.

Сироткин ВТ. Демократия по-русски: очерки и публицистика. Из цикла «Неизвестная Россия. 1990–1999». М.: МИК, 1999.

Соловьев В., Клепикова Е. Борис Ельцин. М.: Вагриус, 1994.

Суходрев В. М. Язык мой — друг мой. М.: АСТ, 1999.

Черняев А. Шесть лет с Горбачевым. М.: Прогресс-Культура, 1993.

Яковлев А. Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М.: Новости, 1991.

Яковлев А. Н. Еорькая чаша: большевизм и реформация России. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1994.

О новейшей истории и судьбах России

Отец Вениамин (Новик) Православная христианская демократия. М.: Алетейя, 1999.

Егоров В. История в вашей жизни. М.: Наука, 1990.

Зиновьев А. Пост-коммунистическая Россия. М.: Республика, 1996. Джорданвилл, Нью-Йорк, США. Рус. издание: М., воен. изд-во, 1993.

Зиновьев А. Гомо советикус: Пара беллум М.: Московский рабочий, 1991.

Ильин И. О грядущей России. (Совм. изд-е св. Троицкого монастыря и корпорации «Телекс»).

История России. 1917–1995. В 4-х т. М.: Изд-во МИК, изд-во АГАР, 1996. Т. 3.

Геллер М. Седьмой секретарь. Блеск и нищета Горбачева.

Михин Ю. И. Путешествие из демократии в дерь-мократию и обратно. М.: ГАРТ, 1993.

Назаров М. В. Тайна России. Историософия XX века. М.: Альманах «Русская идея» (вып. 6). 1999.

Русь перед вторым пришествием. Исследования и очерки. Русская эсхатология. Житомир: СМП РИКО-Пресс, 1999. (Серия «Религиозно-философская литература»).

Сахаров А. Тревога и надежда. М., Московский рабочий. 1990.

Сорин И. Политическая история современной России. 1985–1994. М., 1994.

СССР. Хроника десятилетия (Фотоальбом). 1991.

Узнадзе А. Формирование имиджа политика в России. М.: Книжный дом университет, 1999.

Mikhail Gorbachev. An antimate biography. By the editions of Time magazine, New-York, 1988.

Paul Johnson. Modern times: the world from the twenties to the nineties. London, 1991.

Jores Medvedev. Gorbachev. Oxford, 1986.315

Из публикаций о Р. М. Горбачевой в периодике

1. За рубежом. 1997. № 47.
2. Общая газета. 1999. 28 октября-3 ноября.
3. Огонек. 1995. № 25.
4. Труд. 1997. 30 декабря.
5. Комсомольская правда. 1999. 21 августа.